

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Восточная Азия на перекрестке сотрудничества
и соперничества на региональном и международном уровнях

2021 Том 23 № 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук,
профессор кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Д.Б., кандидат политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Акчурина Виктория – доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин – доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола – доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич – доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати – доктор политических наук, доцент факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал Вестник РУДН. Серия «Политология» ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследование социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторов.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор: И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28;

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 21.04.2021. Выход в свет 24.05.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,55. Тираж 500 экз. Заказ № 194. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
**East Asia at the Crossroads of Cooperation
and Rivalry at the Regional and International Levels**

2021 VOLUME 23 No. 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yury M. Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ASSOCIATE EDITORS

Viktoria Akchurina – PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell – PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska – Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy – PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz – Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada – Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin – Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova – Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar – PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Associate Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22;
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Кутелева А.В., Щербаков Д.А. Восточная Азия на перекрестке сотрудничества и соперничества на региональном и международном уровнях: представляем номер	207
--	-----

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ

Корнеев К.А. Геополитические и экономические предпосылки участия Японии в международных объединениях на современном этапе.....	215
Cho Y. Effects of a Threat and Alliance on International Cooperation: Comparison of Inter-Korean and Turkish-Armenian Railway Projects (Чо Е. Угрозы и альянсы в международном сотрудничестве: сравнение межкорейского и турецко-армянского железнодорожных проектов)	225

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ

Chernilevskaya K.E. Internationalization of Renminbi as a Function of China's Foreign Exchange Policy (Чернилевская К.Е. Интернационализация юаня как элемент валютной политики Китая)	233
Епихина Р.А. Промышленная политика в электроэнергетическом секторе как инструмент реализации стратегии глобального лидерства Китая	243
Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность.....	254

МЯГКАЯ СИЛА И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Варпаховскис Э. Дипломатия знаний как инструмент внешней политики Республики Корея: теоретические аспекты и практическое применение на примере KOICA Scholarship Program	265
Matosian A.E. The Key Components of South Korea's Soft Power: Challenges and Trends (Матосян А.Э. Ключевые компоненты мягкой силы Республики Корея: современные вызовы и тенденции)	279
Сорокина А.А., Катрич А.М., Шилина А.Н. Образы Южной Кореи и России во взаимных представлениях студенческой молодежи двух стран	287

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕИ

Ким Н.Н. Историческая политика правительства Но Мухёна в Южной Корее: в поисках примирения с прошлым	305
Vorobeva A.K., Ragozina S.S. North Korean Posters as a Mean of Propaganda (Воробьева А.К., Рагозина С.С. Северокорейские плакаты как инструмент пропаганды)	316

CONTENTS

Kuteleva A.V., Shcherbakov D.A. East Asia at the Crossroads of Cooperation and Rivalry at the Regional and International Levels: Editorial Introduction	207
--	-----

REGIONAL COOPERATION AND INTEGRATION

Korneev K.A. Geopolitical and Economic Backgrounds for Japan's Participation in International Associations at the Present Stage	215
--	-----

Cho Y. Effects of a Threat and Alliance on International Cooperation: Comparison of Inter-Korean and Turkish-Armenian Railway Projects	225
---	-----

THE RISE OF CHINA: FOREIGN POLICY AND DOMESTIC DEVELOPMENT

Chernilevskaya K.E. Internationalization of Renminbi as a Function of China's Foreign Exchange Policy	233
--	-----

Epikhina R.A. Industrial Policy in the Electric Power Sector as Part of China's Global Leadership Strategy	243
---	-----

Mikhalevich E.A. The Concept of Cyber Sovereignty of the People's Republic of China: Development History and Essence	254
---	-----

SOFT POWER AND PUBLIC DIPLOMACY IN EAST ASIA

Varpahovskis E. Knowledge Diplomacy as an Instrument of South Korea's Foreign Policy: Theoretical Aspects and Practical Implementation in the Case of KOICA Scholarship Program	265
--	-----

Matosian A.E. The Key Components of South Korea's Soft Power: Challenges and Trends	279
--	-----

Sorokina A.A., Katrich A.M., Shilina A.N. Images of South Korea and Russia in the Mutual Representations of the Student Youth of Both Countries	287
--	-----

SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF KOREA

Kim N.N. Historical Policy of the Roh Moo-hyun's Government in South Korea: Seeking Reconciliation with the Past	305
---	-----

Vorobeva A.K., Ragozina S.S. North Korean Posters as a Mean of Propaganda	316
---	-----

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-207-214

Редакционная статья / Editorial article

Восточная Азия на перекрестке сотрудничества и соперничества на региональном и международном уровнях: представляем номер

А.В. Кутелева, Д.А. Щербаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. На протяжении 2000–2010-х гг. стремительный рост новых стран и регионов обозначил конец однополярного мира, который сохранялся после окончания холодной войны. Особенно убедительно этот переход проявился в Восточной Азии. Оживление экономики этого региона и связанное с ним неуклонное перераспределение власти – динамичный процесс, характеризующийся интенсивными изменениями во внешнеполитических и внешнеэкономических стратегиях, практиках и ориентациях Китая, Южной Кореи и Японии. Предлагаемый специальный выпуск направлен на критическую оценку новых тенденций в экономике и внешней политике Китая, Японии и Южной Кореи. В частности, в специальном выпуске рассматриваются два сложных и взаимосвязанных вопроса. Во-первых, как Китай, Южная Корея и Япония адаптируются к меняющейся международной обстановке? Во-вторых, какие стратегии используют Китай, Южная Корея и Япония для внутреннего развития? В статьях этого специального номера проводится анализ кибер-суверенитета Китая и особенностей его промышленной политики, исследуются сильные и слабые стороны публичной дипломатии Южной Кореи и рассматривается вклад Японии в регионализм, проблемы и перспективы развития отношений России с Южной Кореей, Китаем и Японией, дается оценка роли России в региональной политике Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, глобализация, региональное развитие, Корея, Китай, международная политика, Япония

Для цитирования: Кутелева А.В., Щербаков Д.А. Восточная Азия на перекрестке сотрудничества и соперничества на региональном и международном уровнях: представляем номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 207–214. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-207-214

East Asia at the Crossroads of Cooperation and Rivalry at the Regional and International Levels: Editorial Introduction

A.V. Kuteleva, D.A. Shcherbakov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The rise of new powers throughout the 2000s and the 2010s augurs the end of the unipolar system that has persisted since the end of the Cold War. In no region is this transition more

© Кутелева А.В., Щербаков Д.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

compelling than in East Asia. Economic revitalization of this region and a steady redistribution of power related to it is a dynamic process characterized by intense changes in foreign policy strategies, practices, and orientations of China, Korea, and Japan. The proposed special issue seeks to critically assess the emerging developments of China's, Japan's, and Korea's core international perceptions and policies. More specifically, the special issue addresses two complex and interrelated questions. Firstly, how do China, Korea, and Japan adapt to the changing international landscape? Secondly, how do China, Korea, and Japan respond to the challenges inherent to the pursuit of the enhanced international status? The contributions to this special issue aim at scrutinizing China's cyber-sovereignty and industrial policy; exploring the strengths and limitations of Korea's public diplomacy; and examining Japan's contributions to regionalism. The special issue also discusses Russia's relations with East Asia and its role in regional politics.

Keywords: East Asia, Globalization, Regional development, Korea, China, international politics, Japan

For citation: Kuteleva, A.V., & Shcherbakov, D.A. (2021). East Asia at the crossroads of cooperation and rivalry at the regional and international levels: Editorial introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 207–214. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-207-214

Структура международных отношений и мировой экономики в эпоху холодной войны была основана на логике биполярности, которая характеризовалась стратегическим соперничеством между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В этой формуле Восточная Азия считалась периферийной зоной большой азиатской подсистемы, где северная ось (СССР, КНР и Северная Корея) противостояла южной оси (США, Япония и Южная Корея). Стратегические взаимодействия между сверхдержавами определяли геополитическую судьбу Восточной Азии, а сами государства региона рассматривались как второстепенные игроки, чье поведение определяется расстановкой сил между сверхдержавами. Следуя данной логике, региональная динамика рассматривалась лишь как продолжение взаимодействий между Соединенными Штатами и Советским Союзом на системном уровне. В 1980-е гг. геополитическая ситуация начала меняться кардинальным образом, и уже в 1990-х гг. Восточная Азия стала одним из главных двигателей глобальной экономики. Китай, Южная Корея и Япония сохранили устойчивый рост даже на пике глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. и стали катализатором изменений в системе международных отношений в 2010-е гг.

Таким образом, в XXI в. центр мировой экономической и политической жизни переместился с Запада на Восток, что делает азиатский регион наиболее интересным для всестороннего изучения и сравнительного анализа. Официально провозглашенный поворот России на Восток также подчеркивает своевременность и актуальность обращения многих ученых к тематике экономических и политических трансформаций ведущих стран региона – Китая, Японии и Южной Кореи.

Интерес российских исследователей к Восточной Азии обусловлен, прежде всего, географической близостью, историей взаимоотношений, а также ростом мирового влияния стран региона в целом. Налаживание устойчивых связей с

азиатскими соседями дает России наиболее широкий простор для реализации собственных целей на мировой арене. Динамичное развитие экономических и политических связей России со странами азиатского региона открывает новые перспективы для сотрудничества не только в сфере экономики и политики, но также в области культуры, образования и здравоохранения. Последнее особенно актуально в свете общемировой борьбы с пандемией COVID-19. При этом сотрудничество России с государствами Восточной Азии может быть эффективным только в случае, если все совместные проекты разрабатываются и реализуются с учетом внутренних условий развития Восточной Азии. России необходимо понимание как азиатской популярной культуры и общественного развития, так и внутривосточных и дипломатических приоритетов. Именно это определяет безусловную актуальность исследований Восточной Азии сегодня.

Сегодня Китай является крупнейшей экономикой Азии, на втором месте находится Япония и на четвертом месте – Южная Корея. Вместе они обеспечивают четверть мирового экономического производства. Китай, Южная Корея и Япония сохраняют конкурентоспособность за счет развития передовых технологий и интенсивных капиталовложений в инновационные отрасли экономики, а также благодаря своим человеческим ресурсам. Восточная Азия не только создает экономические тренды, но и становится источником новых моделей глобализации [Liu, Dunford, and Gao 2018] и даже новых направлений в развитии культуры [Joо 2011]. При этом ведущая экономика Азии Китай не ограничивается региональными рамками и занимает все более прочные позиции на международной арене, участвуя в таких масштабных проектах XXI в., как объединение нового типа БРИКС, и предлагая собственные интеграционные модели, среди которых инициатива «Пояс и путь».

При этом Восточная Азия также имеет свою особую динамику безопасности. Во-первых, самой серьезной угрозой коллективной безопасности является северокорейский ядерный кризис. Во-вторых, несмотря на то что благодаря интенсивным социокультурным обменам Китай, Южная Корея и Япония стали намного ближе друг к другу, рост национализма, подпитываемый травматичными воспоминаниями о войнах и идеологических конфликтах XX в., усугубляет взаимное недоверие¹. Таким образом, «скрытый антагонизм» [Kristof 1998, 38], а также «историческая отчужденность» [Ikenberry and Mastanduno 2003, 2] и «дилеммы безопасности» [Klare 1993, 152], о которых давно предупреждали пессимистично настроенные эксперты, на протяжении последних двух десятилетий постепенно подтачивают основы многополярной структуры регионального порядка.

¹ The Economist. An old grudge between Japan and South Korea is getting out of hand. 23 August 2019. URL: <https://www.economist.com/asia/2019/08/29/an-old-grudge-between-japan-and-south-korea-is-getting-out-of-hand>. (accessed: 23.01.2021). The Economist. A spat over a statue puts South Korea and Japan at odds. 14 January 2017. <https://www.economist.com/asia/2017/01/12/a-spat-over-a-statue-puts-south-korea-and-japan-at-odds> (accessed: 23.01.2021).

Последовательное снижение влияния США в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Khong 2018], ремилитаризация Японии [Koga 2017], гегемонистские амбиции Китая [Sørensen 2015, Gill 2020] и усиление военной напряженности на Корейском полуострове [Худолей 2018] способствуют эскалации застарелых конфликтов. Означает ли это, что негативные сценарии начинают сбываться?

В специальном выпуске нашего журнала предложены ответы на данный вопрос, с акцентом на критическую (пере)оценку основных тенденций в экономике, внешней политике и внутреннем развитии Китая, Южной Кореи и Японии. В основу выпуска легли материалы международной междисциплинарной конференции *Korea and Russia: International Agenda*, которая была организована в октябре 2020 г. совместно НИУ ВШЭ и Университетом Кёнхи (Республика Корея). Данная конференция была посвящена годовщине установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея и собрала вместе более 50 выдающихся ученых-востоковедов из более чем 10 разных стран мира – от Мексики до Японии, а также стала важной площадкой для обмена идеями и поиска новых направлений исследований для молодых талантливых ученых. Основная задача выпуска, подготовленного на базе данной конференции, состоит в том, чтобы понять, как пересекающиеся измерения региональных и международных отношений сливаются в сложную реальность современной Восточной Азии и объяснить, как Китай, Южная Корея и Япония адаптируются к меняющейся международной обстановке.

Безусловно, наиболее впечатляющей частью истории развития Восточной Азии за последние два десятилетия был динамичный экономический рост, сопряженный с растущими двусторонними, региональными и глобальными взаимозависимостями. К.А. Корнеев рассматривает геополитические и экономические факторы включения Японии в интеграционные процессы, а также особенности японской политики участия в региональных и субрегиональных торговых соглашениях. Его исследование показывает, что Япония последовательно идёт на сближение с соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону и не собирается замыкаться в узких национальных рамках, несмотря на турбулентность в отношениях с ее ближайшими соседями и главными торговыми партнерами – Китаем и Южной Кореей.

Усиление экономической взаимозависимости национальных экономик стало главным императивом развития и основным стабилизирующим фактором Восточной Азии, но не все государства могут построить эффективную модель сотрудничества. Например, Чо Ёнсун в своем исследовании показывает, что, хотя Северная и Южная Корея одинаково заинтересованы в расширении экономических связей и установлении транспортного сообщения с евразийским континентом, их совместные инфраструктурные проекты буксуют из-за международных санкций, ограничивающих сотрудничество с Северной Кореей. Таким образом, судьба межкорейских инфраструктурных проектов определяется не только экономической рациональностью и интересами Сеула и Пхеньяна, но и императивами альянса Сеула и Вашингтона.

Подъем Восточной Азии неизбежно привлекает внимание к Китаю. В 2017 г. на Китай приходилось 12,4% мировой торговли². Имея ВВП более 23 трлн долларов США, Китай, безусловно, обладает достаточным экономическим весом, чтобы заявить о своем присутствии и продемонстрировать свою силу на региональном и глобальном уровнях. К.Е. Чернилевская анализирует инициативы китайского правительства, свидетельствующие о переходе к более активной стратегии интернационализации юаня. Этот подробный анализ новой монетарной политики Китая дополняет исследование Р.А. Епихиной, посвященное промышленной политике. Эта работа рассказывает нам об особенностях модернизации промышленности и изменениях ее отраслевой структуры при активном участии государства на примере электроэнергетического сектора.

Экономический рост Китая ставит под сомнение способность США влиять на мировой финансовый и торговый порядок, что заставляет США включать защитный режим и пытаться сдержать рост Китая. Так как напряженность в китайско-американских отношениях вряд ли снизится в ближайшее время [Лукин 2019], Китай стремится потеснить США не только в мировой экономике, но и в других областях. Одно из новых полей битвы – это международное киберпространство. США с первого дня были в авангарде «киберреволюции», а Китай относительно поздно к ней присоединился. Однако Китай быстро добивается успехов. За последние годы китайское руководство не только сформировало концепцию «управления киберпространством с китайской спецификой», но и сделало всё возможное, чтобы завоевать первенство в этой области. Этот сложный и многоступенчатый процесс рассматривается в статье Е.А. Михалевич.

В разгар обострившегося экономического конфликта с США Китай сталкивается с огромной (если в принципе разрешимой) задачей – ему необходимо легитимизировать свои геополитические притязания и доказать, в первую очередь, своим ближайшим соседям, что он стал полноправным участником международных отношений и готов играть по установленным правилам. Успехи Китая по продвижению своего национального брэнда оставляют желать лучшего [Servaes 2016], а Южная Корея, напротив, зарекомендовала себя лидером в этой области. Э. Варпаховский анализирует южнокорейскую дипломатию знаний – один из новых инструментов «мягкой силы». Статья А.Э. Матосян посвящена роли «корейской волны» в формировании национального брэнда Южной Кореи. Оба исследования показывают, что залог эффективности южнокорейской стратегии мягкой силы – постоянные инновации и быстрая реакция на изменения международной повестки. Работы Э. Варпаховского и А.Э. Матосян дополняют исследование А.А. Сорокиной, А.М. Катрич и А.Н. Шилиной, посвященное представлениям современной южнокорейской молодежи о России и российской – о Южной Корее.

² ChinaPower Project. Is China the World's Top Trader? March 28, 2019. Updated August 25, 2020. ChinaPower.CSIS.Org. URL: <https://chinapower.csis.org/trade-partner/> (accessed: 23.01.2021).

Мягкая сила помогает Сеулу выйти за пределы своей весовой категории на мировой арене и убедить международное сообщество поддержать его примирительную политику по отношению к Северной Корее. В долгосрочной перспективе действенность «мягкой силы» в этом направлении внешней политики будет зависеть в том числе и от того, насколько последовательно Сеул будет воплощать свои ценности дома. Здесь важную роль играет политика исторической памяти.

Проблемы переосмысления истории поднимаются в работе Н.Н. Ким. В частности, автор подробно разбирает, как инициативы по восстановлению национальной и семейной памяти становятся важнейшим компонентом процессов общенационального объединения. В то время как Южная Корея выстраивает национальную идентичность и создает культурные нарративы посредством динамичного диалога между государством и обществом, в Северной Корее государство сохраняет полную монополию на интерпретации как коллективного настоящего, так и коллективного прошлого. Исследуя агитационные плакаты как один из жанров государственной пропаганды, С.С. Рагозина и А.А. Воробьева показывают, что тоталитарный режим воссоздает национальную историю через дихотомические образы «своих» и «чужих».

В целом данный специальный выпуск дополняет и расширяет картину современного состояния ведущих восточноазиатских стран и на ее основе позволяет сделать ряд выводов о возможностях для России с точки зрения реализации дальнейшей стратегии по выстраиванию наиболее эффективных отношений с Китаем, Японией и Южной Кореей. Поворот на Восток, провозглашенный клубом «Валдай» в начале 2010-х гг., только набирает обороты: не умаляя значимости всех шагов, которые уже были сделаны за этот период по усилению присутствия России в Азии и развитию Сибири и Дальнего Востока, нельзя не отметить необходимость дальнейшего наращивания торгово-экономических и политических связей со странами Восточной Азии, формирование в Евразии нового пространства совместного развития [Караганов и Бордачев 2019].

В качестве задела на будущее для исследователей, занимающихся азиатским регионом, следует рассмотреть степень значимости третьих стран для экономической и политической экспансии. Так, Китай и другие азиатские инвесторы активно наращивают свое присутствие в ведущих странах Латинско-Карибской Америки и Африки, вытесняя с этих рынков традиционных игроков (в первую очередь США и Европейский Союз). В ближайшее время борьба за доступ к этим рынкам будет только обостряться, что ставит перед современными регионоведами, экономистами и политологами новые научные задачи, требующие рассмотрения уже сейчас.

Поступила в редакцию / Received: 02.01.2021
Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список

- Караганов С.А., Бордачев Т.В. К Великому океану: хроника поворота на Восток: сборник докладов Валдайского клуба. М.: БОСЛЕН, 2019.
- Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06
- Худолей К.К. Корейский полуостров: шаги от пропасти // Россия в глобальной политике. 2018. № 16 (6). С. 204–214.
- Gill B. China's global influence: Post-COVID prospects for soft power. *The Washington Quarterly*. 2020. № 43 (2). P. 97–115.
- Ikenberry G.J., Mastanduno M. (Eds.) *International relations theory and the Asia-Pacific*. Columbia University Press, 2003.
- Joo J. Transnationalization of Korean popular culture and the rise of “pop nationalism” in Korea // *The Journal of Popular Culture*. 2011. № 44 (3). P. 489–504.
- Khong Y.F. A Regional Perspective on the US and Chinese Visions for East Asia // *Asia Policy*. 2018. № 25 (2). P. 6–12.
- Klare M.T. The next great arms race // *Foreign Affairs*. 1993. № 72 (3). P. 136–152.
- Koga K. The concept of “hedging” revisited: the case of Japan's foreign policy strategy in East Asia's power shift // *International Studies Review*. 2017. № 20 (4). P. 633–660.
- Kristof N.D. The problem of memory. *Foreign Affairs*. 1998. № 77 (1). P. 37–49.
- Liu W., Dunford M., Gao B. A discursive construction of the Belt and Road Initiative: From neo-liberal to inclusive globalization // *Journal of Geographical Sciences*. 2018. № 28 (9). P. 1199–1214.
- Servaes J. The Chinese dream shattered between hard and soft power? // *Media, Culture & Society*. 2016. № 38 (3). P. 437–449.
- Sørensen C.T. The Significance of Xi Jinping's “Chinese Dream” for Chinese Foreign Policy: From “Tao Guang Yang Hui” to “Fen Fa You Wei” // *Journal of China and International Relations*. 2015. № 3 (1). P. 53–73.

References

- Gill, B. (2020). China's global influence: Post-COVID prospects for soft power. *The Washington Quarterly*, 43(2), 97–115. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1771041
- Ikenberry, G. J., & Mastanduno, M. (Eds.). (2003). *International relations theory and the Asia-Pacific*. Columbia University Press.
- Joo, J. (2011). Transnationalization of Korean popular culture and the rise of “pop nationalism” in Korea. *The Journal of Popular Culture*, 44(3), 489–504. DOI: 10.1111/j.1540-5931.2011.00845.x
- Karaganov, S., & Bordachev, T. (Eds.). (2019) *Toward the Great Ocean: A chronicle of Russia's turn to the East*. Moscow, Boslen publ. (In Russian).
- Khong, Y. F. (2018). A regional perspective on the US and Chinese visions for East Asia. *Asia Policy*, 25(2), 6–12.
- Khudoley, K., (2018). Korean Peninsula: Steps from the Abyss. *Rossiia v global'noi politike*, 16(6), 204–214. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korejskij-poluostrov-shagi-ot-propasti/> (Accessed on 1 March 2021). (In Russian).
- Klare, M. T. (1993). The next great arms race. *Foreign Affairs*, 72(3), 136–152.
- Koga, K. (2017). The concept of “hedging” revisited: The case of Japan's foreign policy strategy in East Asia's power shift. *International Studies Review*, 20(4), 633–660. DOI: 10.1093/isr/vix059
- Kristof, N. D. (1998). The problem of memory. *Foreign Affairs*, 77(1), 37–49.
- Liu, W., Dunford, M., & Gao, B. (2018). A discursive construction of the Belt and Road Initiative: From neo-liberal to inclusive globalization. *Journal of Geographical Sciences*, 28(9), 1199–1214. DOI: 10.1007/s11442-018-1520-y
- Lukin, A. V. (2019). Discussion on the development of China and the prospects for its foreign policy. *Polis: Journal of Political Studies*, (1), 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06. (In Russian).

Sørensen, C. T. (2015). The significance of Xi Jinping's "Chinese Dream" for Chinese foreign policy: From "Tao Guang Yang Hui" to "Fen Fa You Wei". *Journal of China and International Relations*, 3(1), 53–73. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v3i1.1146

Сведения об авторах:

Кутелева Анна Вячеславовна – доктор политических наук, научный сотрудник факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: akuteleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-7805-1607).

Щербakov Денис Аркадьевич – кандидат экономических наук, директор Центра развития международной деятельности, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: dshcherbakov@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-8607-6265).

About the authors:

Anna V. Kuteleva – PhD in Political Science, Research Fellow, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: akuteleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-7805-1607).

Denis A. Shcherbakov – PhD in Economics, director of the Centre for International Cooperation, Associate Professor of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: dshcherbakov@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-8607-6265).

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ REGIONAL COOPERATION AND INTEGRATION

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-215-224

Научная статья / Research article

Геополитические и экономические предпосылки участия Японии в международных объединениях на современном этапе

К.А. Корнеев

Институт Дальнего Востока Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Япония относится к числу несомненных лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), даже несмотря на то, что по ряду показателей (например, ВВП в номинальном выражении) и уступила в конце 2000-х гг. первенство Китаю. Тем не менее позиции японских корпораций в области автомобилестроения и кораблестроения, информационных технологий, телекоммуникационных систем, производства энергетического оборудования по-прежнему прочны. Уверенно Токио чувствует себя и в международном политическом пространстве – большинство региональных проблем решаются при активном содействии Японии. Соответственно, японское правительство обладает всеми рычагами для проведения четкой и последовательной внешней политики с максимальным учетом собственных интересов, а также возможностями для привлечения к взаимовыгодному сотрудничеству широкого круга зарубежных партнеров в рамках многосторонних соглашений. Однако в настоящее время японские корпорации сталкиваются с возрастающей конкуренцией со стороны китайских и южнокорейских компаний на азиатских рынках, что заставляет Японию принимать во внимание новые геополитические расклады и стремиться к «мягкому» продвижению своего видения регионального развития. Цель исследования заключается в анализе подходов Японии к участию в актуальных международных объединениях и общей оценке влияния этих подходов на геополитическое и экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Методология исследования базируется на инструментарии общественных и экономических наук (сравнительный анализ, контент-анализ, сводный анализ, экономико-статистический анализ, исторический и логический методы), а также дополняется системным научным подходом к разработке проблемы на основе поиска и интерпретации больших объемов информации.

Ключевые слова: Япония, АТР, взаимосвязь политики и экономики, международные объединения, геополитическое пространство

Для цитирования: Корнеев К.А. Геополитические и экономические предпосылки участия Японии в международных объединениях на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 215–224. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-215-224

© Корнеев К.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Geopolitical and Economic Backgrounds for Japan's Participation in International Associations at the Present Stage

K.A. Korneev

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. Japan is one of the undisputed economic leaders in the Asia-Pacific region, despite the fact that in a number of macroeconomic indicators (for example, in nominal GDP) it gave the primacy to China in the late 2000s. Nevertheless, the positions of Japanese financial and industrial groups in the automotive and shipbuilding sectors, information technology, telecommunications systems, and power equipment manufacturing are still strong in the world markets. Tokyo also feels confident in the international political space – most regional problems are solved with the active participation of Japan. Accordingly, the Japanese government has all the possibilities to conduct a clear and consistent foreign policy with a maximum consideration for its own interests, as well as it has opportunities to attract a wide range of overseas partners to mutually beneficial cooperation within the framework of multilateral agreements. However, nowadays in the Asia-Pacific markets, Japanese corporations face increasing competition from Chinese and South Korean companies, which forces Japan to take into account new geopolitical situations and strive to “softly” promote its vision of regional development. The purpose of the study is to analyze Japan's approaches to participation in current international associations and to assess the overall impact of these approaches on the geopolitical and economic space of the Asia-Pacific region. The research methodology is based on the apparatus of social sciences (comparative analysis, content analysis, economic and statistical analysis, synthesis, historical and logical methods), and is supplemented by a systematic approach to the research topic through the search and interpretation of the appropriate information.

Keywords: Japan, Asia-Pacific region, interaction of political and economic factors, international associations, geopolitical space

For citation: Korneev, K.A. (2021). Geopolitical and economic backgrounds for Japan's participation in international associations at the present stage. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 215–224. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-215-224

Введение

Япония, как высокоразвитая и устойчивая в политическом и социально-экономическом плане страна, участвует во множестве различных международных объединений, поэтому нет смысла рассматривать каждый случай – все-таки важных в геополитическом и экономическом выражении многосторонних соглашений Япония подписала немного. До недавнего времени основной упор в реализации внешней политики делался на выстраивании системы двусторонних отношений с ключевыми партнерами – США, странами ЕС, Австралией, Китаем, Республикой Корея. Весомое место в этом списке занимают и монархии Персидского залива как основные поставщики столь необходимых Японии первичных энергоресурсов. Однако в последнее время обострилось геополитическое соперничество с Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (так называемая проблема «двух лидеров») и значительно

усилилась конкуренция на азиатских и мировых рынках с южнокорейскими производителями высокотехнологичной продукции.

В этих новых условиях Япония активно наращивает свое торгово-экономическое и геополитическое влияние в Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Шри-Ланка, Непал, Таиланд, Вьетнам, Бруней, Филиппины, Малайзия, Индонезия). Большинство этих стран еще с 1967 г. входят в крупное региональное объединение (АСЕАН), и неудивительно, что именно с данной структурой Япония взаимодействует наиболее тесно. Также существенное внимание уделяется сотрудничеству в рамках ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) и АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). ОЭСР, действующая с 1961 г., представляет собой международную дискуссионную площадку по проблемам развития мировой экономики, преодоления финансово-экономических кризисов, соблюдения прав человека, борьбы с бедностью и загрязнением окружающей среды и не ставит целью решение практических задач внешнеэкономического сотрудничества стран-членов¹.

Вместе с тем АТЭС как экономический форум ориентирован на достижение «твердых» результатов – установление в АТР зоны свободной торговли, облегчение тарифного и таможенного регулирования, увеличение доли взаимных инвестиций и капиталовложений. Также в ноябре 2020 г. Япония стала членом нового объединения в Азиатско-Тихоокеанском регионе – ВРЭП, или Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

В отечественной и зарубежной литературе значительное внимание уделяется изучению политических и экономических предпосылок участия Японии в международных организациях, однако эти предпосылки рассматриваются зачастую по отдельности, без полноценного учета их взаимозависимости. Среди отечественных исследователей можно выделить труды Кистанова В.О. из Института Дальнего Востока РАН [Кистанов 2017], Стрельцова Д.В. из МГИМО [Стрельцов 2019], Парамонова О.Г. из МГИМО [Парамонов 2018], Добринской О.А. из Дипломатической академии МИД России [Добринская 2020]. Схожие проблемы затрагиваются и в работах зарубежных ученых: А. Танаки из Национального института политических исследований, Япония [Tanaka 2017], К. Хьюза из Университета Уорика, Великобритания [Hughes 2016], К. Рамиреса из Университета Киндай, Япония [Ramirez 2021].

Япония и АТЭС

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество – международное объединение, основанное по инициативе австралийского премьер-министра Б. Хоука в 1989 г. Изначально в состав АТЭС вошли 12 стран, в настоящий же момент в работе организации участвует 21 государство, включая

¹ MOFA. Foreign Missions and International Organizations in Japan. 2020. URL: https://www.mofa.go.jp/about/emb_cons/protocol/organization.html (accessed: 10.02.2021).

США, Японию, Китай, Южную Корею, Россию, Новую Зеландию и большинство стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Получается, что на протяжении нескольких десятилетий этот экономический форум соединял в своих рядах ключевые экономики АТР, несмотря на растущие геополитические разногласия между ними. Цели АТЭС – поддержание стабильного экономического роста стран-членов и либерализация внешней торговли – в определенной мере были достигнуты в 1990-е гг. (например, рост ВВП стран Азиатско-Тихоокеанского региона превышал среднемировой показатель в 1,2 раза). Однако уже с середины 2000-х гг. роль и значение этой организации в региональной системе координат неуклонно снижается, поскольку ключевые ее члены проводят в целом независимую политику и относятся к АТЭС все более формально [Lynchetal 2020].

Что касается Японии, то участие в деятельности этого форума стало хорошим подспорьем для ее экспортно-ориентированных производителей автомобилей, бытовой техники и электроники, промышленного оборудования. В конце 1980-х – 1990-е гг. экстенсивный потенциал роста японской экономики (за счет расширения номенклатуры экспорта товаров и услуг) еще сохранялся в достаточной мере, поэтому сотрудничество в рамках АТЭС упростило доступ японских товаров на внутренние рынки стран – членов новой организации. Также вырос и престиж Японии на международной арене, поскольку ее вклад в работу АТЭС был весьма ощутимым и на определенных этапах даже решающим для эффективной деятельности этой структуры.

К середине 1990-х гг. доля Японии в мировом экспорте составила порядка 10%, страна вышла на второе после США место в мире по объему прямых зарубежных инвестиций (15%) и также закрепилась на втором месте по размеру номинального ВВП. В тот же период сложилась и в целом сохранившаяся до наших дней структура внешнеторгового баланса, в которой ключевым торговым партнером остаются США. На североамериканский рынок уходит до 30% японского экспорта, в то время как импорт из США формирует 12% внутренней статистики. Поэтому Япония обладает положительным сальдо внешнеторгового баланса, то есть экспорт значительно превышает импорт в стоимостном выражении, что позволяет поддерживать макроэкономическую стабильность (устойчивость к внешним шокам) на высоком уровне².

В 1990-е – начале 2000-х гг. Япония удерживала позиции несомненного локомотива развития в АТР, и многие азиатские страны – в первую очередь Китай и Республика Корея – активно перенимали японский опыт и стремились привлечь инвестиции японских компаний в высокотехнологические сектора промышленности. Геополитическое пространство региона на этом этапе имело стабильные очертания, поскольку в Восточной, Юго-Восточной и

² Экономика Японии. Япония в международных экономических отношениях // Информационный портал Ereport.ru. URL: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/japan3.htm> (дата обращения: 09.12.2020).

Южной Азии не было государства, способного проводить собственную внешнюю политику, не принимая так или иначе во внимание позицию Японии.

Япония и АСЕАН

До конца 1980-х гг. контакты Японии со странами АСЕАН носили поверхностный характер и сосредоточивались на обсуждении проблем региональной безопасности в условиях холодной войны. Слаборазвитые и бедные государства Юго-Восточной Азии не могли рассматриваться в качестве рынков сбыта японской продукции с высокой добавленной стоимостью по причине того, что такая продукция им попросту не требовалась, к тому же уровень покупательной способности населения был низок. Но ситуация изменилась в середине 1990-х гг., во-первых, после того, как некоторые страны АСЕАН стали членами АТЭС, и во-вторых, когда в целом успешное экономическое развитие этих государств (например, Таиланда, Малайзии, Сингапура) сделало их рынки привлекательными для японских экспортных компаний. После Азиатского кризиса 1997 г., в результате которого из региона Юго-Восточной на 80% ушли капиталы западных корпораций, появилась дополнительная возможность для углубления сотрудничества.

В 1997 г. была анонсирована комплексная программа АСЕАН+3, в рамках которой предполагалась разработка новой модели кооперации с крупными экономиками Восточной Азии – Китаем, Японией, Республикой Корея. Основу этой модели составляло взаимное снижение ввозных пошлин на потребительские товары и более активное участие восточноазиатских стран в финансировании инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Азии (строительство железных и автомобильных дорог, морских портов и т.д.). Основную роль в переговорах играла Япония, для которой особую важность представляла энергетическая проблема, а именно сокращение зависимости от импорта энергоресурсов из стран Персидского залива благодаря частичной переориентации этих маршрутов в ЮВА. Более того, уже тогда в японских правительственных кругах звучали мнения о необходимости сдерживания Китая, стремительное экономическое развитие которого ставило под вопрос, казалось бы, незыблемые лидерские позиции Японии в АТР [Verico 2013].

К концу 2000-х гг. благодаря практическим усилиям по реализации плана АСЕАН+3 государства-члены этого объединения стали важными экспортерами природных ресурсов и продовольствия для Японии. Например, в 2011 г. Малайзия, Индонезия и Бруней суммарно поставляли в Японию 35% всего импортируемого природного газа, а Таиланд обеспечивал примерно 60% японского импорта сахара. Вместе с тем страны АСЕАН в значительной степени увеличили закупки высокотехнологической продукции японского производства: до 30% импортных поставок транспортного, энергетического и промышленного оборудования в регионе приходится на Японию. Также с конца 2000-х гг. японское правительство рассматривало возможность присоединиться к Зоне свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН, формально действо-

вавшей с 1992 г. К началу 2010-х гг. удалось добиться некоторых успехов – например, отменить таможенные барьеры для избранных групп товаров (продовольствие, текстиль, минералы). Однако полноценную ЗСТ создать не получилось по причине существенных диспропорций в уровнях экономического развития потенциальных участников [Hitoshi 2014].

В 2016 г. было подписано предварительное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) – проекте администрации США времен президента Барака Обамы, направленном на создание крупнейшего экономического объединения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в противовес масштабной инициативе Китая «Один пояс – один путь». Помимо Японии этот документ подписали три страны, входящие в АСЕАН и имеющие непростые отношения с КНР, – Вьетнам, Малайзия и Бруней. Однако следующий президент – Д. Трамп – вывел США из соглашения о ТТП, посчитав его невыгодным для американских производителей. Тем не менее Япония решила действовать дальше и без участия США, предложив формат Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП) из 11 участников. Идея заключалась в том, что Япония станет доминирующей силой в этой структуре и сможет продвигать выгодный для нее международный торговый режим. Рамочное соглашение о создании ВПТТП было подписано в марте 2018 г., но эта история всё-таки сильно затянулась и страны АСЕАН сделали свой ход³.

Япония и Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)

Переговоры о создании Всестороннего регионального экономического партнерства велись в рамках АСЕАН еще с 2011 г. Слишком медленный прогресс предыдущей ЗСТ привел к ее закономерному восприятию как «концепции прошлого», не отвечающей современным реалиям. На протяжении восьми лет на саммитах АСЕАН обсуждалась архитектура нового многостороннего соглашения, и в итоге было решено расширить его до полноценного регионального объединения с включением в состав крупнейших экономик АТР – Китая, Японии, Республики Корея. К тому же в 2010-е гг. значение стран Юго-Восточной Азии для системы региональных торгово-экономических связей заметно усилилось, их внутренние рынки стали гораздо более привлекательны для иностранных инвестиций, увеличилась потребность в импорте технологий, ощутимо возросла и покупательная способность населения. Поэтому присоединиться к перспективному союзу страны Восточной Азии согласились, пусть и преследуя разные цели.

Если для Китая, не приглашенного в ТТП и потом ВПТТП, вступление во ВРЭП стало своеобразной демонстрацией собственной значимости в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в дополнение к этому, позволило говорить о сопряжении многих проектов инициативы «Один пояс – один путь» и нового

³ Соглашение о ТПП без США упорядочит торговые сделки // РИА Новости (RIANovosti) 30.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181230/1548928858.html> (дата обращения: 10.12.2020).

объединения, то Япония демонстрировала иное видение. Токио пока не отказывается от дальнейшего продвижения ВПТТП, несмотря на то, что многие партнеры по этому соглашению не спешат его полностью ратифицировать. С позиций большинства стран АСЕАН, условия сотрудничества в рамках Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства требуют существенного изменения подходов к смежным вопросам экологии, защиты интеллектуальной собственности и снижению роли государства в экономике, к чему государства ЮВА пока не готовы в требуемой мере.

Тем не менее членство сразу в двух масштабных интеграционных проектах в Азиатско-Тихоокеанском регионе полностью соответствует японской политике «открытого регионализма», направленной на создание расширенной повестки кооперации в Восточной и Юго-Восточной Азии с привлечением США, Индии и других государств южной части Тихого океана. Индия, например, пока воздержалась от вступления во ВРЭП по внутренним причинам. Какими будут действия США при новой администрации, тоже неясно, однако Япония готова гибко реагировать на меняющиеся условия, не отклоняясь при этом от основного вектора движения⁴.

Пока сложно рассуждать о конкретных мерах по снижению барьеров для взаимной торговли в рамках ВРЭП, на их разработку и согласование потребуется время. Однако подразумевается, что внутренние рынки государств-членов этого объединения будут открыты для свободного движения товаров без учета их происхождения – то есть из любой страны в любую страну, что, конечно же, больше выгодно Китаю и государствам АСЕАН, чем Японии и Республике Корея. Потенциально же ВРЭП может стать крупнейшим экономическим объединением в мире с населением более 2 млрд человек и совокупным ВВП порядка 30 трлн долл. США.

Оценка экономических и геополитических факторов

Япония в формировании и продвижении своей комплексной внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе опирается на ряд предпосылок, проистекающих как из географического положения страны, так и экспортно-ориентированного характера экономики. Естественно, Токио стремится к поддержанию такого баланса сил в АТР, при котором ни одно из государств не обладает доминирующим положением, однако усилия Китая по превращению в региональную сверхдержаву в настоящий момент достаточно эффективны, что не может не вызывать обеспокоенности со стороны Японии.

Выделяются следующие геополитические предпосылки участия Японии в международных экономических объединениях⁵.

⁴ *What you should know about RCEP, Asia's New Trade Agreement* // Brookings. November 19, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/podcast-episode/what-you-should-know-about-rcep-asias-new-trade-agreement/> (accessed: 11.12.2020).

⁵ *Navigating Geopolitical Uncertainty in a Post-Abe World* // The Japan Times. August 29, 2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/08/29/commentary/japan-commentary/geopolitical-uncertainty-shinzo-abe-japan/> (accessed: 13.12.2020).

1. Развитие структуры международных связей, отвечающей национальным интересам страны, а именно подписание таких многосторонних соглашений, когда присутствует очевидная система сдержек и противовесов, не позволяющая отдельным участникам занимать привилегированное положение.

2. Умеренное следование принципам «атлантизма», или, иными словами, сохранение сложившегося статус-кво, при котором главным арбитром в разрешении региональных споров остаются внешние силы. Эта стратегия хорошо работала для Японии на протяжении нескольких десятков лет, но влияние главной такой силы – США – неуклонно снижается, поэтому Япония ищет расширения союзнических отношений с Индией и Австралией как носителями схожих либерально-демократических ценностей.

3. Укрепление имиджа государства, опирающегося исключительно на «мягкую силу» во взаимоотношениях с партнерами. Японии важно показать, что она настроена на конструктивный взаимовыгодный диалог, и это, конечно же, связано с преодолением негативных последствий экспансионистской политики первой половины XX века. Премьер-министр Синдзо Абэ приложил немало усилий для осуществления этих шагов, и теперь, после его ухода, сохраняется неопределенность по части дальнейшего плана действий, но, скорее всего, его преемники продолжат вести схожую внешнюю политику.

Среди экономических предпосылок следует дополнительно обозначить:

1) регулирование макроэкономических показателей развития японской экономики. Имеется в виду совокупность внешних факторов, оказывающих на нее давление. Во-первых, это необходимость соблюдать Парижское соглашение по климату при ограниченных возможностях развития возобновляемой энергетики и туманном будущем АЭС. Во-вторых, необходимость привлечения значительного объема иностранных займов в корпоративный сектор под госгарантии для борьбы с растущей безработицей (около 4% по состоянию на ноябрь 2020 г., для Японии – большая цифра), что дополнительно ведет к увеличению суверенного долга Японии, который и так самый крупный в мире (240% ВВП). И, в-третьих, необходимость увеличивать социальные расходы как следствие не только безработицы, но также старения населения и низкой рождаемости. Для решения этих проблем Японии требуется внешнеэкономическая стабильность, чтобы не направлять ресурсы на торговые войны с соседями, а концентрировать их внутри страны [Carnell 2020];

2) прозрачное и в целом предсказуемое поведение ключевых торгово-экономических партнеров, для чего и необходима система взаимовыгодных международных соглашений. Долгосрочные планы (дорожные карты) по развитию японской экономики основываются на сценарном макроэкономическом прогнозировании с учетом благоприятных для Японии вариантов развития событий; конечно, рассматриваются и негативные сценарии, но вероятность их осуществления считается минимальной;

3) сохранение и расширение экспортных рынков для японской продукции с высокой добавленной стоимостью. Данное направление в рамках внешне-

торговой политики считается одним из самых важных, поскольку от этого напрямую зависит благосостояние и дальнейшее технологическое развитие страны. Конечно, южнокорейские и (пока в меньшей степени) китайские корпорации активно конкурируют с японскими производителями на рынках АТР, но, превосходя последних в количестве продаваемой продукции, они заметно уступают им по уровню качества [Wakatabe 2019].

Заключение

Говоря о месте, которое сейчас занимает Япония в системе торгово-экономических связей Азиатско-Тихоокеанского региона, следует упомянуть ее по-прежнему сильные лидерские позиции в развитии передовых с технологической точки зрения отраслей – автомобильной и судостроительной промышленности, энергетики (включая возобновляемую и водородную), различных информационных систем, робототехники и искусственного интеллекта. Несомненно, продукция этих отраслей находит своих покупателей, поскольку обладает высоким уровнем надежности и прекрасными эксплуатационными характеристиками.

Поэтому, не стремясь превзойти конкурентов в деле территориальной торговой экспансии, Япония успешно играет на поле интенсификации сотрудничества и с традиционными партнерами (США, КНР, Россия, страны ЕС, Австралия), и с относительно новыми, чей список растет как раз благодаря появлению таких международных экономических объединений, как ВПТТП и ВРЭП. Сбалансированная и грамотно выстроенная внешняя политика Японии позволяет ей успешно справляться с текущими геополитическими и экономическими вызовами.

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список

- Добринская О.А.* Вопросы миротворчества во внешней политике Японии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 721–737.
- Кистанов В.О.* Узловые проблемы внешней политики Японии в 2016 – начале 2017 г. // Ежегодник Японии. 2017. Т. 46. С. 7–25.
- Парамонов О.Г., Пузанова О.В.* Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 134–142.
- Стрельцов Д.В.* Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 38–49.
- Carnell R.* Japan: Riding their Luck // ING: Economic and Financial Analysis. 2020. November. P. 1–15.
- Hitoshi S.* How can ASEAN and Japan mutually benefit from ASEAN economic integration? // ILO Asia-Pacific Working Paper Series. 2014. October. P. 1–24.
- Hughes C.* Japan's "Resentful" Realism and Balancing China's Rise // The Chinese Journal of International Politics. 2016. No. 9 (2). P. 109–150.

- Lynch B., Chenyang L., Lee S. et al. Report of the PECC Task Force on APEC Beyond 2020. Singapore: Pacific Economic Cooperation Council Publications, 2020.
- Ramirez C. Japan's Foreign and Security Policy under Abe: from Neoconservatism and Neoautonomy to Pragmatic Realism // *The Pacific Review*. 2021. No. 34 (1). P. 146–175.
- Tanaka A. Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy. Translated by Hoff Jean Connel. Tokyo: Japan Publishing Industry Foundation for Culture, 2017.
- Verico K. The Economic Integration of ASEAN+3 // *MPRA Paper*, 2013. No. 43801. P. 1–18.
- Wakatabe M. Has Japan's Economy Changed? Challenges and Prospects. Tokyo: Bank of Japan Publications, 2019.

References

- Carnell, R. (2020). *Japan: Riding their Luck*. ING: Economic and Financial Analysis, November, 1–15.
- Dobrinskaya, O.A. (2020). Peacekeeping in Foreign Policy of Japan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(4), 721–737. (In Russian).
- Hitoshi, S. (2014). *How can ASEAN and Japan mutually benefit from ASEAN economic integration?* ILO Asia-Pacific Working Paper Series, October, 1–24.
- Hughes, C. (2016). Japan's "Resentful" Realism and Balancing China's Rise. *The Chinese Journal of International Politics*, 9(2), 109–150.
- Kistanov, V.O. (2017). The Key Problems of Japan's Foreign Policy in 2016 – Early 2017. *Yearbook Japan*, 46, 7–25. (In Russian).
- Lynch, B., Chenyang, L., Lee, S., & others (2020). *Report of the PECC Task Force on APEC Beyond 2020*. Singapore: Pacific Economic Cooperation Council Publications.
- Paramonov, O.G., & Puzanova, O.V. (2018). Tokyo's Eurasian Diplomacy: Successes and Failures // *Comparative Politics Russia*, 9(2), 134–142. (In Russian).
- Ramirez, C. (2021). Japan's Foreign and Security Policy under Abe: from Neoconservatism and Neoautonomy to Pragmatic Realism. *The Pacific Review*, 34(1), 146–175.
- Streltsov, D.V. (2019). Japanese Regionalism in the Era of Shinzo Abe through the Prism of Value Approach // *World Economy and International Relations*, 63(9), 38–49. (In Russian).
- Tanaka, A. (2017). *Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy*. Translated by Hoff Jean Connel. Tokyo: Japan Publishing Industry Foundation for Culture.
- Verico, K. (2013). The Economic Integration of ASEAN+3. *MPRA Paper*, 43801, 1–18.
- Wakatabe, M. (2019). *Has Japan's Economy Changed? Challenges and Prospects*. Tokyo, Japan: Bank of Japan Publications.

Сведения об авторе:

Корнеев Константин Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН (e-mail: k_korneev@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3930-6309).

About the author:

Konstantin A. Korneev – PhD in History, Senior Researcher at Centre for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies, the Russian Academy of Sciences (e-mail: k_korneev@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3930-6309).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-225-232

Research article / Научная статья

Effects of a Threat and Alliance on International Cooperation: Comparison of Inter-Korean and Turkish-Armenian Railway Projects

Yongsung Cho

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines restricting factors in international cooperation, drawing a comparative analysis of two cases on cross-border infrastructure projects: the Gyeongui railway line that connects North and South Korea and the Kars–Gyumri–Tbilisi railway line that links Turkey and Armenia. In both cases, states involved strive for the normalization of diplomatic relations and border openness as well as potential economic opportunities and national security. Nevertheless, neither Seoul and Pyongyang nor Ankara and Yerevan succeeded in building a sustainable cooperation framework. While the outcome is the same, independent variables in both cases are different. Firstly, two Koreas have been in a military confrontation for seven decades, whereas Turkey and Armenia never engaged in a direct conflict. Secondly, the configuration of alliances (South Korea and the United States and Turkey and Azerbaijan) weakens the decision-making on the troublesome infrastructure projects. Consequently, alliances are identified as one of the key factors that determine the mode of international cooperation.

Keywords: Cooperation, Railway, Alliance, Inter-Korean relations, Turkey, Armenia

For citation: Cho, Y. (2021). Effects of a threat and alliance on international cooperation: Comparison of Inter-Korean and Turkish-Armenian railway projects. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 225–232. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-225-232

Угрозы и альянсы в международном сотрудничестве: сравнение межкорейского и турецко-армянского железнодорожных проектов

Енсон Чо

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются факторы, ограничивающие межрегиональное сотрудничество, путем сравнительного анализа двух кейсов: Транскорейской магистрали и участка железной дороги Карс–Гюмри, соединяющего Турцию и Армению. Нормализация дипломатических отношений и открытие границ необходимы для участников инфраструктурных

© Cho Y., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

проектов, посредством которых государства обеспечивают национальную безопасность и экономическое развитие. Кроме того, как зависимая переменная, вопросы сотрудничества не продвинулись ни в отношениях Сеула–Пхеньяна, ни Анкары–Еревана соответственно. Однако в обоих случаях наблюдается различие независимых переменных: 1) две Кореи непосредственно столкнулись с военным противостоянием в течение 70 лет, но вероятность военного столкновения между Турцией и Арменией относительно менее существенна, чем у Азербайджана и Армении; 2) альянс между двумя странами (Южной Кореи–США и Турции–Азербайджана соответственно) может ослаблять принятие решений по проектам сотрудничества. Следовательно, альянс определяется как фактор, который может повлиять на динамику международного сотрудничества. Выделены две значительные независимые переменные: альянсы и конфликты. Автор приходит к выводу, что в обоих случаях именно альянсы, которые Сеул–Пхеньян и Анкара–Ереван заключают между собой, являются причиной стагнации их инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: сотрудничество, магистраль, альянс, межкорейские отношения, Турция, Армения

Для цитирования: *Cho Y.* Effects of a threat and alliance on international cooperation: Comparison of Inter-Korean and Turkish-Armenian railway projects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 225–232. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-225-232

Introduction

International infrastructure projects often symbolize cooperation among states. Once a new route is opened, the participants intensify their exchanges, creating stable and comprehensive cooperation systems around the infrastructure. As a part of this process, states tend to collaborate and coordinate their policies by bargaining and negotiations. If participants expect to benefit from projects and a high level of interconnectedness with their neighbors, they also choose to avoid conflicts or wars by mediating ongoing or potential disputes. Given that the interdependence in economic issues would affect other political issues such as security, a joint infrastructure project could inspire hardened opponents to seek a rapprochement.

The process of establishing a new transportation corridor is best understood through the prism of liberal institutionalism theories. As the European Union originated from a consensus of interdependence on coal and steel, expected mutual benefits from a shared transportation infrastructure could alleviate a conflict among states to some extent. However, the transportation infrastructure also could be regarded as an instrument for obtaining and increasing power, as Mackinder identified the railway as a particularly important force of change [Knutsen 2014:837]. A benefit from managing the infrastructure affects the economy, the basis for survival, and strengthening national power [Viner 1948:10]. Moreover, if the interdependence is asymmetric, it could increase security concerns. Nevertheless, efforts to deepen cooperation and willingness to accept the interdependence among the main actors and their allies are also requisite for resolving security conflicts. Yet, in a competitive framework, states often are reluctant to exchange essential information for cooperation to obtain strategic leverage, forcing themselves into a “prisoner’s dilemma.”

Such a “prisoner’s dilemma” is identified in both Northeastern Asia and South Caucasus. Despite alleviating tensions by normalizing diplomacy and conceiving joint projects, the so-called “high politic” military security, sovereignty, and territorial issues have led the actors and their allies to admit the possibility of cooperation. For example, North Korea has been maintaining its status in the international arena by fueling disputes with South Korea since the ceasefire agreement of 1953. Meanwhile, Armenia *de facto* established control over Nagorno-Karabakh Autonomous Oblast of Azerbaijan SSR after the ceasefire of 1994, but eventually lost the territories after the defeat in the Second Karabakh war in 2020.

Consequently, the normalization and suspension of the joint projects depend on the rapid changes in the security complex environment of Northeastern Asia and South Caucasus. On the Korean peninsula, South Korean railway infrastructure has been isolated like an “island,” being disconnected from the main logistic routes since the division of Korea in 1948. Similarly, the Kars-Gyumri-Tbilisi railway connecting Turkey and Armenia has been suspended since their frozen relations due to the first Nagorno-Karabakh war [Davtyan 2017:93–94]. Even if the regional conflict continues without any tangible results, Armenian and Turkish leaders signed the Zürich Protocol in 2009, which stipulates normalizing diplomatic exchanges, opening borders, and restoring the cross-border infrastructure, including the halted route.

The article compares factors leading to a stalemate in the development of the two infrastructure projects. Northeast Asia and Southern Caucasus cases have similar dependent variables: the deadlock of railway projects, and alliances based on shared common security concerns. Therefore, the Turkish-Armenian case could be compared with the inter-Korean case, as Ankara and Yerevan considered border opening and infrastructure restoration as a way to normalize relations. The analysis consists of two sections. Firstly, relations among regional counterparts will be examined. Secondly, the focus shifts on relations between the key actors and their allies. The final section presents conclusions.

Theoretical basis and methodology

Nation-states promote security through peaceful cooperation among other states by establishing international institutions and seeking economic development. However, the nature of international politics is to compete and dispute with other countries to guarantee their security and strengthen influence over others. Despite international institutions, states bolster military force based upon economic power and ally with other countries against a potential threat.

First, the actors’ relations could be explained by Walt’s balance of threat theory. The concept captures four main factors that contribute to the regional counterparts’ perceptions of others as a threat: aggregate power, geographical proximity, offensive capabilities, and offensive intentions [Walt 1987]. According to Walt, such a threat leads an actor to ally with other powers to resolve its security concerns.

This theory plausibly explains main actors' actions in both regions as location (geographical proximity), South Korea and Azerbaijan's economy (aggregate power), offensive capabilities (North Korean nuclear weapon) and offensive intentions (North Korean unification plan by war and engagement over Karabakh) agree with Walt's definition of threat. In the line with the theory, regional actors formed alliances: South Korea and the United States, North Korea and China, Turkey and Azerbaijan, and Russia and Armenia.

International institutions (e.g., the United Nations) also function as major actors in the region. As Keohane argues, interests between countries could change within international institutions, the international regime also could solve problems like states and their alliance [Keohane 1984]. However, international relations are an essentially anarchic system and have a hierarchical nature. The regional leaders and great powers maintain the order and tend to pursue "an open order that is favorable for them" [Baik 2003:18]. In such settings, alliance-building also plays a significant role. Even the members of the "Permanent Five" in the UN Security Council reflect the traditional ideological confrontation. Therefore, regardless of the regime a threat and alliance would affect the cooperation among the countries in dispute.

Based on the theoretical framework outlined above, the analysis follows the logic of the most different systems model and is based on cross-tabulation [Przeworski 1970]. First, it is assumed that the properties of each case do not affect the variance mode of the dependent variable. Then, from the population of comparative cases, cases with similar existence patterns of dependent variables are tracked according to the logic of the method of agreement, and then samples are randomly selected from among them [Kim 1995]. The dependent variable in this study is the same "stalemate in railroad cooperation," and the independent variables in the two cases were assumed to be different cases.

Analysis of the railway project cases: Relations between regional counterparts

The area where the inter-Korean railroads were disconnected became a demilitarized zone after the ceasefire agreement in 1953 and remained in its abandoned for more than 70 years. Similarly, the Turkish-Armenian border is closed by the Turkish government due to the war with Azerbaijan and the dispute over the Armenian genocide issue. As a result, South Korea became isolated in terms of ground transport routes like an island, and Armenia became a landlocked country with no exits other than Georgia and Iran.

Therefore, actors in the two regions identified similar geopolitical circumstances, and Seoul expected to have access to Trans-Siberian Railway, and Yerevan, as a part of the Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia (TRACECA), expected to connect to the route to Tbilisi. In the case of inter-Korean railroads, the Gyeongui Line and the North Korean section of the Donghae Line (Gamho-Jejin station) restoration was complete after the June 15th joint declaration in 2000, and the trial operation of the train on the new rails ended in 2007. Yet the South Korean

section of the Donghae line is still under construction. In 2014, the restoration of the facility to the Turkish border was complete, and the final sign of the government was coming up¹.

Facility restoration projects have been completed in both regions, but no infrastructure is operated yet. Both major actors in the regions have not resolved diplomatic issues including security tension, yet there are differences: First, in the case of two Koreas, behind the mood of reconciliation, such as the railway connection, construction of the Kaesong Industrial Complex, and the Tour program to Mt. Kungang, there have been security conflicts such as military clashes and nuclear tests; naval engagement in the region of the Northern Limit Line on the Yellow sea (2001 ~ 2002); the sinking of the corvette ROKS Cheonan (2010); and the shelling of Yeonpyeong Island (2011). Accordingly, in response to threats, tighter control over the situation and suspicion on Pyongyang's gestures of Seoul was inevitable.

In the case of Turkey and Armenia, on the other hand, the environment is relatively open compared to the two Koreas. Even though the border was closed, Armenian citizens can obtain a Turkish visa in Tbilisi. Ankara and Yerevan agreed on the normalization of diplomatic relations by correspondence between Turkish Prime Minister Erdoğan and Armenian President Kocharyan in 2005. In 2008, Turkish President Gül watched the Turkish-Armenian football match held in Yerevan with Armenian President Sargsyan [Grigoryan, Khachatryan, Ter-Matevosyan 2018]. However, Ankara has adhered that resolving the Karabakh issue is the prerequisite of diplomatic normalization. But Yerevan has not ratified the Zurich Protocol and scraped it in March 2018, stating “hopes for new engagement”². Thus, unlike the inter-Korean case, despite the failure of “football diplomacy,” the human and material exchange is still valid between Turkey and Armenia. Thus, the degree of direct security threat is relatively low.

Relations among regional actors and their external allies

Turkish-Armenian relations are strongly affected by Ankara's relations with Azerbaijan, who is hostile to Armenia. Azerbaijan provides resources and serves as a transportation hub, crucial for Turkish economy. Turkish-Azerbaijani political and economic ties are so stable that the leaders of the two countries compare them to a “brotherhood”. That is why the rapprochement between Turkey and Armenia triggered a dispute over gas supplies between Turkey and Azerbaijan in 2009. Thus, it is implied that the interdependence between Turkey and Azerbaijan is so

¹ Railway section from Gyumri to Turkish border ready for operation. ARKA News Agency. Retrieved September 8, 2020, from http://arka.am/en/news/politics/railway_section_from_gyumri_to_turkish_border_ready_for_operation/

² Abrahamyan, E. Armenia annuls Zurich protocols with Turkey, but hopes for new engagement. Retrieved March 23, 2020, from <http://www.neweasternpolitics.com/armenia-annuls-zurich-protocols-with-turkey-but-hopes-for-new-engagement-by-eduard-abrahamyan/>

substantial that the foreign policy of both states are determined by reciprocity and cultural similarity³.

Moreover, Azerbaijan has not joined the CSTO, and Turkey, a NATO member state, prefer to resolve the Karabakh issue as individual states tied by the alliance, whereas Russia and Armenia, the counterpart affiliated in the Karabakh problem, solve problems in the way of the institutions such as CSTO and the OSCE Minsk Group as well as bilateral alliances. To sum up, it suggests that Ankara-Baku relations display an alliance in a classical realist context. Turkey would be “entrapped” in a tangible or potential conflict of the region by Azerbaijan’s intention.

Of course, inter-Korean relations, Pyongyang-Washington relations, and the UN Security Council Factor are important for resolving Northeast Asian security issues [Suh, Lee 2018]. However, the ROK-the U.S. alliance is a significant factor. It affects not only inter-Korean relations but also resolution determined by the international regime. The sanctions were adopted 11 times due to North Korea’s nuclear missile test, starting with No. 1695 in 2006 and the latest No. 2397 in 2017. Of these, sanctions No. 2270 in 2016, that included severe restrictions on banking transactions, are evaluated as the strongest determination⁴.

In December 2019, the US State Department dismissed a resolution requesting an exemption from sanctions on the Trans-Korean railway project by China and Russia and road projects, stating it as “premature.” It would be relevant to UN Security Council Resolution No. 2375 adopted in September 2017. According to the resolution, all joint ventures with North Korea have been prohibited. However, there is also an exception that if the SOC does not generate profits, it could be promoted with the approval of the Security Council⁵. Afterward, Cheongwadae mentioned the idea of activation of inter-Korean railroad projects and joint prevention of Covid-19 epidemics with Pyongyang on April 28, 2020, yet the U.S. State Department expressed concern on Seoul’s intention, stating that denuclearization progress is a prerequisite of supporting inter-Korean cooperation⁶.

Hence, both infrastructure issues are determined by the interests of their allies. Particularly, in the inter-Korean issue the determination of international institutions – the Security Council resolutions – is a *de facto* reflection of Washington’s intentions. Inter-Korean and Turkish-Armenian railroads are identified as “a threat” to allies’ interests. From this point, attempts to normalize

³ Azerbaijan Criticizes Turkey Over Gas Prices, To Seek New Routes. Radio Free Europe Radio Liberty. Retrieved September 10, 2020, from https://www.rferl.org/a/Azerbaijan_Criticizes_Turkey_Over_Gas_Prices_To_Seek_New_Routes/1853890.html

⁴ U.N. Security Council unanimously adopts harshest-ever sanctions on North Korea. Yonhap News Agency. Retrieved September 10, 2020, from <https://en.yna.co.kr/view/AEN20160302010552315>

⁵ China, Russia propose lifting sanctions on North Korea including Trans-Korean railway project YTN. Retrieved September 15, 2020, from https://www.ytn.co.kr/_ln/0104_201912171458012552 (In Korean).

⁶ Gov’t to resume Construction of Cross-border railroads. The Chosun Ilbo. Retrieved September 15, 2020, from http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/04/21/2020042102438.html

relations through cooperation between hostile counterparts would be undermined by their allies.

Table 1

Comparative analysis model: Summary of the case studies

TYPE	VARIABLES		SOUTH AND NORTH KOREA	TURKEY AND ARMENIA
Independent variables	Threat perceptions	Type of threat	Direct (<i>de jure</i> mutual government disapproval)	Indirect (mutual recognition of sovereignty)
		Non-governmental interaction	Restricted (almost prohibited)	Free
	External relations	Relations characteristics	Realist Check and Balances	Realist Check and Balances
		System's weight of Role	institution <- alliance	institution <- alliance
Dependent variables	Slow progress in the infrastructure cooperation			

Source: made by author.

Conclusion

As in the Table 1, in sum, the two Koreas view each other as direct threats and partners. Both governments *de jure* still do not recognize each other, and thus non-governmental exchanges are restricted or prohibited by the national laws. However, neither Seoul nor Pyongyang completely abandon the cooperation rhetoric, recognizing that a rapprochement will improve their national image and bring approval ratings through economic benefits in a domestic political context. On the other hand, Turkey recognized the sovereignty of Armenia, and exchanges between the two countries are diverse and develop actively. However, official diplomatic efforts had a limited impact, because political elites on both side use troublesome legacies of the Armenian genocide and the conflict over Karabakh to gain popular political support and boost their ratings rather. Such politics is more popular than the issue of opening borders, including the Kars-Gyumri railway.

At the same time, the dynamics of conflict and cooperation between South and North Korea as well as between Armenia and Turkey are inevitably affected by their external alliances. In the case of Northeast Asia, South Korea's alliance with the United States plays a decisive role. North Korea's negotiations with the United States and the resolution of the UN Security Council on North Korea are also significant. However, Seoul has withheld its final decision on cooperation with Pyongyang, accounting for the Seoul-Washington alliance. The regimes such as the OSCE Minsk Group also take part in solving problems in the South Caucasus region, yet their input is relatively insignificant in comparison to bilateral and multilateral regional alliances of the individual actors. The Turkish-Armenian

dispute could be defined as an “indirect threat”, yet Turkey would be affiliated with and involved in the Azerbaijan-Armenian clash because of its close ties with Azerbaijan.

Considering these diverse independent variables, what factor caused the similar outcome? As the analysis demonstrates, “external relations” (see Table 1) determine dependent variables, as actors in both cases fundamentally pursue their interests through the principle of checks and balances. Even in the face of tangible or potential military clashes, the increased interdependence will bring economic growth and lead to the decline of security threat. However, all parties involved as well as their allies are reluctant to choose cooperation because such a choice will undermine the predictable benefits of the existing status quo. Ironically, an alliance built for guaranteeing national security would deter cooperation for peace among nation-states. Parties and allies are not free from the nature of international politics, where actors suspect even allies to survive.

Received / Поступила в редакцию: 01.02.2021

Accepted / Принята к публикации: 12.02.2021

References

- Baik, Chang-Jae. (2003). Hegemony and international political economic order: A critical evaluation of hegemonic stability theory. *Review of International and Area Studies*, 12(1), 1–20 (In Korean).
- Davtyan, V. (2017). Transport and logistic situation in the South Caucasus: Railway wars. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(7), 93–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-93-100
- Grigoryan, A., Khachatryan, K., & Ter-Matevosyan, V. (2018). Armenia-Turkey border opening: What determines the attitude of Armenians? *Caucasus Survey*, 7(1), 25–43. DOI: 10.1080/23761199.2018.1499298
- Keohane, R. (1984). *After hegemony*. Princeton: Princeton University Press.
- Kim, Ung Jin. (1995). Methodology: Research strategies and design in comparative political inquiry. *Cross-Cultural Studies*, 2, 89–116 (In Korean).
- Knutsen, T. J. (2014). Halford J. Mackinder, geopolitics, and the Heartland thesis. *The International History Review*, 36(5), 835–857. DOI: 10.1080/07075332.2014.941904
- Przeworski, A. (1970). *The logic of comparative social inquiry*. NY: John Wiley and Sons.
- Suh Bo-Hyuk, Lee Moo Chul. (2018). Status of sanctions against North Korea and prospects for mitigation. *KINU Policy Study Series*, 18(3). (In Korean).
- Viner, J. (1948). Power versus plenty as objectives of foreign policy in the seventeenth and eighteenth Centuries. *World Politics*, 1(1), 1–29. DOI: 0.2307/2009156
- Walt, S. (1987). *The Origins of Alliance*. Ithaca: Cornell University Press.

About the author:

Yongsung Cho – Postgraduate of Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, Russia (e-mail: mirinae2929@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-4032-9727).

Сведения об авторе:

Енсон Чо – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: mirinae2929@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-4032-9727).

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ

THE RISE OF CHINA: FOREIGN POLICY AND DOMESTIC DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-233-242

Research article / Научная статья

Internationalization of Renminbi as a Function of China's Foreign Exchange Policy

K.E. Chernilevskaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article discusses the prospects of the Chinese renminbi (RMB) to expand its sphere of influence and become a full-scale reserve world currency. The methods used in the article are retrospective analysis and graphic analysis. The work is divided into three sections. The first section provides a broad overview of modern reserve currencies. The second part characterizes RMB's shaping as a reserve currency, as well as inner and outer factors that influence its status. The third section includes information about RMB's current status and its perspectives for being a reserve currency in the future. The article argues that currently RMB has already become a regional reserve currency in Asia-Pacific. Chinese government continues to make steps towards international expansion of RMB, yet these steps cannot make RMB one of the leading world currencies together with USD and EUR in the nearest decade.

Keywords: reserve currencies, Chinese Renminbi, CNY, SDR basket, RMB's status

For citation: Chernilevskaya, K.E. (2021). Internationalization of renminbi as a function of China's foreign exchange policy. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 233–242. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-233-242

Интернационализация юаня как элемент валютной политики Китая

К.Е. Чернилевская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются перспективы китайского юаня в части расширения его влияния и становления в качестве мировой резервной валюты. Методы, используемые в

© Chernilevskaya K.E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

статье, – ретроспективный анализ и графический анализ. Приводится общее описание современных резервных валют. Далее описывается увеличение доли юаня в корзине специальных прав заимствования (СДР), а также внутренние и внешние факторы, влияющие на его статус. Представлена информация о текущем состоянии юаня и его перспективах стать мировой резервной валютой в будущем. Автор приходит к выводу, что в настоящее время юань можно назвать региональной резервной валютой в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китайские власти продолжают делать шаги в направлении международной экспансии, однако этот факт не делает юань конкурентоспособным по сравнению с долларом США и евро в ближайшее десятилетие.

Ключевые слова: резервные валюты, китайский юань, юань, корзина СДР, статус юаня

Для цитирования: Chernilevskaya K.E. Internationalization of renminbi as a function of China's foreign exchange policy. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 233–242. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-233-242

Introduction

In the late 2010s, the Renminbi (RMB) became the third largest currency in the Special Drawing Right (SDR) valuation basket (10,92%) after the euro (EUR) (30,93%) and the United States dollars (USD) (41,73%)¹. However, its further boosting is limited for several reasons, including the absence of floating course and free convertibility as well as the lack of intentions from the international financial system to diversify the structure of reserves. Above all, the Chinese government strictly controls the exchange rate of the national currency and practice financial interventions with the help of the huge currency reserves (a policy that Donald Trump once called “currency manipulation”)². Given these limitations, many experts argue that USD is not going to leave its dominating position among reserve currencies in the nearest decades [Bowles, Wang 2013]. Yet, emerging multilateral projects, such as the Belt and Road Initiative (BRI) and ASEAN+3 (China, Japan, and Korea), intensify trade links between China and other member-countries, increasing the role of RMB [Kurien, Geoxavier 2020].

The history of reserve currencies

In the 1860s, in the era of the gold standard, the British pound sterling was a dominating currency in international trade, because the United Kingdom (UK) was the largest exporter of manufactured goods and services. The UK hegemony came to an end once the confidence in the Pound sterling fell short after the collapse of Austria's and Germany's largest banks and the UK's budgetary and political challenges of 1931.

¹ International Monetary Fund. (2021). Data, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). Retrieved February 08, 2021, from <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>.

² Imbert F. (05.08.2019). Trump accuses China of ‘currency manipulation’ as yuan drops to lowest level in more than a decade. *CNBC*. Retrieved January 17, 2021, from <https://www.cnn.com/2019/08/05/trump-accuses-china-of-currency-manipulation-as-yuan-drops-to-new-low.html>.

The Bretton-Woods system, emerged after World War II, has kept the entire international financial architecture tied both to gold and the USD through a fixed exchange course till the mid-1970s. The primary reason of its success was exceptionally high unemployment and inflation rates for the given level of output during the early phase of the cyclical upswing in industrial countries³. The result was the Triffin dilemma that implied a controversy between inflows and outflows in the current account of Balance of Payments (BoP) when it comes to a choice of short-run domestic or a long-run international monetary policy.

The collapse of the Bretton-Woods institutions led to ratification of the Jamaica Accords. Their main principle back then was to change the rules of the International Monetary Fund (IMF) functioning in the way that allowed to create floating currencies. Eventually, an Special Drawing Rights (SDR) basket was established in an attempt to create a “polycentric” currency and “a rather cheap line of credit” for developing countries [McKinnon 2009:7]. However, the accords still privileged position of USD. They also allowed countries to cover their BoP deficit with a national currency (issuing the short-term debt) and manipulate USD interest rate [Narkevich, Trunin 2012].

Moreover, several regional blocks and international funds and organizations tend to use other national currencies for the aims of international accounts. For example, the Asia-Pacific region introduced the Asian Monetary Unit (AMU) basket on the initiative of the Japanese government⁴. It is composed of 13 currencies: Japanese yen, Chinese yuan, South Korean won, and ten currencies of ASEAN. This original set of currencies was later widened by Indian, Australian, and New Zealand’s currencies (the so-called “AMU-wide”) to make the new basket more convenient for the major actors of the region. The Asian Development Bank now uses this basket.

Today’s definition and functions of “reserve currency” varies from one source to another, and none of them provides the actual amounts of “significant quantities”, mentioned in Carbaugh’s et al. version: A reserve currency (or an anchor currency) is “a currency that is held in significant quantities by many governments and institutions as part of their foreign exchange reserves” [Carbaugh, David 2009]. It can be used in international transactions, international investments, and all aspects of the global economy.

Besides, achieving the status of the reserve currency requires fulfilling a list of intrinsic characteristics. The most obvious of them is *currency’s stability*, to minimize losses in case of currency fluctuations. This factor is also connected with the *size of the issuing country’s economy* and its share in international trade. According to Greenspan (2001), what matters is also its *financial institutions’ level of development*: the ability to invest borrowings into financial instruments with appropriate returns

³ International Monetary Fund. (1976). Annual Report. Special Drawing Right (SDR). Retrieved February 08, 2021, from <https://www.imf.org/en/About/Factsheets/Sheets/2016/08/01/14/51/Special-Drawing-Right-SDR#:~:text=The%20value%20of%20the%20SDR,and%20the%20British%20pound%20sterling>.

⁴ AMU-wide. *Research Institute of Economy, Trade and Industry*. Retrieved February 17, 2021, from <https://www.rieti.go.jp/users/amu/en/wide.html>.

attracts more and more foreign investors. Due to the sluggishness of business practices the *historical factor* and *network externalities* (the dependency of the utility on the number of users) also play a role in the use of reserve currency.

While economists were debating on a single reserve currency dominating the global economy and network externalities, in 2016 Chinese RMB became yet another world reserve currency (10,92% of the IMF's special drawing rights currency basket) and Bundesbank's (Germany central bank) decision to add Chinese Yuan into its currency reserves⁵.

Currently, there are eight international currencies in the IMF: US dollar, euro, Dutch guilder, Pound sterling, Japanese yen, Swiss franc, Canadian dollar and Renminbi. Only five of them (excluding Swiss franc, Dutch guilder, and Canadian dollar) with different weights are represented in the SDR basket. According to the IMF's Annual report (2019)⁶, the *SDR basket is an international reserve asset that can be exchanged for freely usable currencies*, used for taking loans from the IMF. Though there is no such official status as a dominating currency, USD and partly Euro can still be called dominating currencies, because together they built up to 81%⁷ of world reserve currencies in the third quarter of 2020.

Initially, reserve currencies were created mainly for making international calculations on commodity markets and minimizing transactional costs of foreign trade operations, while nowadays, especially in Asia, they are frequently used as an instrument of accumulating gold reserves for the cases of financial crises and raising the national production's competitiveness via national currency depreciation.

Modern global financial system's characteristics, influencing the status of RMB, include the following trends:

- 1) Deregulation of financial markets and internationalization of RMB, meaning that there are more and more opportunities for FDI and large investors worldwide can choose a country to work in;
- 2) Increased number of cross-border mergers and acquisitions;
- 3) The growth of multinational corporations in developing countries;
- 4) Rebalancing import and export operations, including moving from the Asia-for-the-World to the Asia-for-Asia model of growth.

Shaping RMB as the IMF's new reserve currency

The Internationalization of the Renminbi

The story begins in the 2000s and accelerates in 2009, after the global financial crisis, with the establishment of the dim sum (issued outside mainland,

⁵ Black J., Engle S., Curran E. (15.01.2018). Bundesbank Says It'll Add China's Yuan to the currency Reserves. *Bloomberg News*. Retrieved January 17, 2021, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-15/bundesbank-to-include-yuan-in-currency-reserves-dombret-says>.

⁶ International Monetary Fund. Press-releases. Retrieved January 17, 2021, from <https://www.imf.org/en/News/Articles/2016/09/30/AM16-PR16440-IMF-Launches-New-SDR-Basket-Including-Chinese-Renminbi>.

⁷ IMF Data, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). Retrieved January 17, 2021, from <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>

denominated in RMB) bond market, expanded Cross-Border Trade RMB Settlement Pilot Project (later Cross-Border Inter-Bank Payment System, CIPS) and its further communication with Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT).

It's worth mentioning that the dynamics of RMB's international use are dramatic. According to SWIFT reports (2013–2015), RMB moved from being the 8th most traded currency in the world in 2013 to being 5th in 2014 and the 2nd most used currency for trade and services in 2015. While using the currency outside China was not allowed before 2004, the use of RMB outside China for all current account operations (including commercial trade, dividend payment, payment of services, etc.) and certain approved capital account transactions (ex.: FDI, ODI) was permitted by the government and PBC only in 2008 and followed by establishing bilateral local currency swap arrangements with 19 countries in 2013 [Hyoung-kyu 2013]. It's hard to ignore such a huge progress towards openness, which is significant both for capital allocation in the domestic economy and for the evolution of China's financial relations with the rest of the world [Aglietta 2011].

However, the low liquidity due to government control and underdevelopment of Chinese financial markets are primary obstacles to RMB's internationalization.

RMB's current status

The fact that the IMF executive board decided to include RMB in the SDR basket in 2016⁸, has the air of Chinese symbolic achievement in three directions⁹. First of all, there haven't been any changes in the basket since 2000, when the euro was adopted instead of the French franc and the German mark. Secondly, it was not the first Chinese attempt to "enter the club": in 2010 RMB was rejected due to the lack of free convertibility. The managing director of the IMF, Christine Lagarde, commented on this event as follows: "*The Renminbi's inclusion reflects the progress made in reforming China's monetary, foreign exchange, and financial systems, and acknowledges the advances made in liberalizing and improving the infrastructure of its financial markets*"¹⁰. Third, RMB's weight among SDR currencies (10,92%) left Japanese yen (8,33%) and British pounds (8,09%) behind.

According to COFER, in the 4th quarter of 2016 (right after the inclusion) RMB's claims amounted up to 84.51 billion. They doubled in less than two years (2nd quarter of 2018) and kept growing steadily since then, summing up to 244.52 billion of the US dollars in the 3rd quarter of 2020. The rates of increase of RMB share in official foreign exchange reserves have been the highest of all major reserve currencies (USD, EUR, JPY) from the 3rd quarter of 2017 to the 2nd quarter of 2018 and returned to the 1st place in the 1st quarter of 2020 (Figure 1), but the numbers are explained purely by the 'low base' effect. Since 2017, the USD has increased by 1500, EUR –

⁸ IMF Press-release. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.imf.org/en/News/Articles/2016/09/30/AM16-PR16440-IMF-Launches-New-SDR-Basket-Including-Chinese-Renminbi>.

⁹ Ibid.

¹⁰ IMF Press-release. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr15540>.

by 712, and JPY by 329 thousands USD in absolute terms, which is larger than the overall RMB's claims. But while RMB's presence in foreign exchange reserves and turnover is visible, there are still such functions as cross-border bank claims, external public debt, international securities outstanding and imports invoicing, where RMB is not used and USD takes a leading role.

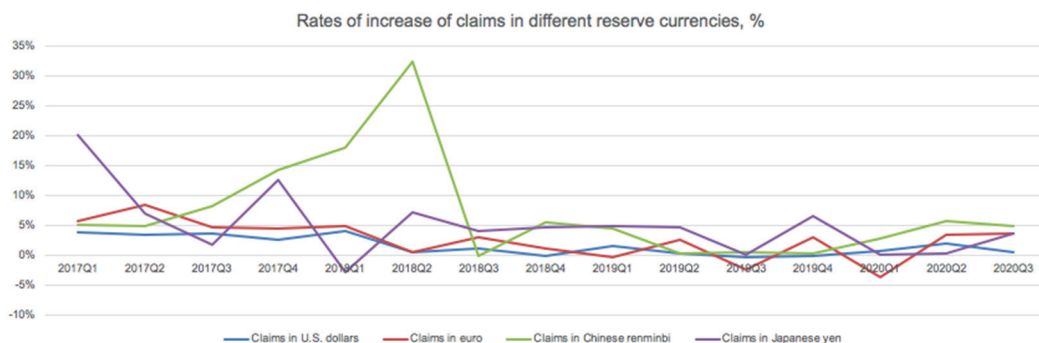

Fig. 1. The rates of increase in claims of the SDR basket in 2018–2019 (billion USD)

Source: Calculated by the author based on the IMF Data, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). Retrieved February 08, 2021, from <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>.

However, from the point of the overall amount of IMF's reserve currencies, the share of RMB in world-allocated reserves and official foreign exchange reserves is insignificant even after the inclusion unto the SDR basket.

Theoretically, the gains for different countries anticipated from using RMB as a reserve currency include *lower transactional costs*, because no secondary currency conversion (from USD to the relevant currency) will be needed once RMB becomes free convertible, *international seigniorage* (the revenue or profit derived from creating currency on the international level), *wider space for fiscal and monetary policies* (though in case of China with its governmental interventions this will not have much of an effect), the *transfer of exchange risk* from the domestic firms to their foreign counterparts, the *growth of domestic consumer's purchasing power* owing to renminbi broader acceptability and the *general expansion of Chinese economic and political influence*.

Factors influencing RMB's international status

Economic factors affecting currency's status in the academic research are grouped into two broad categories: confidence and convenience (subcategorized into liquidity and transactional network). The confidence in the stability of RMB is affected by the Chinese government's monetary and fiscal policies, which can be quite harsh. For example, the latest RMB's severe depreciation took place in 2019, 2015, 2008, and every time the reasons differed from the previous one¹¹. Such a situation incurs both solvency and liquidity risks on the currency, which is challenging for international users and harm RMB's international status.

¹¹ China – RMB depreciation: this time is different. (08.09.2019). *FXStreet*. Retrieved January 17, 2021, from <https://www.fxstreet.com/analysis/china-rmb-depreciation-this-time-is-different-201908090838>.

Though there is a cluster of financial institutions, such as QFII/RQFII, SAFE, PBoC, CIC, ABII, ABD, SFI, INE (Shanghai International Energy Exchange), HSBC (Hong Kong Bank), SRB (Silk Road bank), etc. – the path for their development is not clear enough, especially for the foreigners, who raise questions about the well-developed financial market in China. They can also affect the currency's liquidity and work negatively for the status of the currency.

China's share in the world trade (a convenience factor) is growing with the expansion of BRI and diverse integration frames support this process (e.g., Asian Infrastructure Investment Bank, Shanghai Cooperation Organization, Silk Road Fund). Though the estimated level of China's integration in the world trade is not very high¹² due to some aspects of the BRI member's economic development, it is a factor that boosts the use of RMB as a regional means of payment. As BRI is a long-term project of "China-centered economic integration" [Kuteleva, Vasiliev 2020:1], the overall level of Chinese integration can hardly be measured at the moment. Such ambitious SRF's and CIC's actions as taking part in Saudi Aramco IPO (2019)¹³ and the launch of Chinese oil futures contracts in Shanghai INE (2018)¹⁴ tell that there is enormous potential in the Belt and Road and a wish to spread internationally.

The most important external factor is the domination of USD, which has been the world's major reserve currency for over 60 years. Neither the rise of Germany's and Japan's economic power nor the establishment of the European monetary union made USD leave its position. However, according to the US Department of the Treasury, USD will continue to be the major reserve currency "*as long as the United States maintain sound macroeconomic policies and deep, liquid and open financial markets*"¹⁵. Lately, the sound macroeconomic policies of the U.S. have been questioned all over the world¹⁶, even by such significant actors as JPMorgan: "*As economic dominance shifts east, there is less incentive to trade in the USD. Trump's aggressive stance on trade is accelerating this process*"¹⁷. Though USD losing

¹² The king of reserves: how Moody's assessed the chance of the dollar losing dominance // RBC. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.rbc.ru/economics/13/09/2018/5b993a759a79473ac78ec4f9>.

¹³ China Considers Up to \$10 Billion Stake in Saudi State Oil Giant's IPO. (06.11.2019). *Bloomberg News*. Retrieved January 17, 2021, from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-06/china-said-to-discuss-at-least-5-billion-aramco-ipo-investment>.

¹⁴ China's petroyuan is going global, and gunning for the USD. (04.12.2018). *SCMP News*. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.scmp.com/comment/article/2176256/chinas-petroyuan-going-global-and-gunning-us-dollar>.

¹⁵ Appendix 1: A Historical Perspective on the Reserve Currency Status of the U.S. dollar. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.treasury.gov/resource-center/international/exchange-rate-policies/Documents/Appendix%201%20Final%20October%2015%202009.pdf>.

¹⁶ Peskov spoke about the shaking of confidence in the US dollar // RBC. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b9ea5dc9a7947659b664cd0>.

¹⁷ JP Morgan Admits Dollar's Doomed Reserve Status to Unwittingly Cheer Bitcoin. (25.07.2019). *CNN News*. Retrieved December 01, 2020, from <https://www.cnn.com/jp-morgan-admits-dollars-doomed-reserve-status-to-inadvertently-cheer-bitcoin/>.

reserve status is becoming an “*ever-growing mainstream finance meme*”¹⁸, the bifurcation point is coming closer and the US-China Trade War is the first call.

In this regard it’s worth mentioning that HSBC does not believe the RMB will come under pressure, having the Fed raising its rates, although the Fed’s eventual tightening would engineer greater volatility for USD-RMB. First, due to capital account restrictions, China never received much capital inflow that could reverse. Second, China does not need capital inflows to fund a domestic savings gap – the economy has excess savings¹⁹. It is also stated in the 2014’s report that the RMB story is evolving rapidly and “*we expect full convertibility to happen over the next couple of years*”, which makes it clear that HSBC’s expectations do not always come in line with the reality.

There are also international political factors at play, such as creating inducements for encouraging foreign users through a provision of military and diplomatic support and soft power, which were widely used by the USA in the 20th century. China seems to implement soft power through economic cooperation so far.

RMB’s perspectives for being a reserve currency in future

In a Five-Year Plan for 2011–2015, the Chinese government established to develop Shanghai into a leading international financial center by 2020 and to achieve capital-account convertibility by that year as well [Hyoungh-kyu 2013]. Nevertheless, RMB is still being closely watched by the Chinese government, and most probably financial liberalization is not going to happen in the nearest future²⁰. The 2 types of exchange rates (onshore yuan (CNY) and offshore yuan (CNH)) is making it even more complicated for broadening RMB’s international usage, but meanwhile, it does not prevent the ECB researchers from seeing the international monetary system “as a tripolar currency system, with the renminbi making up one pole alongside the dollar and the euro”²¹.

Given that Hong Kong and Singapore are the offshore zones trading in RMB, it can already be called the regional reserve currency. Furthermore, if AIIB introduces the Asian Drawing Right (ADR), equaling to 2 USD and driven by both blockchain technology and regional central banks reserves (existing gold reserves + current non-USD FX reserves + GDP size and trade volumes) in 2020, this will lead to “de-dollarizing” the regional trade. While RMB is heavily prominent in the mix, the USD

¹⁸ JP Morgan Admits Dollar’s Doomed Reserve Status to Unwittingly Cheer Bitcoin. (25.07.2019). *CNN News*. Retrieved December 01, 2020, from <https://www.cnn.com/jp-morgan-admits-dollars-doomed-reserve-status-to-inadvertently-cheer-bitcoin/>.

¹⁹ Asian FX focus: RMB Q&A: The Top 10 questions. *HSBC Global Research*. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.research.hsbc.com/midas/Res/RDV?p=pdf&key=qaq8Q1dlrV&n=424259.PDF>.

²⁰ The yuan hit an 11-year low this week. Here’s a look at how China controls its currency // *CNBC*. Retrieved February 08, 2021, from <https://www.cnbc.com/2019/08/28/china-economy-how-pboc-controls-the-yuan-rmb-amid-trade-war.html>.

²¹ *Ibid*.

is weighted at below 20%²². The currency's stability will be guaranteed by hi-tech blockchain, further deepening the liquidity and trust in ADR as a reliable asset.

Another goal in the previous Five-Year Plan was the diversification of the Chinese FX reserve portfolio, which can be realized through growing purchases of Asian government bonds and facilitate RMB's internationalization. However, there are some rivals such as Japan and India in the region, and they may not wish to depend solely on the RMB if there is an alternative, which the dollar may continue for the foreseeable future [Hyoung-kyu 2013].

Revoking QFII and RQFII investment quotas (in September 2019) will raise the availability of China's capital and debt markets. *“Foreign investors will find it more convenient to participate in the domestic financial market, and China's bond market and the stock market will be better accepted by the global market, according to the SAFE”*²³. Along with the inclusion of RMB into the main international indexes (MSCI, FTSE Russell, S&P Dow Jones, and Bloomberg Barclays index), such lifting market restrictions and a gesture of financial liberalization surely broadens the channel for overseas RMB use and make the Chinese market more attractive.

Conclusion

For the past decade, China has put a lot of effort into globalizing RMB. It started by including RMB to SDR and now definitely aims at total “de-dollarization” of the Asia-Pacific region, which is quite a logical and natural move for such an economically ambitious power. Today, China's success in this direction is hard to ignore because China's share in the world trade, the growing strength of its financial institutions, as well as new China-led economic initiatives and movement towards openness. The probability of the decline of USD as a major reserve currency, stated by some significant actors (e.g., JP Morgan) is another contributing factor in the expansion of RMB. Though it is hard to predict the future of RMB because of the strict government control over its exchange rates, there is a general internationalization trend that attracts foreign investors to China. The government supports this trend by emphasizing China's commitment to economic openness in Five-Year plans and by revoking QFII quotas. The possible introduction of ADR also increases RMB's chances to go global. Such perspectives look attractive to investors and states searching for alternatives to USD and presents RMB as a decent diversification opportunity. To quote the president and CEO of China's HSBC Bank Liao Yijian, *“the pace of foreign financial institutions and foreign investors entering the Chinese market has never been more active”*²⁴.

²² Outrageous predictions 2020 – Engines of Disruption. (02.12.2019). *Saxo bank*. Retrieved January 17, 2021, from <https://www.home.saxo//media/documents/campaigns/outrageouspredictions/outrageouspredictions2020.pdf>.

²³ China lifts investment quota limit for QFII/RQFII amid financial opening-up. (09.11.2019). *Xinhuanet*. Retrieved January 17, 2021, from http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/11/c_138382088.htm.

²⁴ *Ibid*.

Since the 1990s, China has emerged as the world's manufacturing giant and China's "hyperactive and omnipresent" state has been actively stimulating "the process by which the renminbi slowly evolves towards fully convertible status" [Jacques 2009]. As China continues its economic and political rejuvenation, Chinese leaders understand that the internationalization of RMB is their most critical source of power moving forward and push RMB as the currency of choice for its partners in the Asia-Pacific region and BRI members. Overall, the ongoing process of RMB internationalization raises fundamental questions not only about the evolution of the international monetary system and the dominance of USD but, more broadly, about fundamental shifts in the global balance of power.

Received / Поступила в редакцию: 02.01.2021

Accepted / Принята к публикации: 12.02.2021

References

- Aglietta, M. (2011). Internalization of the Chinese currency. *China Perspectives*, 3(87), 79–83.
- Bowles, P., & Wang, B. (2013). Renminbi internationalization: A journey to where? *Development and Change*, 44(6), 1363–1385. DOI: dech.12058
- Carbaugh, R.J., & David W.H. (2009). Will the dollar be dethroned as the main reserve currency? *Global Economy Journal*, 9(3), 1. DOI: 10.2202/1524-5861.1541
- Hyoungh-kyu, C. (2013). Can the Renminbi rise as a global currency? The political economy of currency internationalization. *Asian Survey*, 53(2), 348–368.
- Jacques, M. (2009). *When China rules the world: The rise of the middle kingdom and the end of the western world*. London, UK: Allen Lane.
- Kuteleva, A., & Vasiliev, D. (2020). China's belt and road initiative in Russian media: politics of narratives, images, and metaphors. *Eurasian Geography and Economics*, 61(6), 1–25. DOI: 15387216.2020.1833228
- Kurien, J., & Geoxavier, B.Y. (2020). The Political Economy of International Finance: A Revised Roadmap for Renminbi Internationalization. *Yale Journal of International Affairs*. Retrieved April 05, 2021, from <https://www.yalejournal.org/publications/the-political-economy-of-international-finance-a-revised-roadmap-for-renminbi-internationalization>.
- McKinnon, R. (2009). Reconsidering XDRs. *Harvard International Review*, 31(1), 163–181.
- Narkevich, C., & Trunin, P. (2012). *Reserve currencies: factors of formation and their role in the global economy*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
- Park, Y.C., & Song, C.Y. (2011). Renminbi internationalization: prospects and implications for economic integration in East Asia. *Asian Economic Papers*, 10(3), 42–72.

About the author:

Klavdiya E. Chernilevskaya – MA Student, Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics – National Research University (e-mail: kechernilevskaya@edu.hse.ru) (ORCID: 0000-0002-7541-8888).

Сведения об авторе:

Чернилевская Клавдия Евгеньевна – студент магистратуры факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: kechernilevskaya@edu.hse.ru) (ORCID: 0000-0002-7541-8888).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253

Научная статья / Research article

Промышленная политика в электроэнергетическом секторе как инструмент реализации стратегии глобального лидерства Китая

Р.А. Епихина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Растущая экономическая мощь Китая способствует усилению его геополитических амбиций в XXI веке. При этом промышленная политика является важным инструментом реализации стратегии глобального лидерства КНР. Дискуссионным, однако, остается вопрос о том, эффективна ли «видимая рука государства»? На основе анализа программных документов, статистических данных и ряда научных публикаций рассмотрены положительные и отрицательные эффекты реализации промышленной политики в электроэнергетическом секторе КНР как одном из стратегически значимых секторов китайской экономики. Показано, что в комплексе с мерами энергетической политики они позволили успешно наладить разработку ряда передовых технологий и собственное производство высокотехнологичного оборудования, а также нарастить долю «чистых» источников энергии в структуре генерации. Кроме того, существенно усилились позиции китайского бизнеса в мировой электроэнергетике. Вместе с тем реализация промышленной политики была сопряжена с избыточным расходом ресурсов и рядом трудностей, обусловленных проблемами горизонтальной и вертикальной координации между тремя основными участниками системы разработки и реализации политических решений: центральным правительством, местными властями и крупными государственными компаниями. Такое положение дел было обусловлено тем, что вопросы развития электроэнергетики и смежных отраслей находились в ведении достаточно большой группы министерств и ведомств центрального правительства. При этом по статусу в системе власти руководители некоторых энергетических компаний равнозначны министру, а на региональном уровне возникали расхождения приоритетов центральных и местных властей.

Ключевые слова: Китай, промышленная политика, электроэнергетика, альтернативная энергетика, инновации

Для цитирования: *Епихина Р.А.* Промышленная политика в электроэнергетическом секторе как инструмент реализации стратегии глобального лидерства Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 243–253. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253

© Епихина Р.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Industrial Policy in the Electric Power Sector as Part of China's Global Leadership Strategy

R.A. Epikhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. China's growing economic power led to the rise of its geopolitical ambitions in the 21st century, and China's industrial policy has long been an important tool for implementing its global leadership strategy. Yet, how effective is the "visible hand of the state"? This paper examines the positive and negative effects of industrial policy implementation in China's electricity sector based on the analysis of policy documents, statistics, and academic publications. This study finds that together with energy policy measures industrial policy has been quite successful in promoting R&D activities and production of high-tech power equipment. It gave China an opportunity to increase the share of "clean" energy sources in the power generation mix. Besides, Chinese power companies gradually became global leaders in the electricity sector. At the same time, the implementation of industrial policies has led to the over-expenditure of resources and is characterized by problems of horizontal and vertical coordination between the three main players in the policy-making and implementation system: the central government, local authorities, and large state-owned companies. The development of the electric power sector and related industries is managed by a large group of ministries and departments of the central government. Moreover, the heads of several energy companies have the power and influence equivalent to that of a minister, and there were divergences of priorities of central and local authorities at the regional level.

Keywords: China, industrial policy, electricity, alternative energy, innovation

For citation: Epikhina, R.A. (2021). Industrial policy in the electric power sector as part of China's global leadership strategy. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 243–253. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253

Введение

За 40 лет экономических реформ Китай превратился не только в главный мировой центр обрабатывающей промышленности, но и в один из ведущих технологических и экономических центров мира [Naughton 2021]. Его растущая экономическая мощь способствовала усилению геополитических амбиций КНР и нарастанию конкуренции с США в 2010-е гг. Так, в январе 2017 г., незадолго до инаугурации Д. Трампа в качестве 45-го Президента США, Си Цзиньпин выступил на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе. В своей речи он поддержал глобализацию и призвал отказаться от протекционизма. По словам основателя и президента ВЭФ К. Шваба, «особенно сегодня, в мире, характеризующемся большой неопределенностью и волатильностью, международное сообщество надеется на то, что Китай продолжит вести себя как отзывчивый и ответственный лидер, давая всем нам [чувство] уверенности и стабильности»¹. В июне того же года, после того как

¹ Chinese President Xi Jinping at World Economic Forum // C-SPAN. 17.01.2017. URL: <https://www.c-span.org/video/?422078-1/chinese-president-xi-jinping-addresses-world-economic-forum> (accessed: 05.04.2021).

США вышли из Парижского соглашения, некоторые СМИ, в том числе американские², написали о КНР как о новом лидере климатической повестки. Эксперты ИМЭМО отмечают, что в среднесрочной перспективе внешняя политика Китая будет строиться вокруг дальнейшего укрепления основ его глобального лидерства [Михеев, Швыдко, 2017].

Одним из важнейших факторов усиления Китая является практика реализации мероприятий в рамках промышленной политики, в том числе в таком стратегически значимом секторе, как электроэнергетика. Вместе с тем в последние годы во многих странах она была воспринята негативно, а в США расценена как угроза сохранению за собой ведущих позиций в сфере высоких технологий. В частности, именно успешная реализация программы трансформации отраслевой структуры «Сделано в Китае 2025», предполагающая масштабную государственную поддержку избранных инновационных сегментов экономики, считается одной из основных предпосылок разворачивания торговой войны США против КНР³.

Вопросы промышленной политики в Китае в целом и в электроэнергетическом секторе⁴ в частности рассмотрены в публикациях целого ряда экономистов и политологов. Их часто включают в контекст концепции государства развития (developmental state) [Chen, Keng 2017], [Kroeber 2016]. Среди значимых публикаций последних лет можно выделить исследование Б. Нотона об особенностях и эволюции промышленной политики в Китае в 1978–2020 гг. [Naughton 2021], а также коллективную монографию под редакцией Л. Брандта и Т. Равски, посвященную вопросам регулирования и стимулирования инновационного развития электроэнергетики и некоторых иных отраслей китайской экономики [Brandt, Rawski 2019]. Кроме того, обширный пласт литературы посвящен анализу китайского опыта реализации промышленной политики в сфере альтернативной энергетики [Zhang, Andrews-Speed, Zhao, He 2013; Binz C., Gosens J., Hansen T., Hansen 2017; Kenderdine 2017].

² *Sanger D.E., Perlez J.* Trump Hands the Chinese a Gift: The Chance for Global Leadership // *The New York Times*, 01.06. 2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/06/01/us/politics/climate-agreement-trump-china-global-leadership.html?_r=0 (accessed: 05.04.2021).

³ *Sheehan M.* Trump's Trade War Isn't About Trade, It's About Technology // *MACROPOLO*. 03.04.2018. URL: <https://macropolo.org/analysis/trumps-trade-war-isnt-about-trade-its-about-technology/> (accessed: 05.04.2021).

⁴ Под электроэнергетическим сектором в данном контексте понимается комплекс предприятий, обеспечивающих, с одной стороны, производство, передачу и распределение электроэнергии, а с другой – выпуск необходимого для этого оборудования и строительство электростанций. Выделение такого сектора в контексте изучения вопросов промышленной политики представляется вполне обоснованным. Во-первых, энергетическая политика и промышленная политика в сфере производства электротехнической продукции тесно связаны, и первая оказывает значительное влияние на вторую [Zhang, Andrews-Speed, Zhao, He 2013]. Во-вторых, на внешних рынках эти компании часто выступают в качестве партнеров при реализации проектов, направленных на продвижение китайских технологий и оборудования за рубежом.

Изучение китайского опыта в этой сфере представляется особенно актуальным в контексте глобального дискурса о декарбонизации экономики⁵.

При этом в научной литературе отсутствует общепринятое определение промышленной политики. Как справедливо отмечают эксперты ЮНКТАД, одни авторы трактуют промышленную политику в широком смысле как меры, направленные на улучшение деловой среды. Другие ученые понимают ее в узком смысле как мероприятия, направленные на изменение структуры экономической активности в сторону конкретных секторов. Третьи отмечают, что к каким бы общим мерам поддержки ни обращались власти, они все равно выделяют конкретные сектора, которые поддерживают больше других⁶. Последний подход наиболее точно описывает китайскую практику, когда формирование благоприятной среды для деловой активности сопровождается выбором и целевой поддержкой наиболее значимых и перспективных направлений развития, а в отдельных случаях и конкретных компаний.

Основные элементы промышленной политики в электроэнергетическом секторе Китая

Активизация применения инструментов промышленной политики в Китае в XXI в. началась с 2006 г. [Kroeber 2016; Naughton 2021]. Такая периодизация справедлива и для электроэнергетического сектора. В 2006 г. в Китае была объявлена инициатива по развитию новых стратегически значимых (и инновационных) отраслей. В их перечень⁷ были включены «зеленая» энергетика, а также энергосбережение и защита окружающей среды, атомная энергетика, автомобили на новых видах топлива (прежде всего электроавтомобили). Направления инновационного развития электроэнергетического сектора были также выделены в пятилетних и среднесрочных планах развития отраслей электроэнергетики (в том числе возобновляемой энергетике), средне- и долгосрочном плане развития науки и технологий (2006–2020 гг.), стратегии развития промышленности «Сделано в Китае 2025», а также «Плане действий в сфере энергетических инноваций» (2016–2030 гг.). Помимо перечисленных выше направлений развития в них были включены вопросы производства энергосберегающего оборудования и разработка соответствующих технологий, крупномасштабной ветрогенерации и высокоэффективных солнечных панелей, энергоэффективных технологий, а также технологий

⁵ В сентябре 2020 г. в рамках выступления на 75-й Генеральной Ассамблее ООН Си Цзиньпин объявил о том, что КНР берет курс на декарбонизацию экономики до 2060 г. Это решение повлечет за собой изменения в структуре генерации в пользу увеличения удельного веса «чистых» источников энергии (в том числе возобновляемой и атомной). См.: Volcovici V. China calls for global 'green revolution' as Trump goes solo on climate. URL: <https://www.reuters.com/article/us-un-assembly-climatechange-idUSKCN26D2DH> (accessed: 05.04.2021).

⁶ Module 2. Industrial policy: a theoretical and practical framework to analyse and apply industrial policy. URL: vi.unctad.org/stind/m2.pdf (accessed: 01.02.2021).

⁷ С 2006 г. список несколько раз обновлялся. Здесь приводится перечень отраслей по списку 2018 г.

улавливания и хранения углерода [Kenderdine 2017]. Для поддержки развития нового направления была создана новая нормативно-правовая база, в частности, в 2005 г. был принят, а с 1 января 2006 г. вступил в силу закон о ВИЭ. Таким образом, государство давало четкий сигнал о том, что поддерживает развитие указанных секторов.

На исследования и разработки в приоритетных высокотехнологических секторах выделялись субсидии, китайские власти стимулировали патентную активность и регистрацию технических стандартов. Так, в 2010–2019 гг. Китай вошел в число лидеров по количеству патентов в области передовых направлений развития электроэнергетики. Хотя многие эксперты сомневаются в качестве большинства патентов [Kroeber 2016], масштабы деятельности в этом направлении являются наглядным подтверждением промышленной политики, которую проводит государство. В частности, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), в 2010–2019 гг. существенно увеличилось количество зарегистрированных китайских патентов в сфере альтернативной энергетики. По этому показателю по итогам 10 лет он занял 5-е место в мире. По «патентным семьям» Китай занимал первое место, главным образом за счет патентов в сфере солнечной энергетики⁸, а также благодаря активной деятельности Государственной электросетевой корпорации (ГЭК Китая), специализирующейся на технологиях интеллектуальных сетей передачи электроэнергии, ЛЭП сверхвысокого напряжения и современных приборов учета потребления электроэнергии⁹. Так, из 2079 патентов, зарегистрированных в сфере интеллектуальных сетей в период с 2009 г. по 2020 г., 1087 были зарегистрированы китайскими компаниями, из них 1002 принадлежат ГЭК Китая и ее институту по исследованиям в сфере интеллектуальных сетей¹⁰. Лидирует Китай и по количеству патентов в сфере передачи электроэнергии по ЛЭП сверхвысокого напряжения (947 патентов из 1334¹¹).

В числе других важных факторов, способствовавших развитию электроэнергетического сектора в Китае, можно выделить то обстоятельство, что с середины 2000-х гг., в рамках политики импортозамещения инноваций (*zizhu chuangxin*) в качестве условия допуска к инвестиционной деятельности в КНР, к иностранным компаниям стали предъявляться более строгие требования по передаче технологий китайским партнерам [Kroeber 2016].

⁸ Nurton J. Patenting trends in renewable energy // World Intellectual Property Indicators 2019. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2020/01/article_0008.html (accessed: 05.04.2021).

⁹ Patents // World Intellectual Property Indicators 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2019-chapter1.pdf (accessed: 05.04.2021).

¹⁰ Рассчитано автором по данным WIPO IP Portal с 2009 по 2020 г. Поисковой запрос – «smart grid». См.: WIPO IP Portal. PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int> (accessed: 20.09.2020).

¹¹ Рассчитано автором. Данные приводятся с 1969 по 2020 г., из 1334 патентов 1193 были опубликованы после 1 января 2009 г. Поисковой запрос – «ultra high voltage». См.: WIPO IP Portal. PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int> (accessed: 20.09.2020).

Положительно сказалось развитие системы научных исследований, которая в основном существует на государственные средства, а также доминирование государственных компаний в энергетике [Binz, Gosens, Hansen, Hansen 2017]. Все это реализовывалось в сочетании с мерами энергетической политики, направленными на создание стимулов для интеграции ВИЭ и других чистых и энергоэффективных технологий в систему снабжения электроэнергией, в том числе с помощью применения «зеленых» тарифов и субсидий.

В результате за годы реформ¹² в Китае была создана крупнейшая в мире система производства электроэнергии. С 2015 г. уровень электрификации КНР составляет 100% [He, Victor 2017]¹³. Стремительно эволюционировали технологии. Еще в 1990-х гг. Китай импортировал из развитых стран оборудование для энергоблоков со сверхкритическими параметрами пара, которое обеспечивало более высокий уровень эффективности объектов теплогенерации. На современном этапе КНР существенно опережает США по количеству передовых установок в этом виде генерации. Так, в 2017 г. в Китае было 90 генерирующих установок на ультра-сверхкритических параметрах пара, в то время, как в США – только одна¹⁴. По оценке М. Давидсона, китайская угольная генерация на сегодняшний день примерно на 15% более эффективна, чем американская [Brandt, Rawski 2019].

Трансформируется структура установленных мощностей, в частности, увеличивается удельный вес возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Еще в 2007 г. в статистическом отчете о развитии электроэнергетики данные о вводе в строй солнечных электростанций (СЭС) не приводились, а доля новых ветроэлектростанций (ВЭС) составляла 2,9%. По данным на конец 2019 г., аналогичный показатель для СЭС составил 26,4%, а для ВЭС – 25,3%. Суммарная установленная мощность таких электростанций достигла 10,2% и 10,4%, соответственно¹⁵.

Усилились позиции китайского бизнеса на глобальном рынке электроэнергетического оборудования и на мировом инвестиционном поле. Ведущие компании данного сектора промышленности входят в список крупнейших компаний мира Fortune – 500 и не только экспортируют оборудование для электростанций, но и покупают доли в компаниях, а также строят объекты с нуля и по контрактам, и в рамках зарубежных инвестиционных проектов. Они представлены во всех звеньях производственной цепочки на рынках как развивающихся, так и развитых стран практически во всех видах традиционной и возобновляемой генерации и передачи электроэнергии. Таким образом, они

¹² Начало экономических реформ было положено в декабре 1978 г.

¹³ По оценке Г. Хэ и Д. Виктора, изучавших опыт электрификации в КНР, этот показатель верен, несмотря на известные искажения и неточности в китайской статистике [He, Victor 2017].

¹⁴ Hart M., Bassett L., Johnson B. Everything You Think You Know About Coal in China Is Wrong // Center for American Progress. May 15, 2017. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/green/reports/2017/05/15/432141/everything-think-know-coal-china-wrong/> (accessed: 05.04.2021).

¹⁵ Statistics of China Power Industry 2019 // China Electricity Council. URL: <http://cec.cec.org.cn/upload/1/editor/1579576517375.pdf> (accessed: 05.04.2021).

активно продвигают за рубежом китайские разработки и техстандарты [Епихина 2019]. Причем показательно, что, хотя в структуре китайских зарубежных инвестиций в проекты в сфере электроэнергетики по-прежнему доминируют традиционные угольная и гидрогенерация, с 2010-х гг. происходит постепенная диверсификация в сторону ВИЭ. По сведениям China's Global Power Database, объединяющей сведения об инвестициях и кредитах китайской стороны в развитие проектов в сфере электроэнергетики за рубежом с 2000 г., удельный вес ВИЭ в структуре генерирующих мощностей, которые китайская сторона финансирует за рубежом, достигает 11,5%¹⁶.

Таким образом, успехи в развитии электроэнергетического сектора стали возможны во многом благодаря реализации государственной промышленной политики. Как отмечают В. Чэнь и Ш. Кэн, именно благодаря активному участию государства Китай успешно прошел стадию догоняющего развития и сам вошел в число лидеров по ряду инновационных направлений [Chen, Keng 2017].

Недостатки промышленной политики в электроэнергетическом секторе Китая

Среди экономистов и политологов нет консенсуса относительно того, может ли «видимая рука государства» быть эффективнее «невидимой руки рынка» в вопросах модернизации промышленности. Дискуссия на эту тему ведется и в Китае. Так, в 2016 г. ярким событием общественной жизни в КНР стало обсуждение онлайн-трансляции дебатов известных экономистов Линь Ифу и Чжана Вэйина, придерживающихся противоположных точек зрения по вопросу эффективности промышленной политики¹⁷. В научной литературе представлена и более компромиссная точка зрения. Так, некоторые ученые считают, что в ситуации, когда стадия догоняющего развития пройдена и необходимо разрабатывать собственные решения, а не копировать готовые, ведущая роль государства начитает сдерживать развитие. В связи с этим они считают, что Китаю пора отказаться от промышленной политики в разработке инноваций в электроэнергетике [Chen, Keng 2017].

Даже в целом успешный опыт реализации промышленной политики в электроэнергетическом секторе КНР складывался на фоне ряда трудностей.

Так, в Китае имеют место проблемы горизонтальной координации между органами государственного управления, влияющими на развитие электроэнергетического сектора. В частности, в стране нет министерства энергетики. Э. Даунс объясняет это обстоятельство тем, что в результате многолетних реформ в КНР сформировалась группа институтов во главе с Государственной

¹⁶ China's Global Power Database // Global Development Policy Center. URL: <https://www.bu.edu/cgp/> (accessed: 05.04.2021).

¹⁷ Журнал *The Economist* сравнил их с Дж.М. Кейнсом и Ф. Хайеком. См.: China's industrial policy. Plan v market. // *The Economist*. 05.11.2016. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2016/11/05/plan-v-market> (accessed: 01.02.2021).

комиссией по развитию и реформам (ГКРР), решения которых в разной степени влияют на энергетику¹⁸ [Downs 2008]. При этом сферы их влияния часто пересекаются. Это обуславливает фрагментарность промышленной политики в электроэнергетическом секторе КНР.

Помимо этого на развитие электроэнергетического сектора, как и многих других секторов китайской промышленности, влияют проблемы вертикальной координации действий центральных и местных властей, а также ведущих компаний. Так, по оценке Г. Хэ и Д. Виктора, центральные власти являются лидером и основным источником финансирования реализации промышленной политики в электроэнергетическом секторе Китая и плотно сотрудничают с местными властями и бизнесом, координируя их совместную работу [He, Victor 2017]. На практике это не всегда так, и решения центра не всегда исполняются на местах. Это происходит ввиду ряда обстоятельств.

Во-первых, после серии реформ в электроэнергетике в 1997–2002 гг. и особенно после 2014 г., когда местные власти получили право давать разрешение на строительство электроэнергетических объектов, они стали играть важную роль в планировании и ведущую – в управлении электроэнергетикой в регионах. Во-вторых, все значимые рыночные нововведения проходят апробацию в регионах и лишь затем, при успешном тестировании пилотных проектов, распространяются на всю страну. В-третьих, на региональном уровне разрабатываются ежегодные планы генерации и принимается большинство ежедневных операционных решений. В-четвертых, местные власти также обладают собственными ресурсами для поддержки инновационных компаний и могут положительно влиять на развитие инновационной среды в регионе за счет создания высокотехнологичных кластеров [Brandt, Rawski 2019]. При этом интересы местных властей могут расходиться с интересами центра. Их действия направлены главным образом на достижение двух целей: максимизацию налоговых поступлений, что во многом достигается за счет поддержки местных компаний, и обеспечение занятости и социальной стабильности [Chu 2017].

Отсутствие координации приводило к ряду негативных последствий. Так, имели место случаи, когда региональные власти давали разрешения на строительство новых объектов генерации не из-за объективной необходимости в новом источнике энергии, а только чтобы подстегнуть темпы экономического роста в регионе. Это способствовало продвижению провинциальных чиновников по карьерной лестнице, но в то же время приводило к снижению общей факторной производительности даже в отрасли с таким существенным вкладом высоких технологий, как электроэнергетика [Brandt, Rawski 2019]. В числе других негативных последствий подобной деятельности – простой «зеленых» генерирующих объектов, когда энергия уже введенных в эксплуатацию объектов не использовалась; неэффективное использование сетевой

¹⁸ В их числе, например, Министерство экологии и окружающей среды КНР, Министерство промышленности и информатизации КНР, Комитет по контролю и управлению государственным имуществом КНР, Государственное управление по делам энергетики КНР и др.

инфраструктуры; значительное количество избыточных мощностей как в генерации электроэнергии, так и в сфере производства оборудования, в том числе в альтернативной энергетике; нерациональное выделение субсидий компаниям – производителям оборудования¹⁹.

Что касается китайских компаний²⁰, то в отдельных случаях они могут занимать даже более активную позицию в разработке инициатив в сфере энергетической и промышленной политики, чем органы государственного управления. Их активность обычно подкрепляется политическим статусом, который у глав некоторых предприятий выше, чем у руководителей различных регулирующих ведомств и министерств. Например, глава Государственной электросетевой корпорации Китая в китайской системе власти равнозначен министру [Downs 2008].

Это, однако, не гарантирует высокую эффективность их действий. Многие эксперты отмечают, что разработки китайских компаний могут быть финансово нерентабельными и часто создаются не столько ради поиска концептуально новых решений, сколько «ради снижения зависимости от импортных продуктов, услуг и идей» [Kroeber 2016], в том числе с целью избежать выплат роялти иностранным компаниям [Brandt, Rawski 2019].

Заключение

На современном этапе приоритет в рамках промышленной политики в КНР отдается отраслям «новой инфраструктуры»²¹, связанным с внедрением

¹⁹ Анализ кейсов нескольких компаний-производителей солнечных панелей провинциального уровня свидетельствует о том, что ориентированные на увеличение темпов роста ВРП местные власти предоставляли преференциальный режим компаниям отрасли и поддерживали увеличение размеров предприятий. Они не оценивали инновационную составляющую производителей. В то же время компании переоценивали перспективы роста рынка солнечных панелей, при этом недостаточно инвестируя в разработку новых технологических решений. В итоге на рынке сформировались избыточные производственные мощности, обремененные значительными долгами, чего можно было бы избежать при более грамотной политике в регионах. Таким образом, ресурсы тратились неэффективно, и, по сути, создавалась лишь видимость успешной реализации промышленной политики центра [Chen, Keng 2017].

²⁰ Несмотря на то что отмечается рост количества частных компаний в сфере производства оборудования для ВИЭ и распределения электроэнергии, большинство компаний электроэнергетического сектора являются государственными. Это во многом обусловлено тем, что китайские власти рассматривают электроэнергетику как стратегическую отрасль (одну из так называемых «командных высот» экономики) и стремятся сохранить контроль в этом сегменте экономики. Кроме того, благодаря доминированию госсектора удавалось реализовывать контроль за тарифами. Наконец, поскольку на современном этапе Китай заинтересован в инновационном развитии вне давления рынка и без иностранного вмешательства, основными исполнителями этой задачи становятся госкомпании, прежде всего «национальные чемпионы», находящиеся в ведении Комитета по контролю и управлению государственным имуществом КНР [Brandt, Rawski 2019].

²¹ Вопросы развития «новой инфраструктуры» обсуждалась властями КНР с 2018 г., а уточненный перечень отраслей был представлен в апреле 2020 г. В него вошли сети 5G, искусственный интеллект, облачные вычисления и др. Кроме того, предполагается развивать

информационных технологий нового поколения, в том числе в целях осуществления цифровой трансформации в традиционных секторах экономики. Электроэнергетический сектор представлен в перечне таких отраслей лишь в части, касающейся строительства интеллектуальной энергетической инфраструктуры, необходимой, например, для зарядки электромобилей. Вместе с тем выводы из опыта, накопленного в электроэнергетическом секторе КНР, могут быть востребованы при разработке новых программ развития. В связи с этим важно учитывать, что достижение указанных результатов в Китае происходило на фоне проблем с координацией действий компаний и властей в центре и на местах. Интересы местных властей нередко расходились с интересами центра и были связаны главным образом с достижением двух целей: максимизации налоговых поступлений и обеспечения занятости и социальной стабильности в регионе. В результате их действия нередко сопровождались неоптимальными решениями о распределении финансовых ресурсов, прежде всего, на провинциальном уровне, что в целом ряде случаев приводило к формированию избыточных мощностей или неэффективному использованию объектов генерации. Судя по всему, в отсутствие этих проблем аналогичные результаты в развитии электроэнергетического сектора могли бы быть достигнуты и при меньшем вложении ресурсов.

Тем не менее, в целом, несмотря на указанные проблемы, опыт реализации промышленной политики в электроэнергетическом секторе КНР достаточно успешен. Формирование благоприятной среды для деловой активности сопровождалось выбором и целевой поддержкой наиболее значимых и перспективных направлений развития в области производства и передачи электроэнергии. В отдельных случаях поддержку получали конкретные, главным образом государственные, компании. В результате удалось за сравнительно короткий промежуток времени пройти путь от заимствования готовых технологий в электроэнергетике до разработки ряда собственных инновационных решений и «вырастить» национальных чемпионов. Все это способствовало превращению Китая в крупного экспортера продукции для генерации, передачи и распределения электроэнергии и инвестора в электроэнергетические проекты за рубежом. Таким образом, реализация промышленной политики не только внесла вклад в достижение внутренних целей экономического роста и развития, но и способствовала продвижению КНР на пути к глобальному лидерству.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

инфраструктуру, необходимую для проведения научных исследований и разработки новых продуктов. См.: The National Development and Reform Commission introduced electricity generation and investment project approvals, and answered questions on the economic situation in the first quarter // The State Council the Peoples Republic of China. 20.04.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-04/20/content_5504352.htm (accessed: 05.04.2021).

Библиографический список / References

- Епихина Р.А. Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. 12(6). С. 188–202. [Epikhina, R.A. (2019). The role of electric power sector in China's global economic expansion. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12(6), 188–202. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-9 (in Russian)].
- Михеев В.В., Швыдко В.Г. (ред.) Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства. М.: ИМЭМО РАН, 2017. [Mikheev, V., & Shvydko, V. (Eds.). (2017). *Predicting Future Strategies of Pacific Countries*. Moscow: IMEMO. (In Russian)].
- Binz, C., Gosens, J., Hansen, T., & Hansen, U.E. (2017). Toward technology-sensitive catching-up policies: Insights from renewable energy in China. *World Development*, 96, 418–437.
- Brandt, L., & Rawski, T. (Eds.). (2019). *Policy, Regulation and Innovation in China's Electricity and Telecom Industries*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108645997
- Chen, W., & Keng, S. (2017). The Chinese developmental state in transition: In light of the East Asian experiences. *Journal of the Chinese Governance*, 2(2), 209–222. DOI: 10.1080/23812346.2017.1311506
- Chu, W. (2017). Industry policy with Chinese characteristics: Multi-layered model. *China Economic Journal*, 10 (3), 305–318. DOI: 10.1080/17538963.2017.1368903
- Downs, E.S. (2008). China's "New" energy administration. *China Business Review*, November–December, 42–45.
- Hart, M., Bassett, L., & Johnson, B. (2017). *Everything you think you know about coal in China is wrong*. Center for American Progress. Retrieved April 05, 2021, from <https://www.american-progress.org/issues/green/reports/2017/05/15/432141/everything-think-know-coal-china-wrong/>
- He, G. & Victor, D. (2017). Experiences and lessons from China's success in providing electricity for all. *Resources Conservation and Recycling*, 122, 335–338. DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.03.011
- Kenderdine, T. (2017). China's industrial policy, strategic emerging industries and space law. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 4 (2), 325–342. DOI: 10.1002/app5.177
- Kroeber, A.R. (2016). *China's Economy. What Everyone Needs to Know*. New York: NY Oxford University Press.
- Naughton, B. (2021). *The Rise of China's Industrial Policy, 1978–2020*. Universidad Nacional Autonoma De Mexico, Centro De Estudios China-Mexico. Retrieved April 05, 2021, from https://dusselpeters.com/CECHIMEX/Naughton2021_Industrial_Policy_in_China_CECHIMEX.pdf
- Zhang, S., Andrews-Speed, P., Zhao, X., & He, Y. (2013). Interactions between renewable energy policy and renewable energy industrial policy: A critical analysis of China's policy approach to renewable energies. *Energy Policy*, 62, 342–353. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.07.063

Сведения об авторе:

Епихина Раиса Алексеевна – младший научный сотрудник Лаборатории по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: repikhina@econ.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-9787-2395).

About the author:

Raisa A. Epikhina – Junior Research Fellow, Laboratory for Socio-Economic Studies of Developing Countries, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: repikhina@econ.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-9787-2395).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264

Научная статья / Research article

Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность

Е.А. Михалевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Оформление киберсуверенитета в самостоятельную концепцию произошло сравнительно недавно, а ее развитие и распространение происходит в настоящее время, что указывает на актуальность изучения данной тематики. Китай как один из самых влиятельных акторов современных международных отношений реализует свои национальные интересы в том числе посредством продвижения концепции киберсуверенитета. Данная концепция способна задать вектор формирования правил игры в области международного киберпространства, которое характеризуется высокой степенью изменчивости. Исследование базируется на количественном и качественном контент-анализе нормативно-правовых актов и государственной концепции киберсуверенитета Китая. Автор делает попытку дать определение новой для международного права концепции киберсуверенитета и анализирует ее место в системе международного права и архитектуре международной информационной безопасности. Автор акцентирует внимание на том, что китайская концепция киберсуверенитета не подразумевает разделения общего киберпространства на отдельные сегменты, а способствует созданию безопасного «киберсообщества с общей судьбой», в котором государства могут осуществлять свои права на управление Интернетом на принципах равенства, справедливости, сотрудничества, мира и верховенства закона. Таким образом, при условии успешной апробации концепции киберсуверенитета Китайской Народной Республикой на своей территории данная модель может быть использована международным сообществом в качестве основы формирования международно-правовой базы, регулирующей отношения государств в области киберпространства.

Ключевые слова: Китай, киберсуверенитет, киберпространство, информационная безопасность, суверенитет, Интернет

Для цитирования: Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 254–264. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264

© Михалевич Е.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Concept of Cyber Sovereignty of the People's Republic of China: Development History and Essence

E.A. Mikhalevich

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The transformation of cyber sovereignty into an independent concept is a recent phenomenon, and thus its development and distribution is currently underway, which indicates the relevance of studying this topic. Being one of the most influential actors of contemporary international politics, China uses the concept of cyber sovereignty to promote its national interests and is able to shape the rules in the highly volatile field of international cyberspace. The study is based on quantitative and qualitative content analysis of legal acts and concept of China's cyber sovereignty. The author defines a concept of cyber sovereignty and identifies its place in the system of international law and in the architecture of international information security. China's concept of cyber sovereignty does not imply the division of a common cyberspace into separate segments but contributes to the creation of a 'cyber community of a common destiny', in which states can exercise their rights to govern the Internet on the principles of equality, justice, cooperation, peace and rule of law. It is concluded that this concept can be used as the basis for the formation of an international legal framework that regulates relations between states in the field of cyberspace.

Keywords: China, cyber sovereignty, cyberspace, information security, sovereignty, Internet

For citation: Mikhalevich, E.A. (2021). The concept of cyber sovereignty of the People's Republic of China: Development history and essence. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 254–264. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264

Введение

На начальном этапе развития Интернета в 1990-х гг. киберпространство провозглашалось безграничным, децентрализованным и открытым миром свободно текущей информации. Сейчас необходимость внедрения норм, связанных с государственным контролем информации, включая систему фильтрации контента в Интернете, удаление контента и наблюдение за его распространением, обсуждается по всему миру. Тем не менее единого международного подхода к системе регулирования киберпространства на данный момент еще не существует. Китайское правительство стало первопроходцем в этой области, предложив международному сообществу собственную концепцию киберсуверенитета (*ванло чжуцзюань*), опирающуюся на одну из базовых международно-правовых норм государственного суверенитета.

В настоящее время отечественные и зарубежные исследователи, занимающиеся вопросами безопасности в киберпространстве, все чаще обращаются к анализу и характеристике такого относительно нового понятия, как киберсуверенитет. Данная работа посвящена изучению развития китайской концепции киберсуверенитета и характеризует ее основные компоненты. К используемым методам исследования относятся количественный и качественный контент-анализ нормативно-правовых актов, государственной концепции

киберсуверенитета Китая. Применив методику количественного анализа содержания текстовых массивов, стало возможным разложить тексты на составляющие их части и проанализировать эти переменные, интерпретировать выявленные закономерности по частоте использования конкретных тем, слов, которые представляются наиболее важными для авторов. Качественный контент-анализ изученных текстовых массивов подчеркивает единичность изучаемой концепции, ее неоднозначность и комплексность. Применив данную методику, стало возможным понять взаимосвязь концепции с международно-правовыми нормами, а также тот смысл, которым авторы наделяют то или иное понятие.

Для отечественной науки изучение данной проблематики весьма актуально и имеет практическую значимость. Учитывая активное развитие двустороннего сотрудничества по линии стратегического партнерства, для России понимание реализации китайской концепции киберсуверенитета является необходимым условием для выстраивания предсказуемых отношений. При написании данной статьи были использованы труды российских исследователей [Ибрагимова 2013; Исаев 2018; Евдокимов 2011].

Зарубежная наука уделяет еще больше внимания китайской концепции киберсуверенитета, что связано, прежде всего, с политическим и экономическим противостоянием двух сильнейших акторов международных отношений – КНР и США. Центральной темой зарубежных исследований является влияние концепции на формирование нового мирового порядка и связанные с этим возможные угрозы. Были использованы работы зарубежных ученых [Wang 2020; Mckune, Ahmed 2018; Ayers 2016].

История развития концепции

Отправной точкой исследования китайского подхода к киберсуверенитету можно считать ноябрь 2014 г., когда в городе Учжэнь (провинция Чжэцзян) состоялась Первая Всемирная интернет-конференция, также известная как «Учженьский Саммит». Проведение конференции было утверждено и спонсировано Коммунистической Партией Китая при финансовой поддержке Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, Международного союза электросвязи, Всемирной организации интеллектуальной собственности и Ассоциации GSM¹.

Организаторы конференции 2014 г. обозначили ее главную цель следующим образом: «Взаимосвязанный мир, которым руководят и управляют все, – создание сообщества киберпространства с общей судьбой»². В конференции приняли участия более тысячи представителей известных по всему миру интернет-компаний из более сотни стран (NetEase, Alibaba Group, Star Track и др.)³.

¹ 2014 WIC overview. World Internet Conference. November, 2015. URL: http://www.wuzhenwic.org/2015-11/12/c_46284.htm (accessed: 15.11.2020).

² Ibid.

³ Ibid.

В своем выступлении на открытии второй конференции председатель КНР Си Цзиньпин призвал мировое сообщество уважать независимость государственного контроля в Интернете. Он также отметил, что государства имеют полное право избирать путь развития и регулирования Сети внутри своих границ. Концепцию уважения различных моделей управления Интернетом на территории отдельно взятой страны, право наций на управление Интернетом Си Цзиньпин определил понятием «киберсуверенитет»⁴. Таким образом, как и усилия в более традиционных областях внешней политики, китайская кибер-дипломатия основана на невмешательстве во внутренние дела, равном участии и помощи в целях развития, а также поддержке ООН и других многосторонних институтов.

По завершении конференции, участникам было предложено подписать итоговую декларацию. Стоит отметить, что в завершающий день конференции организаторы не упомянули о проекте декларации⁵, что наводит на мысли о том, что документ был подготовлен в спешке или китайская сторона ставила цель сыграть на эффекте неожиданности, чтобы проект подписало как можно большее число участников.

Второй пункт проекта Декларации Учжэнь, по поводу которого возражала большая часть участников конференции, призывал уважать киберсуверенитет всех стран: «международное сообщество должно уважать права каждой страны на развитие, использование и управление Интернетом, воздерживаться от злоупотребления ресурсами и технологическими возможностями для нарушения киберсуверенитета других стран»⁶.

Несмотря на то что другие пункты документа касались призыва на борьбу с терроризмом путем ограничения распространения определенных интернет-ресурсов и отмены шифрования сообщений в мессенджерах, создания базы для культурного развития подрастающего поколения без запрещенного контента, тем не менее, они были интерпретированы также в негативном ключе, поскольку китайское правительство, под предлогом закрытия «вредного» контента, ограничивает и делает невозможным доступ китайской молодежи, например, к онлайн-библиотекам, что пагубно влияет на их культурное развитие⁷. В результате жесткой критики проекта декларации итоговый документ конференции так и не был подписан.

На Второй Всемирной интернет-конференции китайская сторона постаралась в более мягкой форме донести свою позицию в отношении суверенитета в киберпространстве. На церемонии открытия конференции Си Цзиньпин

⁴ China Internet: Xi Jinping calls for «cyber sovereignty». BBC News. December, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-35109453> (accessed: 10.11.2020).

⁵ Ibid.

⁶ Gady F.S. The Wuzhen Summit and Chinese Internet sovereignty. Huffpost. September, 12, 2014. URL: https://www.huffpost.com/entry/the-wuzhen-summit-and-chi_b_6287040 (accessed: 16.11.2020).

⁷ Ibid.

заявил, что «киберпространство не должно становиться полем битвы для стран, тем более оно не должно стать очагом преступлений»⁸.

Вместе с тем в настоящее время мы можем наблюдать иную картину. В отчете PricewaterhouseCoopers за 2015 г. указано, что среднее число кибератак, зафиксированных на территории материкового Китая (включая Гонконг и Макао), выросло на 517% по сравнению с предыдущим годом, достигнув отметки в 1245 атак, при том что в 2014 г. их было всего 241. Необходимо отметить, что более половины пораженных китайских компьютеров контролировались с американских IP-адресов, почти треть – с португальских⁹. Такая статистика говорит о том, что Китай, будучи государством с наибольшим количеством пользователей Интернета, является одним из самых «атакуемых» и уязвимых акторов во Всемирной паутине. В связи с этим Си Цзиньпин в своей приветственной речи также призвал иностранных коллег к созданию многостороннего механизма по международному управлению киберпространством, предложил активизировать диалог и наладить процедуры консультаций по вопросам киберпространства¹⁰.

Уже шестая по счету конференция состоялась в конце октября 2019 г. Конференция была посвящена построению единого информационного общества: «Интеллект, взаимосвязанность, открытость и сотрудничество: совместное создание сообщества единой судьбы в кибер-пространстве»¹¹. Мероприятие было приурочено к пятидесятой годовщине существования сети Интернет и двадцать пятой годовщине вовлечения Китая в Интернет. Главной идеей конференции было то, что в связи с ускорением промышленной трансформации международное сообщество должно взять на себя равную ответственность за разумное и эффективное использование Интернета на благо всего человечества.

Конференция 2019 г. завершилась публикацией итогового документа «Киберсуверенитет: теория и практика», который вобрал в себя основные идеи, вкладываемые китайским правительством в понятие концепции киберсуверенитет. Отталкиваясь от принципа суверенного равенства государств, закрепленного в Уставе ООН, КНР резюмирует, что на практике государства хотя и распространили национальный суверенитет на киберпространство, тем не менее существуют различные точки зрения на механизмы осуществления суверенитета в Интернете. Китай в данном вопросе призывает взять за основу

⁸ Highlights of Xi's Internet speech. ChinaDaily. December, 16, 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015wic/2015-12/16/content_22728775.htm (accessed: 17.11.2020).

⁹ Cybersecurity challenges in an interconnected world. PricewaterhouseCoopers. December, 2015. URL: <https://www.pwc.ru/en/retail-consumer/publications/assets/pwc-global-state-of-information-security-survey-retail-and-consumer.pdf> (accessed: 18.11.2020).

¹⁰ Infographic: Achievements of the 2nd WIC // ChinaDaily. December, 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/tech/2015-12/21/content_22761073.htm (accessed: 18.11.2020).

¹¹ Завершилась шестая Всемирная интернет-конференция по международным правилам в киберпространстве // World Internet Conference. October, 21, 2019. URL: http://www.wicwuzhen.cn/web19/release/release/201910/t20191021_11229692.shtml (accessed: 12.11.2020).

принцип Устава ООН и встроить его в киберсистему. Киберсуверенитет, по мнению китайского правительства, является естественным продолжением национального суверенитета в киберпространстве, а значит, не должен быть зависим от влияния других государств¹². Данный документ является единственным официальным полным источником по изучению концепции киберсуверенитета.

Понятие и сущность концепции

Несмотря на то что в последние годы на проблематику киберсуверенитета стало обращать внимание все большее число экспертов в области международных отношений и международного права, данное понятие не имеет единого определения [Ибрагимова 2013; Евдокимов 2011; Wang 2020; Mckune, Ahmed 2018]. Это прежде всего связано с тем, что сам термин возник относительно недавно.

Исходя из того, что Китай стал государством, которое концептуализировало киберсуверенитет, в качестве определения этого нового для науки понятия можно использовать ту смысловую нагрузку, которую придает ему китайское правительство – личное право политической власти избирать собственную модель развития Интернета внутри определенного государства, без возможности вмешательства в данный процесс иных государств.

В принципе отечественная и китайская наука понимают термин «киберсуверенитет» в едином ключе, разбивая данное понятие на две составные части. Для более точного представления о смысле данной концепции представляется необходимым подробнее остановиться на данных понятиях.

В рамках исследуемой темы понятие государственного суверенитета является базовым. Оно подразумевает неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства, возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального организма, обусловленное правовым равенством независимых государств и лежащее в основе современного международного права [Суверенитет государства... 2009].

Что касается термина «киберпространство», то стоит отметить, что, хотя со времени появления Интернета прошло уже достаточно времени, однозначной трактовки не существует по ряду причин. Во-первых, многие отечественные и зарубежные эксперты при использовании данного термина отождествляют его с интернет-пространством, и эта точка зрения в принципе является верной. Следует лишь уточнить, что киберпространство подразумевает сферу функционирования любых информационно-коммуникационных технологий,

¹² Ванло чжуцзоань: лилунь юй шицзянь (Киберсуверенитет: теория и практика) // World Internet Conference. October, 2019. URL: http://www.wicwuzhen.cn/web19/release/201910/t20191021_11229796.shtml (accessed: 12.11.2020). (На кит.).

к которым относится и Интернет, а значит, является более широким понятием. Во-вторых, в научной литературе весьма частое явление, когда понятие киберпространства подменяется на понятие виртуальной реальности. Разница состоит в том, что виртуальная реальность создает вокруг человека искусственную среду, в которой он способен через органы чувств познавать симулированные с помощью специальных технических устройств функции объектов реального мира, в то время как киберпространство не основано на базе чувственных симуляций [Holmes 2005].

Таким образом, можно предложить следующую трактовку: киберсуверенитет – это понятие, которое используется в области управления информационно-коммуникационными технологиями для характеристики стремления правительств осуществлять контроль над таковыми в пределах своих границ, включая политическую, экономическую, культурную, технологическую и иные виды деятельности.

Итоговый документ Всемирной интернет-конференции 2019 г. «Киберсуверенитет: теория и практика» в настоящее время является самым полным источником для изучения этой концепции. Данная Декларация была создана китайскими экспертами в области международных отношений и юриспруденции из Китайского института современных международных отношений, Шанхайской академии общественных наук, Уханьского университета под руководством Администрации киберпространства Китая. Структурно документ состоит из преамбулы и трех глав, которые соответственно посвящены характеристике сущности концепции киберсуверенитета, основополагающим принципам суверенитета в киберпространстве, практическим результатам реализации концепции киберсуверенитета. Был произведен количественный и качественный контент-анализ данного документа, основные выводы которого отражены ниже. Методика количественного анализа содержания текста позволила выявить набор ключевых слов (так называемое «облако тегов»), к которым авторы документа обращаются наиболее часто, стараясь заострить внимание читателей на значимости таковых при провозглашении концепции киберсуверенитета: государственный суверенитет, сообщество киберпространства с общей судьбой, верховенство права, равенство, справедливый [подход], открытость, невмешательство [во внутренние дела государства], самостоятельность, независимость.

Преамбула посвящена историческим предпосылкам распространения суверенитета в киберпространстве. Создатели документа, обосновывая необходимость введения в научный оборот нового термина и его активного вовлечения в область международных взаимоотношений, указывают на то, что это является необходимостью, диктуемой ускоряющимся процессом технологического развития¹³. На протяжении всей истории мировой цивилизации значение государственного суверенитета с течением времени неизбежно

¹³ Ванло чжуцюань: лилунь юй шицзянь (Киберсуверенитет: теория и практика) // World Internet Conference. October, 2019. URL: http://www.wicwuzhen.cn/web19/release/201910/t20191021_11229796.shtml (accessed: 12.11.2020). (На кит.).

менялось и обогащалось за счет новых областей. В информационную эпоху на первый план выходит новая область – киберпространство, которая все теснее интегрируется в физическое пространство человеческой деятельности. В связи с этим можно говорить о логичном расширении поля действия государственного суверенитета на данную сферу.

Методика количественного анализа содержания текста показывает, что создатели документа при изложении своих идей отталкиваются от принципа суверенного равенства, закрепленного в Уставе ООН¹⁴. Они считают, что распространение действия данного принципа на киберпространство не должно вызывать никаких сомнений со стороны мирового сообщества, так как он является основной нормой современных международных отношений. Эксперты также отмечают, что с практической точки зрения все государства автоматически распространили данный принцип на киберпространство, однако проблемой является отсутствие единого подхода к пониманию эффективной и правильной реализации данного принципа.

В связи с этим китайская сторона предлагает свою схему реализации концепции суверенитета в киберпространстве. Киберсуверенитет в данном документе определяется как распространение государственного суверенитета на киберпространство, а главными атрибутами концепции, исходя из проведенного качественного контент-анализа, являются верховенство и независимость государства в делах управления данной областью на своей территории.

Кроме того, методика качественного анализа содержания итогового документа конференции 2019 г. позволила выявить основные принципы, по которым должна осуществляться концепция киберсуверенитета:

- Принцип равенства поставлен в декларации на первое место не случайно. В соответствии с принципами ООН суверенные государства, независимо от размера, мощи, богатства, являются равными и имеют равные права на участие в международных вопросах, касающихся киберпространства, а также право на равное отношение к ним со стороны иных государств.
- Принцип справедливости предполагает содействие государствами выстраиванию справедливой системы управления Интернетом, которая отражала бы интересы большинства акторов, в частности по вопросу защиты законных прав развивающихся стран в области киберсуверенитета.
- Принцип сотрудничества строится на идее, что киберпространство является глобальным полем, принадлежащим всем государствам без исключения. В то же время отдельно взятой стране невозможно эффективно управлять своей частью киберпространства в одиночку. В связи с этим, в соответствии с положениями Устава ООН, государства

¹⁴ UN Charter. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (accessed: 20.11.2020).

должны стремиться придерживаться концепции консультаций по возникающим спорным вопросам.

- Принцип мира тесно переплетается с принципом сотрудничества и означает безоговорочное соблюдение положений Устава ООН, использование Интернета в мирных целях, разрешение потенциальных конфликтных ситуаций без применения насилия. Предполагается отказ от использования передовых информационно-коммуникационных технологий при проведении миротворческих операций с целью предупреждения возникновения гонки вооружений в киберпространстве и предотвращения развития кибертерроризма.
- Принцип верховенства права призывает государства постоянно совершенствовать свое внутреннее законодательство на предмет соответствия международным нормам, содействовать верховенству права в международном управлении киберпространством, выступать против применения системы двойных стандартов, отказаться от использования Сети для вмешательства во внутренние дела другого государства¹⁵.

В заключении Декларации ее создатели оценивают практическую выгоду от реализации концепции. Она может стать наглядным примером того, в каком ключе другим странам необходимо разрабатывать или совершенствовать свою нормативно-правовую базу, регулирующую отношения в киберпространстве. Предложение данной концепции прояснило права и интересы различных субъектов правоотношений и указало путь для осуществления совместного эффективного управления киберпространством без нарушения суверенного права государств. Проведенный количественный и качественный контент-анализ документа показал, что необходимым условием для построения сообщества общей судьбы в киберпространстве является безоговорочное соблюдение всеми государствами принципа уважения киберсуверенитета. При этом китайские эксперты подчеркивают, что реализация концепции киберсуверенитета не предполагает разделения киберпространства и глухого закрытия своего сектора от внешнего мира. Целью концепции является создание справедливого международного порядка в данной области, построенного на основе соблюдения и уважения государственного суверенитета и стремлении к созданию сообщества общей судьбы в киберпространстве¹⁶.

Заключение

Власти КНР вполне обоснованно считают, что концепция киберсуверенитета может быть применена в качестве международной нормы регулирования

¹⁵ Ванло чжунюань: лунь юй шицзянь (Киберсуверенитет: теория и практика) // World Internet Conference. October, 2019. URL: http://www.wicwuzhen.cn/web19/release/201910/t20191021_11229796.shtml (accessed: 12.11.2020). (На кит.).

¹⁶ Там же.

мирового киберпространства. Одной из основных трудностей является отсутствие единого понятия данного нового для науки термина.

Китайская концепция киберсуверенитета не предполагает разделение общего киберпространства на отдельные сегменты, а способствует созданию безопасного «киберсообщества с общей судьбой», в котором государства смогут осуществлять свои права по управлению Интернетом на принципах равенства, справедливости, сотрудничества, мира и верховенства права, без вмешательства извне.

Очевидным является тот факт, что КНР не откажется от идеи реализации концепции киберсуверенитета и будет искать сторонников, чтобы заручиться поддержкой на международной арене.

Поступила в редакцию / Received: 09.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список

- Евдокимов Е.В.* Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1. С. 74–83.
- Ибрагимова Г.* Стратегия КНР в области управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1. С. 169–184.
- Исаев А.С.* Российско-китайское взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. XXIII. С. 223–237.
- Суверенитет государства в международном праве / под ред. А.А. Моисеева. М.: Восток–Запад, 2009.
- Ayers C.E.* Rethinking Sovereignty in the Context of Cyberspace // *U.S. Army War College Journal*, 2016. 1. P. 13–44.
- Holmes D.* *Communication theory: media, technology, society*. N.Y.: SAGE Publications Ltd, 2005.
- Mckune S. & Ahmed S.* The Contestation and Shaping of Cyber Norms Through China's Internet Sovereignty Agenda // *International Journal of Communication*, 2018. 12. P. 35–55.
- Wang A.* Cyber Sovereignty at its Boldest: a Chinese Perspective // *The Ohio State Technology Law Journal*. 2020. 16 (2). P. 395–466.

References

- Ayers, C.E. (2016). Rethinking Sovereignty in the Context of Cyberspace. *U.S. Army War College Journal*, 1, 13–44.
- Evdokimov, E.V. (2011). China's policy in the global information space. *International processes*, 9(1), 74–83. (In Russian).
- Holmes, D. (2005). *Communication theory: media, technology, society*. New York: SAGE Publications Ltd.
- Ibragimova, G. (2013). The PRC strategy in the field of Internet governance and information security. *Security Index*, 19(1), 169–184. (In Russian).
- Isayev, A.S. (2018). Russian-Chinese interaction on information security. *China in world and regional politics. History and modernity*, XXIII, 223–237. (In Russian).
- Mckune, S. & Ahmed, S. (2018). The Contestation and Shaping of Cyber Norms Through China's Internet Sovereignty Agenda. *International Journal of Communication*, 12, 35–55.

Moiseev, A.A., editor. (2009). *State sovereignty in international law*. Moscow: Vostok–Zapad publ. (In Russian).

Wang, A. (2020). Cyber Sovereignty at its Boldest: a Chinese Perspective. *The Ohio State Technology Law Journal*, 16(2), 395–466.

Сведения об авторе:

Михалевич Екатерина Андреевна – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: ekaterina_mikhalevich@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-0703-4134).

About the author:

Ekaterina A. Mikhalevich – Postgraduate of the School of International Relations, Saint Petersburg State University (e-mail: ekaterina_mikhalevich@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-0703-4134).

МЯГКАЯ СИЛА И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

SOFT POWER AND PUBLIC DIPLOMACY IN EAST ASIA

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-265-278

Научная статья / Research article

Дипломатия знаний как инструмент внешней политики Республики Корея: теоретические аспекты и практическое применение на примере KOICA Scholarship Program

Э. Варпаховские

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена ограниченным пониманием механизмов публичной дипломатии, которые активизируются при проведении стипендиальных программ для иностранных студентов странами Восточной Азии, в частности Южной Кореей. Более того, актуальность темы также определена малой исследованностью роли знаний в механизмах публичной дипломатии. Автор данной статьи рассматривает южнокорейскую стипендиальную программу по обмену иностранными студентами – KOICA Scholarship Program. В данном кейсе анализируется содержание официальных документов, утвержденных Правительством Республики Корея (РК), документов и материалов, публикуемых подчиненными Правительству Кореи организациями, проводящими стипендиальные программы для иностранных студентов, а также научные работы по теме дипломатии знаний и смежным темам. Элементом новизны является то, что для анализа применяется набирающая популярность в мире концепция – дипломатия знаний, которая в русскоязычной научной сфере практически не использовалась. Также рассматриваются прежде малоисследованные образовательные инструменты публичной дипломатии как корейские стипендиальные программы. Анализ официальных документов РК показал, что концепция знаний в официальной корейской интерпретации отличается от существующих интерпретаций на Западе (Великобритания, США). Анализ стипендиальной программы показал, что она выполняет не все цели, возлагающиеся Правительством на дипломатию знаний. В частности, Корея успешно транслирует знания о корейской истории и культуре, а также профессиональные знания, в то время как сфера обмена знаниями в рамках данной программы остается неосвоенной. В конце статьи автор приводит ряд практических рекомендаций по улучшению эффективности стипендиальной программы как инструмента дипломатии знаний.

© Варпаховские Э., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: публичная дипломатия, дипломатия знаний, Южная Корея, иностранные студенты, KOICA, обмен студентами, мягкая сила, корееведение, обмен знаниями

Для цитирования: Варпаховскис Э. Дипломатия знаний как инструмент внешней политики Республики Корея: теоретические аспекты и практическое применение на примере KOICA Scholarship Program // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 265–278. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-265-278

Knowledge Diplomacy as an Instrument of South Korea's Foreign Policy: Theoretical Aspects and Practical Implementation in the Case of KOICA Scholarship Program

E. Varpahovskis

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of this study derives from the limited understanding of the mechanisms of public diplomacy that are activated when scholarship programs for international students are conducted by East Asian countries, particularly South Korea. Moreover, the relevance of the topic is also determined by the scarcity of research on the role of knowledge in public diplomacy mechanisms. The author of this article analyzes South Korea's international student exchange scholarship program, the KOICA Scholarship Program. This case study analyzes the contents of official documents adopted by the Government of the Republic of Korea, documents and materials published by subordinate organizations that administer scholarship programs for international students, as well as scholarly papers on the topic of knowledge diplomacy and related topics. The novelty element is that the concept of knowledge diplomacy, which is gaining popularity worldwide almost has not been used in the Russophone academia, and the studies on South Korean exchange programs as public diplomacy instruments are also poorly represented. The analysis of official documents has shown that the concept of knowledge in the official Korean interpretation differs from the existing academic interpretations accepted in the West (e.g., Great Britain, the United States). Also, the analysis of the scholarship program showed that it only partly complies with the knowledge diplomacy goals assigned by the Government. In particular, through this scholarship Korea successfully transmits knowledge about Korean history and culture, as well as professional knowledge, while the field of knowledge exchange in the program remains unattained. The author concludes with several practical recommendations on how to improve the effectiveness of the scholarship program as a tool for knowledge diplomacy.

Keywords: public diplomacy, knowledge diplomacy, South Korea, international students, KOICA, student exchange, soft power, Korean studies, knowledge sharing

For citation: Varpahovskis, E. (2021). Knowledge diplomacy as an instrument of South Korea's foreign policy: Theoretical aspects and practical implementation in the case of KOICA Scholarship Program. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 265–278. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-265-278

Введение

Южная Корея – один из самых активных субъектов в плане интернационализации высшего образования и привлечения иностранных студентов в Азии. Согласно плану правительства, количество иностранных студентов в

Корее к 2023 должно возрасти до 200,000¹. Правительство Кореи проводит ряд стипендиальных программ, которые в том числе должны выполнять такие функции в рамках публичной дипломатии, как, например, продвижение имиджа страны и помощи экономическому продвижению Кореи за рубежом, формируя из студентов прокорейски настроенных неофициальных «послов» [Byun, Kim 2011].

На сегодняшний день стипендиальные программы активно используются множеством стран по всему миру как инструменты публичной дипломатии. Наиболее исследованы с точки зрения публичной дипломатии стипендиальные программы, проводимые государствами Запада, в частности американская программа Фулбрайт [Bettie 2019; Snow 2008]. При этом многие исследователи соглашаются с тем, что изученность обмена иностранными студентами как внешнеполитического инструмента остается недостаточной [McConachie 2019; Snow 2008; Fominykh 2020; Mchedlova 2020], в том числе и мало разбирается роль знаний в данном контексте.

При этом отдельно следует отметить, что сама концепция дипломатии знаний (ДЗ) достаточно нова [Knight 2019] и ее практическое применение до сих пор остается малоизученным и редким, за редким исключением как в англоязычной академической сфере [Asada 2019], так и в корейязычной [Kim 2015] и русскоязычной [Antyukhova 2018]. Таким образом, данное исследование актуально не только в плане изучения внешней политики Кореи, но и понимания в целом механизмов публичной дипломатии, которые активизируются при проведении стипендиальных программ для иностранных студентов, а также для понимания роли знаний в данных механизмах.

На текущий момент существует ряд исследований, анализирующих эффективность Корейской Правительственной Стипендиальной Программы – Global Korea Scholarship (GKS) как средства публичной дипломатии Кореи. В частности, недавние исследования показали, что имидж страны, сформированный в результате прохождения стипендиальной программы в Корею страны, имеет статистически значимое влияние на поддержание персональных и профессиональных отношений между выпускниками программы и южнокорейцами [Varpahovskis, Ayhan 2020], а также на распространение позитивной и негативной информации о стране [Ayhan, Gouda 2021].

При этом до сих пор практически не исследован потенциал второй ключевой стипендиальной программы от Корейского Агентства Международной Кооперации (KOICA SP) в разрезе публичной дипломатии [Park 2020]. Более того, ни программа GKS, ни KOICA SP не рассматривались через призму концепции дипломатии знаний, несмотря на то, что данная концепция – является официальной для Корейского Правительства [MOFA 2019].

¹ Jung W.-G. South Korea – Future Hub of International Education? Center for Strategic and International Studies. September 30, 2020. URL: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/south-korea-%E2%80%93-future-hub-international-education> (accessed: 20.11.2020).

Данная работа состоит из семи ключевых частей: после введения описывается методология. В третьей части представлены теоретические аспекты концепции ДЗ. В четвертой части рассказывается о том, как сформулирована официальная интерпретация корейской ДЗ. В пятой части описываются проводимая Кореей стипендиальная программа KOICA SP. Далее анализируется применение ДЗ в рамках этой программы. В заключительной части приводятся рекомендации, направленные на улучшение эффективности стипендиальной программы как инструмента публичной дипломатии.

Методология

В данном исследовании анализируются содержание официальных документов, утвержденных Правительством Кореи, документов и материалов, публикуемых подчиненными Правительству Кореи организациями, проводящими стипендиальные программы для иностранных студентов, а также научные работы по теме ДЗ и смежным темам. Анализ данных материалов позволяет разобраться в концептуальных и практических особенностях трактовки и применения концепции ДЗ. Кроме этого, анализ KOICA SP через призму концепции ДЗ позволяет определить практические механизмы концепции, а также выделить аспекты, по которым стипендиальная программа, как инструмент ДЗ, может работать более эффективно.

Дипломатия знаний в теории

Дипломатия знаний – это новая концепция, которая, несмотря на отсутствие устоявшегося определения, уже более двадцати лет употребляется как учеными-специалистами, так и политиками [Ryan 1998]. На сегодняшний день есть несколько вариантов интерпретации термина «дипломатия знаний».

В книге 1998 г. М.П. Райан определяет ДЗ через политику государств, связанную с защитой и применением законов, защищающих интеллектуальную собственность, в частности Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, от англ. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights). При этом автором употребляется слово «дипломатия» в контексте политических маневров между государствами, которые пытаются продвинуть собственные интеллектуальные продукты, включающие как культурные, экономические и технологические инновации, так и продукты в сфере развлечений [Ryan 1998].

О. Огуннуби и Л.Б. Шава обращаются к концепции ДЗ, разбирая внешнеполитическую стратегию Южноафриканской Республики (ЮАР). Исследователи ассоциируют ее с южноафриканской практикой использования высшего образования в качестве инструмента мягкой силы, которая должна позволить ЮАР увеличить геополитическое влияние на региональном и международном уровнях [Ogunnubi, Shawa 2017].

Однако Дж. Найт [Knight 2019], которая является одним из главных теоретиков ДЗ, подчеркивает, что эта концепция должна рассматриваться

вне парадигмы мягкой силы, так как мягкая сила подразумевает приоритет национальных интересов государств над глобальными, общечеловеческими интересами². Таким образом, Найт скорее видит ДЗ в рамках концепции публичной дипломатии сотрудничества (*co-operative public diplomacy*), которая прежде обсуждалась М. Леонардом и коллегами [Leonard, Stead, Smewing 2002], а не через стремление одной страны доминировать над другой в области высшего образования и технологий. Кроме того, Дж. Найт не рассматривает ДЗ как инструмент мягкого ненасильственного принуждения.

Также Дж. Найт отмечает, что есть ряд различий между ДЗ и другими родственными концепциями. В частности, ДЗ отличается от культурной дипломатии (*cultural diplomacy*) тем, что включает в себя такие понятия, как исследования и инновации. ДЗ не синонимична и с научной дипломатией (*science diplomacy*), так как научная дипломатия фокусируется обычно на инновациях и исследованиях в технических и естественных специальностях, исключая социально-гуманитарные науки. По мнению Дж. Найт, дипломатия образования (*education diplomacy*) пересекается с ДЗ, но имеются различия в целях, мотивах и движущих силах между двумя этими направлениями. Так, дипломатия образования преследует цель человеческого развития, а ДЗ – разрешения социальных проблем, с которыми сталкиваются страны по всему миру [Knight 2019].

Один из ведущих южнокорейских экспертов в области публичной дипломатии Т.Х. Ким, руководствуясь более прагматичным подходом, улучшения эффективности южнокорейской публичной дипломатии, определил ДЗ как подкатегорию публичной дипломатии государства. Публичная дипломатия в качестве источников мягкой силы должна использовать государственную политику, институты, ценности, сформулированные и накопленные в процессе исторического развития страны. Эта информация и знания могут быть полезны и интересны странам, которые захотят перенять корейский опыт с целью развития страны [Kim 2012].

Таким образом, на данный момент не существует общепризнанного определения ДЗ. В данном исследовании автор суммирует существующие варианты определений, при этом не признает ни одну из существующих интерпретаций безоговорочно правильной. Разбирая практический кейс, автор придерживается мнения, озвученного Т.Х. Кимом, что ДЗ может осуществляться в рамках национальных интересов и может продвигаться государственными акторами [Kim 2012]. При этом автор соглашается с мнением Дж. Найт о том, что главной особенностью ДЗ, отличающей ее от других подвидов публичной дипломатии, является роль знаний [Knight 2019]. Отдельно необходимо подчеркнуть часто упускающийся из виду аспект трактовки о том, что сотрудничество между государственными и негосударственными субъектами должно

² Knight J. The limits of soft power in higher education. *University World News*. 2014. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129134636725> (accessed: 20.11.2020).

выстраиваться вокруг таких процессов, как обмен знаниями, трансфер знаний, получение знаний, формирование знаний. По мнению автора, акторы, участвующие в ДЗ, могут преследовать как национальные цели, так и частные, корпоративные и общечеловеческие. Цели могут переплетаться и не являются взаимоисключающими. При этом автор соглашается с Дж. Найт в том, что важным аспектом является то, что взаимодействие в рамках ДЗ должно происходить по взаимному согласию, а не по принуждению [Knight 2019].

Дипломатия знаний в корейской интерпретации

На сегодняшний день публичная дипломатия является одним из ключевых инструментов южнокорейской внешней политики. До 2016 г. Корея использовала публичную дипломатию, но она не была формально отрегулирована и определена. В 2016 г. Правительство Республики Корея приняло Акт об Общественной Дипломатии (Public Diplomacy Act), в рамках которого определяются дальнейшее развитие и функции публичной дипломатии как внешнеполитического инструмента Кореи. Публичная дипломатия в данном Акте определяется как «дипломатическая деятельность Государства или в сотрудничестве с местными органами власти или частным сектором, посредством которой Государство улучшает понимание и повышает доверие иностранных граждан к Республике Корея через культуру, знания, политику и т.д.»³.

Данный Акт важен также тем, что он определяет планирование и исполнение публичной дипломатии. В частности, Акт обязует исполнительные органы составить 5-летний генеральный план и проводить публичную дипломатию в рамках этого плана. Именно в этом плане говорится о ДЗ (кор. 지식공공외교/지식외교)⁴.

Векторы активности дипломатии знаний

Согласно генеральному плану публичной дипломатии Кореи ДЗ имеет пять основных векторов активности:

- 1) продвижение интерактивной и кооперативной ДЗ, используя корейские знания в науке, технологии, гуманитарных аспектах, истории, традициях и развитии;
- 2) создание глобального сообщества знаний (кор. 지식공동체) путем расширения и проведения мероприятий, направленных на обмен знаниями между корейцами и иностранцами;

³ The Government of the Republic of Korea. Public Diplomacy Act. 2016. Неофициальный перевод. На русский переведено автором статьи.

⁴ МИД Республики Корея. 2017–2021. Пятилетний генеральный план публичной дипломатии. URL: https://www.prism.go.kr//homepage/entire/retrieveEntireDetail.do?jsessionid=ED479863F208866962A662ACF0405E90.node02?cond_research_name=&cond_research_start_date=&cond_research_end_date=&research_id=1262000-201700009&pageIndex=295&leftMenuLevel=160 (дата обращения: 20.11.2020).

3) содействие в проведении корееведческих исследовательских проектов и содействие активному обмену знаниями, включая корейские гуманитарные науки, а также содействие созданию глобального сообщества знаний;

4) поддержка нового поколения экспертов в области изучения Кореи путем расширения стипендиальных программ, а также укрепления финансовой стабильности исследовательских проектов с использованием частной спонсорской помощи;

5) применение специализированного подхода к каждой стране и региону.

Также согласно этому документу ДЗ должна применяться к трем группам людей: 1) иностранным журналистам, преподавателям, ученым и другим лидерам мнений, 2) исследователям и студентам, заинтересованным в изучении Кореи, 3) иностранным гражданам, проживающим в Корее и за ее пределами. Политика в отношении данных групп должна позволить им корректно понять корейскую историю, культуру и ценности, содействовать обмену знаниями, воспитать новое поколение корееведов, вокруг которых будут формироваться дружественные Корею социальные и деловые сети.

Несмотря на то что авторы плана позиционируют ДЗ в рамках публичной дипломатии, в генеральном плане не дается само значение ДЗ. При этом, насколько мы видим из векторов активности, знания в данном плане используются как минимум в трех контекстах:

1) знания о Корее – в данном ключе государство озабочено тем, чтобы имидж Кореи, а также такие сопутствующие аспекты, как история, культура, традиции, ценности, передавались иностранной публике корректно. Государство хочет избежать формирования неправильного представления в глазах иностранной публики;

2) знания как актив – в данном случае знания и опыт в области технологий, экономического развития, гуманитарных наук и других сферах являются активами, которые Корея может использовать при взаимодействии со странами, которые заинтересованы в южнокорейском опыте и знаниях. Используя знания как актив, Корея может одновременно создавать и поддерживать собственный образ эксперта в той или иной области, что чрезвычайно важно при проведении нишевой дипломатии (*niche diplomacy*), а также может использовать собственные знания для помощи в развитии другим странам;

3) знания как сфера взаимодействия – в контексте обмена знаниями с другими странами Корея может выступать не как ментор или старший брат, а скорее, как партнер. Обмен знаниями и технологиями – это важный контекст для дипломатического взаимодействия со странами-лидерами в различных областях.

Стипендиальная программа Корейского агентства Международной Кооперации (KOICA Scholarship Program)

Одним из ключевых инструментов ДЗ являются программы по обмену студентами. На сегодняшний день Кореей проводится ряд программ, которые позволяют осуществлять дипломатию знаний на практике. Одной из ключевых программ является Стипендиальная программа Корейского

агентства Международной Кооперации (Korea International Cooperation Agency (KOICA)) – KOICA SP.

В рамках данной программы порядка 400 человек в год приезжают в Корею на соискание академических степеней магистра и доктора наук (Ph.D). Данная программа нацелена только на представителей стран – реципиентов помощи от Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). С момента основания в 1997 г. в рамках данной программы образование получили более 4000 студентов из более чем 80 стран.

Данная стипендиальная программа была запущена в канун перехода Кореи из ранга страны – реципиента ОЭСР в категорию стран-доноров (1996). Стремительное развитие Кореи за менее чем 50 лет, а также становление первой развивающейся страной, сменившей статус реципиента на статус донора в рамках ОЭСР, является одним из ключевых элементов корейского национального брендинга среди развивающихся стран. Правительство подчеркивает уникальный исторический опыт Кореи в развитии и отмечает, что Корея обладает уникальными знаниями, которые будет рада передать развивающимся странам.

Официально целью KOICA SP ставится воспитание ключевых лидеров из развивающихся стран, которые смогут внести вклад в социально-экономическое развитие у себя на родине. При этом для участия в программе заявка студента должна включать в себя рекомендацию от государственного органа собственной страны, а также студент должен иметь опыт работы минимум 2 года в области, в которой планирует получить академическую степень. Более того, стипендиат должен быть или работником государственного сектора, или работать в исследовательском институте у себя на родине. Разброс образовательных программ, которые могут изучать стипендиаты ограничен и включает в себя такие сферы, как экономика, образование, торговля, развитие сельских районов, государственное управление и др., но они должны быть направлены на социально-экономическое развитие⁵.

По условиям данной программы прибывающим иностранным студентам оплачиваются обучение, проживание, медицинская страховка, перелет, а также выплачивается ежемесячная стипендия. В рамках данной программы студенты получают базовые знания корейского языка во время прохождения основной программы. При этом программа преподается на английском языке. На сегодняшний день в данной программе участвует 21 специально отобранный университет, хотя год от года количество участвующих университетов может варьироваться [Park 2020].

KOICA SP через призму дипломатии знаний

Имидж страны, развитие и бизнес

Разбирая KOICA SP в контексте 5-летнего генерального плана публичной дипломатии, следует отметить, что программа направлена на представителей

⁵ KOICA Scholarship Program. Capacity Improvement and Advancement for Tomorrow. URL: www.koica.go.kr (accessed: 20.11.2020).

развивающихся стран и стран с транзитной экономикой⁶. KOICA SP – не допускает к участию представителей стран с развитой экономикой.

Такой подход соответствует цели создания глобального сообщества знаний, так как, получив высококлассное современное высшее образование в Корее, студенты включаются в мировое научное и профессиональное сообщества, которое преследует цели решения современных проблем развития государств.

Более того, такая сфокусированность на представителях развивающихся стран отвечает более глобальной цели Кореи заявить о себе как о лидере в плане развития. Помощь развивающимся странам является одним из каналов нишевой дипломатии, которая подразумевает закрепление за Кореей имиджа и статуса «государства средней силы» (*middle power*) [Ayhan 2019].

Одним из ключевых каналов в проведении дипломатии, направленным на развитие, является предоставление официальной помощи в целях развития (ОПР) (*Official development assistance (ODA)*). Оплачивая учебу и сопутствующие расходы, Корея безвозмездно предоставляет средства развивающимся странам. При этом следует отметить, что данные инвестиции выполняют как минимум три функции.

Во-первых, Корея стремится выполнить взятые на себя обязательства страны – донора ОЭСР по предоставлению 0,3% валового национального дохода (ВНД) в качестве помощи странам-реципиентам. Достичь уровня 0,25% ВНД к 2015 г. не удалось, но Корея обновила цель и обязалась достигнуть показателя 0,3% ВНД к 2030 г.⁷ Невыполнение данных целей может негативно сказаться на национальном имидже Кореи, а выполнение обещаний и активное содействие развивающимся странам, наоборот, может улучшить имидж страны и аффилированных со страной компаний в глазах местного населения [Varpahovskis 2020a]. Таким образом, южнокорейская политика по предоставлению ОПР является составным компонентом публичной дипломатии, которая имеет целью улучшение корейского имиджа за рубежом.

Во-вторых, предоставление ОПР через образовательные программы позволяет улучшить профессиональные и академические навыки представителей развивающихся стран. Впоследствии подразумевается, что данные знания и навыки будут применены на практике, например, на высокотехнологичном производстве в государственном и частном секторах, а также при проведении внутренней социально-экономической политики. Более того, через образование, оплачиваемое через ОПР, Корея воспитывает новых преподавателей и учителей, которые будут распространять полученные в Корее знания у себя

⁶ Классификация, определенная Организацией Объединенных Наций в докладе «World Economic Situation and Prospects». URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2020_Annex.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

⁷ OECD (2018), *Development Co-operation Report 2018: Joining Forces to Leave No One Behind*, OECD Publishing, Paris. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/dcr-2018-35-en.pdf?expires=1605855016&id=id&accname=guest&checksum=34075DAD058ED9B61C25C29AD593D096> (accessed: 20.11.2020).

на родине, работая в образовательных заведениях. Таким образом, Корея улучшает имидж страны в глазах международного сообщества и конкретных стран и вносит вклад в выполнение целей устойчивого развития, обозначенных Организацией Объединенных Наций⁸.

В-третьих, через ОПР Корея преследует национальные интересы в плане продвижения корейской экономики в мире. Так, через ОПР спонсируются и продвигаются инфраструктурные проекты, которые выполняются в том числе и южнокорейскими компаниями или индивидуально, или в рамках многонациональных консорциумов. Через ОПР, в частности через КОИСА, спонсируются и осуществляются проекты в областях государственного управления (цифровизация систем управления), в сферах здравоохранения, торговли, сельского хозяйства, энергетики и др. При этом значительное количество проектов осуществляется корейскими компаниями. При помощи образовательных программ Корея тренирует не только технический и руководящий персонал на предприятии, но и государственных служащих, которые, применяя свои знания, должны способствовать успешной реализации проектов во время работы в государственных органах, например соответствующих министерствах [Varpaховskis 2020a].

Представляя Корею правильно

Правительство Кореи в Акте о Публичной Дипломатии и 5-летнем генеральном плане неоднократно подчеркивает важность того, чтобы иностранная публика получала корректную информацию о Корее и чтобы формулировалось правильное впечатление о Корее. Озабоченность предоставлением информации для корректного понимания Кореи проистекает из того, что Корея сильно зависит от внешней торговли, поэтому позитивное представление и знания о Корее влияют на доверие и экономические взаимоотношения между странами.

КОИСА SP частично выполняет просветительскую функцию касательно информации о Корее. Помимо учебных дисциплин программа включает преподавание корейского языка и культуры. Таким образом, во время пребывания в Корее иностранные студенты познают южнокорейскую культуру, историю и ценности, а также при прохождении профессиональных учебных дисциплин студенты знакомятся именно с южнокорейским опытом развития, все больше становясь носителями уникальных знаний. При этом стоит упомянуть, что иностранные студенты во время пребывания в Корее могут транслировать данные знания на соотечественников и международную аудиторию, а также могут делиться впечатлениями о стране и собственном опыте [Ayhan, Gouda 2021].

Тем не менее, как показывают исследования, допущение, что пребывание в стране в качестве студента по обмену формирует более позитивное представление о стране, может не соответствовать действительности [Wilson

⁸ United Nations. The 17 Goals. URL: <https://sdgs.un.org/> (accessed: 20.11.2020).

2014]. Так, выпускники другой ключевой стипендиальной программы GKS отмечали, что пребывание в Корее не улучшало их впечатление и мнение о стране, а скорее усложняло их представление о стране, так как им открывались социокультурные особенности (например культура переработки, иерархичность) [Varpahovskis 2019]. К похожим выводам приходили и исследователи из России, которые анализировали представления о стране среди иностранных студентов [Kazarinova, Taisheva 2019].

Знания как сфера взаимодействия

Несмотря на то, что в 5-летнем плане ставится цель об обмене знаниями, KOICA SP не решает задачу обмена знаниями с иностранными студентами и государствами, – программа сконструирована так, что Корея делится своими знаниями, а иностранные студенты могут поделиться своими знаниями, опытом и культурой в ограниченном и несистематизированном формате. С одной стороны, данная задача может быть решена с помощью других образовательных программ, направленных на обмен знаниями с уже работающими учеными и академиками или за счет отправления южнокорейских граждан в ВУЗы стран-партнеров. С другой стороны, есть потенциал к тому, чтобы задача обмена знаниями решалась в рамках KOICA SP тоже.

Практические рекомендации по развитию программы

Анализ KOICA SP через призму концепции ДЗ позволяет отметить, что в целом она выполняет некоторые функции ДЗ в интерпретации представленной в генеральном плане публичной дипломатии, в частности, формирует у иностранных студентов более глубокое и корректное понимание южнокорейской культуры, истории, ценностей, а также создает новое поколение экспертов, разбирающихся в Корее и готовых содействовать южнокорейскому продвижению в мире.

Вместе с тем анализ также показывает, что есть неосуществленный потенциал, который позволил бы использовать знания, решая все три задачи. Иначе говоря, иностранные студенты могли бы стать источником знаний для Кореи, и таким образом происходил бы обмен знаниями, а не только одностороннее поглощение знаний иностранными студентами.

В частности, руководство KOICA SP может включить в качестве одного из компонентов программы семинары или набор лекций, которые бы читали студенты данных программ и рассказывали бы о своих странах и их особенностях представителям южнокорейской общественности, в том числе представителям корпораций, которые ведут экономическую деятельность за границей. На сегодняшний день такая активность осуществляется только частично, вне рамок стипендиальных программ⁹.

⁹ ESLROK. UNESCO Global Peace Village. URL: <https://www.eslrok.com/en/teach-in-korea/standard-single-jobs/ad/unesco-global-peace-village,8921>; ECDKED. Специальный онлайн-курс

Другая проблема, которая также выделяется создателями генерального плана, – это неопределенность в плане эффективности программ. Существует мнение о том, что студенческие обмены позитивно влияют на отношения между странами, но часто это всего лишь допущение, которое основано на уникальных случаях, при этом случаи неэффективности часто опускаются [Wilson 2014]. Еще одной проблемой замера эффективности обмена студентами является то, что организации, занимающиеся такими исследованиями, фокусируются на краткосрочных и легкоизмеряемых результатах, например, изучая, изменилось ли отношение студента по обмену к стране, в которой он пребывал [Banks 2011].

Призыв к более детальным и долгосрочным изучением эффективности программ усугубляется результатами недавних исследований, которые показали, что имидж страны, который выпускники GKS получили в результате пребывания в стране, имеет статистически значимое, но ограниченное влияние на их поведение в плане поддержания частных и профессиональных контактов с Южной Кореей [Varpachovskis, Ayhan 2020], а профессиональные навыки и знания, которые GKS студенты получили в Корее, очень часто не используются по завершении программы [Varpachovskis 2020b]. Исследований по эффективности KOICA как инструмента публичной дипломатии в общем доступе нет, несмотря на то, что данная программа выполняет функции как ДЗ, так и публичной дипломатии в целом.

Также данное исследование показало, что на сегодняшний день ДЗ – это развивающаяся концепция, и помимо того, что есть анализ различий с концепциями дипломатии образования, научной дипломатии и культурной дипломатии [Knight 2019], также существуют альтернативные интерпретации, как, например, в 5-летнем генеральном плане публичной дипломатии Кореи, которые используются на практике и, скорее всего, будут развиваться. Проведенный анализ также показал, что ДЗ на практике применяется в рамках национальных интересов государства, которые переплетаются с целями во благо человечества, а также личными и корпоративными целями. Таким образом, необходимо проводить дальнейшую работу по разработке данной концепции и определению ее границ по отношению к культурной дипломатии, дипломатии образования и научной дипломатии, а также области ее практического применения.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список / References

Антюхова Е.А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 4.

для южных корейцев о том, как вести бизнес в Узбекистане. URL: <https://www.eckedu.com/еск/?с=423/1213/1221&uid=979&cat=23> (дата обращения: 20.11.2020).

- C. 197–209 [Antyukhova, E.A. (2018). Education as a Soft Power in Modern Foreign and Russian Politological Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 23(4), 197–209. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.17. (In Russian)].
- Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности: монография / М.М. Мчедлова [и др.] ; отв. ред. М.М. Мчедлова. М.: РУДН, 2020. [Mchedlova, M.M. (Ed.) (2020). *Educational migration in contemporary world: Subjects, strategies, values*. Moscow: RUDN. (In Russian)].
- Asada, S.R. (2019). Study abroad and knowledge diplomacy: increasing awareness and connectivity to the host country, host region, and world. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 1–16.
- Ayhan, K.J. (2019). Rethinking Korea’s Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. *Korea Observer*, 50(1), 1–24.
- Ayhan, K.J., & Gouda, M. (2021). Determinants of Global Korea Scholarship students’ Word-of-Mouth about Korea. *Asia Pacific Education Review*, 1–15. DOI: 10.1007/s12564-020-09648-8
- Banks, R. (2011). *A Resource Guide to Public Diplomacy Evaluation*. CPD Perspectives on Public Diplomacy. USC.
- Bettie, M. (2019). Exchange diplomacy: theory, policy and practice in the Fulbright program. *Place Branding and Public Diplomacy*, 1–12.
- Byun, K., & Kim, M. (2011). Shifting patterns of the government’s policies for the internationalization of Korean higher education. *Journal of Studies in International Education*, 15(5), 467–486.
- Fominykh, A. (2020). Russian Public Diplomacy Through Higher Education. In *Russia’s Public Diplomacy* (pp. 119–132). Palgrave Macmillan, Cham.
- Kazarinova, D., & Taisheva, V. (2019). Perceptions of Russia in the Global World. *Russia in Global Affairs*, 17(4), 20–52. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-4-20-52
- Kim, T. (2012). Paradigm Shift in Diplomacy: A Conceptual Model for Korea’s “New Public Diplomacy”. *Korea Observer*, 43(4), 527–555.
- Kim, T. (2015). Knowledge Diplomacy and Think Tanks’ Role. *Sungkyun China Brief*, 3(3), 92–100.
- Knight, J. (2019). *Knowledge Diplomacy in Action*. British Council Discussion Paper.
- Leonard, M., Stead, C., & Smewing, C. (2002). *Public diplomacy*. Foreign Policy Centre, 2002.
- McConachie, B. (2019). Australia’s use of international education as public diplomacy in China: foreign policy or domestic agenda? *Australian Journal of International Affairs*, 73(2), 198–211.
- MOFA (2019). Diplomatic White Paper 2019. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea.
- Ogunnubi, O., & Shawa, L.B. (2017). Analysing South Africa’s Soft Power in Africa Through the Knowledge Diplomacy of Higher Education. *Journal of Higher Education in Africa/Revue de l’enseignement supérieur en Afrique*, 15(2), 81–108.
- Park, H. (2020). New Public Diplomacy as a Middle Power Diplomacy: The South Korean Case. International Interdisciplinary Conference “Korea and Russia: International Agenda”. October 19–20, 2020. Retrieved 1 December 2020 from <https://youtu.be/R1cn8IJTbdo>
- Ryan, M.P. (1998). *Knowledge diplomacy: Global competition and the politics of intellectual property*. Brookings Institution Press.
- Snow, N. (2008). International exchanges and the US image. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616(1), 198–222.
- Varpahovskis, E. (2019). *Construction and Influence of South Korea’s Country Image on Relationship Maintenance Behavior of KGSP alumni* (Ph.D. dissertation). Hankuk University of Foreign Studies.
- Varpahovskis, E. (2020a). Generating Soft Power Through Education: How South Korea approaches Central Asia with its Education Diplomacy. In: M.E. Erendor & M.F. Öztarsu. (Eds.), *Contemporary Issues of International Relations: The Problems of International Community* (pp. 377–415). Cambridge Scholars Publishing. 2020a.

- Varpahovskis, E. (2020b) Network-Building between Global Korea Scholarship (GKS) Recipients and Koreans: Obstacles and Potential. International Interdisciplinary Conference “Korea and Russia: International Agenda”. October 19–20, 2020. Retrieved December 01, 2020, from <https://youtu.be/R1cn8IJTbdo>
- Varpahovskis, E., & Ayhan, K.J. (2020). Impact of country image on relationship maintenance: a case study of Korean Government Scholarship Program alumni. *Place Branding and Public Diplomacy*, 1–13. DOI: 10.1057/s41254-020-00177-0
- Wilson, I. (2014). *International education programs and political influence: Manufacturing sympathy?* Springer

Сведения об авторе:

Эрик Варпаховскис – доктор политических наук Университета иностранных языков Ханкук (Южная Корея), научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: evarpahovskis@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6740-6377).

About the author:

Eriks Varpahovskis – Ph.D. in Political Science from the Hankuk University of Foreign Studies (South Korea), postdoctoral fellow at the School of International Regional Studies at the National Research University Higher School of Economics (e-mail: evarpahovskis@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6740-6377).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-279-286

Research article / Научная статья

The Key Components of South Korea's Soft Power: Challenges and Trends

A.E. Matosian

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. To this day political processes are less and less impacted by military force. States are increasingly resorting to the use of means of latent influence or relying on cultural attraction. Such phenomena have led to the emergence of soft power in international relations. Many countries, including the Republic of Korea, effectively use soft power tools in implementing policies at various levels. This manuscript seeks to analyze the main soft power components and tools of the Republic of Korea in foreign policy. The paper examines the background of the formation and development of soft power strategies. Many factors have predetermined the growing popularity of Korean culture, a phenomenon subsequently called the Korean Wave (Hallyu). This paper identifies the main elements of the Hallyu, including public diplomacy and South Korea's cultural economy exporting pop culture, entertainment, music, TV dramas, and movies, and examines how these elements complement each other.

Keywords: Republic of Korea, soft power, middle power, Hallyu, Korean Wave, public diplomacy, culture, identity

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant No. 20-511-05025 «The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)».

For citation: Matosian, A.E. (2021). The key components of South Korea's soft power: Challenges and trends. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 279–286. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-279-286

Ключевые компоненты мягкой силы Республики Корея: современные вызовы и тенденции

А.Э. Матосян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в международных отношениях отмечается тенденция к сокращению влияния и использования военных средств и военной силы. Для достижения

© Matosian A.E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

своих внешнеполитических целей государства в большей степени опираются на применение средств латентного влияния и отдают предпочтение развитию своей культурной привлекательности на глобальном уровне. Это обусловило появление такого феномена, как мягкая сила в международных отношениях. Многие страны, включая Республику Корея, эффективно распоряжаются инструментами мягкой силы при разработке своих стратегий и проведении политики на различных уровнях. В статье предпринята попытка проанализировать основные компоненты и инструменты мягкой силы во внешнеполитическом дискурсе Республики Корея. Особое внимание уделяется рассмотрению предпосылок формирования и разработкам стратегий в рамках концепции корейской мягкой силы. Кроме того, исследуются различные факторы, которые предопределили рост популярности корейской культуры, впоследствии получившей название «Корейская волна» (Халлю). Определены основные элементы Халлю, включая публичную дипломатию и культурную экономику Южной Кореи, экспортирующую поп-культуру, развлечения, музыку, телесериалы и фильмы, а также анализируется взаимосвязь и взаимодополняемость данных элементов.

Ключевые слова: Республика Корея, мягкая сила, средняя держава, Халлю, Корейская волна, публичная дипломатия, культура, идентичность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-05025 «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

Для цитирования: *Matosian A.E.* The key components of South Korea's soft power: Challenges and trends // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 279–286. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-279-286

Introduction

After the Cold War, most states focused on mobilizing various resources and tools in the context of increasing economic, intellectual, and political influence at the national, regional, and international levels. By setting behavioral, juridical, or ethical standards, states manage to achieve their foreign policy goals, strengthen their positions and form a positive image of the country in the eyes of the global community, while avoiding the use of military force. The influence on the political sphere of society through culture, language, sports, education, scientific and technological development predetermined the emergence of a new concept of soft power.

Soft power, a concept developed by Joseph Nye in the 1990s [Nye 1990], has become very popular in recent decades. Soft power works at any level, so it can be defined as a set of tools that a state is using to create a sound reputation and a strong national image. Ultimately, an effective soft power strategy, on the one hand, “helps to attract investment, talent, consumers, and tourists,” and on the other, it “enhances the country’s cultural and political influence” both on a regional scale and internationally¹. The allure of the possible payoffs inspires all states to sell themselves to the world, using popular culture, public diplomacy, sport and cuisine, education, science and technology, and even migration.

¹ Anholt S. Nation Branding Border Talk Archive. Retrieved December 30, 2020, from http://archive.pov.org/borders/2006/talk/simon_anholt/000163.html

Soft power strategies are particularly important for middle powers, lacking material, and force-based persuasive capabilities. Soft power allows middle powers not only to improve their international standing but also to monetize their “likability.” Consequently, soft power boosts both political and economic capital [Kim 2015]. In this regard, South Korea presents an interesting case study as an example of successful national rebranding and as a major exporter of culture in the 2010s. The Republic of Korea’s soft power is on the rise. According to the most recent “Soft Power 30” Index report, South Korea was ranked nineteen (best overall score since 2015)². Its traditions, distinctive cultural features, scientific and technological achievements, and democratic values attract other societies and states to establish closer ties with such an attractive middle power [Sohn 2011].

The Republic of Korea as a middle power

In the historical context, several factors have influenced the Republic of Korea’s emergence as a middle power. Firstly, the interests of Russia, China, Japan, and the United States collided on the Korean peninsula, creating a rather unique geopolitical environment for South Korea [Kwon 2004]. Secondly, the Korean War and the colonial period severely affected all areas of social life. In the mid-1950s, the Republic of Korea was a poor country, with weak infrastructure and low standards of living. To enter the international arena and to influence political processes, the Korean government focused on rapid economic recovery. The driving force of economic development during this period was the emergence of large financial-industrial groups (the famous *chaebols*), within the framework of state industrialization programs [Kim 2018].

Although Korea’s economy was indeed growing dynamically, its authoritarian government still prevented it from becoming a player of consequence on the international stage. There were signs of the regime softening by the late 1970s and, towards the mid-1980s, the Republic of Korea was actively developing democratic institutions and also began to build up its soft influence capabilities as a major instrument of a middle power [Lee 2016].

A combination of many factors, mainly successful industrialization, subsequent economic development, and democratic transition in the late 1980s and the early 1990s provided the basis for the formation of a public diplomacy strategy, which in the mid-2000s subsequently became the main tool of South Korea’s foreign policy. As a middle power with rising China and reviving Japan as neighbors and turbulent relations with the North, South Korean leaders do not take international public opinion for granted and backed up proactive trade policy by a soft power agenda [Shin 2016]. In the 2010s, South Korea recognizes soft power as one of the key competitive assets, and enthusiastically uses public diplomacy in its international dealings. In sum, public diplomacy is one of South Korea’s three diplomatic pillars, along with political and economic affairs [Choi 2019].

² Soft Power 30 Index. Retrieved January 14, 2021, from <https://softpower30.com>

The Ministry of Foreign Affairs officially defines public diplomacy as follows: “diplomatic activities through which the state improves the perception and confidence of foreign citizens in the Republic of Korea, directly and in cooperation with local governments or the private sector, through culture, knowledge, public policy, etc.” Besides, South Korean public diplomacy recognizes and pursues five specific goals: sharing Korean culture, deepening understanding of the Republic of Korea, gaining global support for South Korean policies, strengthening public diplomacy capacity, and promoting public-private partnerships³.

The positioning of public diplomacy as a pillar of South Korea’s foreign policy has been developed and strengthened in recent decades, largely through measures taken by the current government to engage both public and private actors in the diversification and institutionalization of the Republic of Korea public diplomacy. Building and implementing public diplomacy allows for the effective capitalization of the country’s cultural resources [Cho 2012].

Over the past few years, the Republic of Korea has made great efforts to build partnerships and enhance cooperation in all areas. To this end, public diplomacy has been adopted as an important asset to enhance Korea’s national image and elevate it to a leading position in the world. These measures are political and have become a kind of “self-promoting” but on a more general level, Korea is increasingly focused on winning the hearts of its citizens and the international community through the active presenting of its cultural products [Perschina 2017]. The growing popularity of Korean culture, cuisine, language, and education has come to be known as Hallyu, or the Korean wave [Huang 2009].

The Hallyu phenomenon: K-pop, k-dramas, education, and tourism

The Hallyu phenomenon developed from the 1990s onwards, thanks to the collaboration of both public and private actors in South Korea, and has become more evident over the last decade through the transmission of South Korean cinema and television productions, as well as the vigorous expansion of its music industry to different audiences and cultures, generating as a reaction a growing curiosity and interest on the part of foreign consumers [Jang, Paik 2012]. K-pop is one of the important elements of the Korean wave. Korean music groups and singers are known around the world for their exceptional choreography, vibrant shows, and high competition among the artists themselves. Worth mentioning here is the immense popularity of the Korean band BTS, which is a great example of the spread of Korean soft power in recent years⁴. In recognition of their status as influencers, in 2018 BTS were invited to the UN headquarters in New York to perform as part of UNICEF’s global partnership program. The band members outlined critical

³ Korea’s Key Diplomatic Tasks. Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea. 2018. Retrieved December 18, 2020, from <https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20190704052659196.pdf&rs=/viewer/result/202012>

⁴ BTS to receive government honor for spreading ‘Hallyu’. Retrieve December 20, 2020, from <http://english.yonhapnews.co.kr/news/2018/10/09/0200000000AEN20181009001300315.html>

issues of racism, gender, and social inequality in their speech⁵. In 2019, South Korean President Moon Jae-in praised the success of the BTS in spreading Korean culture around the world⁶. In this way, K-pop with all the elements it involves is an excellent sample of South Korea's contemporary popular culture, featured by modernity without the loss of its traditional values, as well as South Korea's current state of development and especially its urban lifestyle [Kang 2015].

Though the Hallyu is frequently associated with K-pop the wide expansion of Korean culture on a regional and later on an international level was facilitated by the Korean TV series (popularly known as “K-dramas”). The most recurrent themes in K-dramas are family relations including not only two but three generations as part of the family, romantic love, a theme not only present but central to the great majority of productions, and working life, with all that it brings: personal growth, economic and family development, conflicts and work stress, etc. K-dramas also show the traditional or contemporary lifestyle depending on the time of the novel's setting. This includes elements of everyday life such as food, architecture, language both Korean and body expressions, social relations at family, friends, work and even political levels, traditional and religious customs, as well as various forms of local entertainment. Because of its widespread popularity, the Korean television series have made it possible to learn more about other cultural elements of the country.

They even present the second most successful cultural product of Hallyu, K-pop. Albeit this product was positioned on its merit, K-dramas include a set of songs that are part of the soundtrack. In this way, a consumer who has enjoyed a K-drama can be introduced to a new K-pop artist by hearing their songs as part of the soundtrack of the soap opera.

The popularity of Korean TV series and music draws us to other sociocultural components. Many Korean TV shows or dramas present the educational processes of schools and universities in the Republic of Korea, consequently making it very attractive to attend some of the Korean higher education institutions or learn the Korean language. The Academy of Korean Studies offers students from all over the world the opportunity to take a fully paid internship⁷. The same programs are provided by Seoul National University, Ehwa Woman's University, Kyung Hee University, etc. These types of cultural exchanges demonstrate the enormous potential of Korean soft power. In the long run, there is every reason to believe that the intellectual resources accumulated by Korean educational programs will contribute to the development of creative and promising youth. This, in turn, has a direct impact on the further strengthening of the economy and the development of

⁵ Remarks by BTS' Kim Nam Joon at the launch of Generation Unlimited, at the UN General Assembly. Retrieved December 21, 2020, from <https://www.unicef.org/press-releases/we-have-learned-love-ourselves-so-now-i-urge-you-speak-yourself>

⁶ South Korean President Moon Jae In Mentions BTS in New Year Speech. Retrieved December 20, 2020, from <https://www.soompi.com/article/1290401wpp/south-korean-president-moon-jae-mentions-bts-new-year-speech>

⁷ 한국학중앙연구원 (The Academy of Korean studies). Retrieved December 18, 2020, from <https://www.aks.ac.kr/index.do>

new technologies. Nowadays, along with the education at the Republic of Korea's universities, learning the Korean language is becoming more and more prestigious and in demand. In many countries, there are Korean cultural centers where you can study Korean for free⁸. Moreover, several universities, such as in Russia, are offering the option to study Korean as a foreign language. These measures attract more and more people to get involved in learning the Korean language and then discovering Korean culture in general.

The next notable aspect of the cultural expansion of the Republic of Korea is tourism. The Republic of Korea's tourism sector thrives on relatively easy visa support and even visa-free regimes with some countries, a mild climate but, most importantly, an attractive image of a mysterious and highly developed country of the East where technology and traditions act together⁹. The Ministry of Foreign Affairs and Trade deals with tourism and visas in the Republic of Korea, and this is supported by various state-accredited media like Your Korea and Korea.net. There is no doubt that the music industry and k-dramas have also played an important part here, attracting a great number of fans of Korean culture to visit the Republic of Korea. Thus, it can be assumed that almost all the components of Korean soft power are interconnected.

Finally, the successful experience of South Korea in fighting against COVID-19 has become a kind of instrument of soft influence these days. Being close to the outbreak of the virus, the Republic of Korea effectively controls its spread throughout the country. According to the latest data, the number of infected in the country did not exceed eighty thousand¹⁰. This became possible due to the government measures as well as the responsible approach on the part of the citizens. In the process of considering strategies to combat the spread of COVID-19, many countries turn their attention to the methods of the Republic of Korea. All kinds of assistance during the period of self-isolation to foreign visitors deserved the praise of the global community, which, in turn, became one of the aspects of the positive image of South Korea abroad in such a difficult time for the world¹¹. Moreover, as some observers point out, South Korea's soft power could help it to "carve out the kind of diplomatic and multilateral spaces that are likely to become increasingly prominent in the post-pandemic world to come"¹².

⁸ Government to open 16 more King Sejong Institutes centers abroad. Retrieved December 18, 2020, from <http://english.yonhapnews.co.kr/news/2018/05/23/0200000000AEN20180523002800315.html>

⁹ OECD Tourism Trends and Policies. Retrieved December 16, 2020, from <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/6e8b663c-en/index.html?itemId=/content/component/6e8b663c-en>

¹⁰ Worldometer's COVID-19 data. Retrieved December 22, 2020, from <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/south-korea/>

¹¹ Lee, Y.I. South Korea's Corona-Diplomacy in the Soft Power Race. Retrieved December 15, 2020, from https://www.korea-chair.eu/wp-content/uploads/2020/05/KFVUB_Policy-Brief-2020-06.pdf?utm_source=KF-VUB+Korea+Chair&utm_campaign=6193180aa9-EMAIL_CAMPAIGN_2018_01_18_COPY_02&utm_medium=email&utm_term=0_49c5561596-6193180aa9-292569009

¹² Lee, C.M. "Can Soft Power Enable South Korea to Overcome Geopolitics?" Retrieved December 15, 2020, from <https://carnegieendowment.org/2020/12/15/can-soft-power-enable-south-korea-to-overcome-geopolitics-pub-83407>

Conclusion

As Former UN secretary-general Ban Ki-moon points out, “in today’s era of increasing nationalism, uncertainty, and transnational challenges, [...] soft power is now more important than ever”¹³. Soft power is particularly necessary for middle powers because it can help them to compensate for a lack of material and force-based persuasive capabilities. And South Korea is a case in point. In the early 1970s, when South Korea’s economic boom was about to begin, it was impossible to imagine the place that this country would occupy on the world stage today. Soft power will never replace hard power. However, as South Korea’s case demonstrates, when used wisely, soft power can provide a state with advantages that some of its much more powerful neighbors will lack.

In the second half of the 20th century, the Republic of Korea has transitioned from a poor agricultural country into a developed country. Today, it is the world’s seventh-largest exporter and the 11th-largest economy overall. The rapid pace of economic development became the basis for South Korea’s soft. The Korean government caught momentum in the mid-2000s and mobilized its culture to win over the international community. The phenomenon of the growing popularity of Korean pop music, language, TV series, and cuisine came to be referred to as the Hallyu, or the Korean wave [Lee 2009].

The Hallyu contributed to the growth of Korea’s soft power by strengthening the influence of its main pillar, Korean popular culture. The Hallyu phenomenon had a significant impact on the economy, positively affecting the demand for beauty and electronic products as well as increasing revenues of the entertainment and tourism industries. Using popular culture to boost its soft power, South Korea gains more international weight without large financial costs of hard power projects. In turn, successful economic development becomes yet another function of strengthening South Korea’s status in the international arena.

The success of South Korea’s soft power strategy has socio-cultural implications as well, especially for the Asian region. Above all, it has allowed the Republic of Korea to change its role from the recipient to transmitter of popular culture in Asia. It has also fostered a modern cultural identity in Asia and created a transnational Asian culture characterized by cultural hybridity, particularly for the younger generation. At the same time, the Hallyu as a cultural phenomenon has reduced the geographical, social, and psychological distance between Asian youth, despite the recent revival of nationalism in China, Japan, and other Asian countries. Finally, the Hallyu has political implications both inside and outside the Republic of Korea [Smolina 2016]. On the domestic level, it boosts national spirit and pride, mainly through the success of Korean cultural products abroad. On the international level, it creates a positive image for the country, building a welcoming attitude toward it and its culture among foreign audiences, reducing hostility and social

¹³ Chairman Ban Ki-moon at the Global Soft Power Summit 2020. Retrieved January 14, 2021, from <http://eng.bf4bf.or.kr/2020-02-25-chairman-ban-ki-moon-at-the-gobal-soft-power-summit-2020/>

friction with China and Japan at the grassroots level, and improving the connections between Korean communities around the world.

Received / Поступила в редакцию: 12.01.2021

Accepted / Принята к публикации: 12.02.2021

References

- Cho, Y. (2012). Public diplomacy and South Korea's strategies. *The Korean Journal of International Studies*, 10(2), 283–285.
- Choi, K.-J. (2019). The Republic of Korea's public diplomacy strategy: History and current status. In *CPD Perspectives* (pp. 6–13). Los Angeles: Figueroa Press.
- Huang, X. (2009). Korean wave, the popular culture, comes as both cultural and economic imperialism in the East Asia. *Asian Social Science*, 5(8), 125–127.
- Jang, G., & Paik, W.K. (2012) Korean wave as tool for Korea's new cultural diplomacy. *Applied Sociology*, 2(3), 196–202.
- Kang, H. (2015). Contemporary cultural diplomacy in South Korea: Explicit and implicit approaches. *International Journal of Cultural Policy*, 21(4), 433–447.
- Kim, H.J. (2018). Multi-Stakeholders in public and cultural diplomacies as seen through the lens of public-private partnerships: A comparative case study of Germany and South Korea. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 17(1), 68–93. DOI: 10.17477/JCEA.2018.17.1.068
- Kim, W. (2015). Rising China, pivotal Middle Power South Korea, and alliance transition theory. *International Area Studies Review*, 18(3), 251–265. DOI: 10.1177/2233865915595531
- Kwon, K. (2004). Regionalism in South Korea: Its origins and role in her democratization. *Politics Society* 32(4), 545–574.
- Lee, G. (2009). A theory of soft power and Korea's soft power strategy. *Korean Journal of Defense Analysis*, 21(2), 205–218. DOI: 10.1080/10163270902913962
- Lee, S.J. (2016). South Korea aiming to be an innovative Middle Power. In S.J. Lee (Ed.), *Transforming Global Governance with Middle Power Diplomacy* (pp. 1–15). New York: Palgrave Macmillan
- Nye, J. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.
- Shin, S.O. (2016). South Korea's elusive Middlepowermanship: Regional or global player? *Pacific Review*, 29(2), 187–209.
- Sohn, Y. (2011). Attracting neighbors: Soft power competition in East Asia. *The Korean Journal of Policy Studies*, 26(1), 90–95.
- Pershina, M.P. (2017). "Soft power" in the foreign policy of the Republic of Korea and the PRC. *Ethnic society and interethnic culture*, 2(104), 109–118.

About the author:

Agapi E. Matosian – Master Student of Political Science, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 1032192458@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-7390-4268).

Сведения об авторе:

Матосян Агати Эльмаровна – магистр политологии кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032192458@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-7390-4268).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-287-304

Научная статья / Research article

Образы Южной Кореи и России во взаимных представлениях студенческой молодежи двух стран

А.А. Сорокина, А.М. Катрич, А.Н. Шилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье реконструируются и интерпретируются представления современной южнокорейской молодежи о России и российской – о Южной Кореи. Исследование проведено на основе анализа 100 глубинных интервью с российскими и южнокорейскими студентами (по 50 в каждой группе), специализирующимися на изучении российско-корейских отношений, межкультурных коммуникациях, языке изучаемой страны. Для южнокорейских студентов главными ассоциациями с Россией стали природно-географические факторы, историко-культурные ассоциации и образ граждан страны. Для российских студентов главными характеристиками Республики Корея стали экономическая система, образ граждан страны и историко-культурные особенности. В целом взаимные образы друг о друге содержат множество стереотипов, которые характерны для обыденного восприятия. Подобное стереотипное мышление и недостаток знаний о современных социально-экономических реалиях у будущих специалистов по российско-корейским отношениям является серьезным барьером, понижающим эффективность дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: политические представления, южнокорейские студенты, российские студенты, образ страны

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Сорокина А.А., Катрич А.М., Шилина А.Н. Образы Южной Кореи и России во взаимных представлениях студенческой молодежи двух стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 287–304. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-287-304

Images of South Korea and Russia in the Mutual Representations of the Student Youth of Both Countries

A.A. Sorokina, A.M. Katrich, A.N. Shilina

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The perspectives of modern South Korean youth on Russia and perspectives of Russian youth on South Korea respectively are reconstructed and interpreted in this article. The

© Сорокина А.А., Катрич А.М., Шилина А.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

research was conducted on the basis of analysis of 100 in-depth interviews with Russian and South Korean student youth (50 students in each group), specializing in Russian-Korean relations, intercultural communications and language of the country studied. Natural and geographic factors, historical and cultural associations, the image of the country's citizens are found to be the main South Korean students' perspectives on Russia. Economic system, the image of the country's citizens, historical and cultural features of the country represent the main Russian students' perspectives on South Korea. In general, mutual images of each country contain many stereotypes which are mediocre for common perception. Such stereotypical thinking and the lack of knowledge about modern socio-economic realities among future specialists in Russian-Korean relations may be a serious obstacle that places under risk effectiveness of further cooperation between the two sides.

Keywords: political views, South Korean students, Russian students, country image

Acknowledgements: This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Sorokina, A.A., Katrich, A.M., & Shilina, A.N. (2021). Images of South Korea and Russia in the mutual representations of the student youth of both countries. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 287–304. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-287-304

Введение

В последние несколько лет Россия стремительно развивает свои контакты на Дальнем Востоке. Одно из направлений развития сотрудничества – выстраивание активного диалога на высшем уровне с Республикой Корея. К 2020 году были отменены визовые требования¹, подписан ряд документов, укрепляющих сотрудничество двух стран², а между лидерами государств и их представителями состоялось несколько встреч на высшем уровне³, основным достижением которых стало сближение внешнеполитических позиций. Соглашения и меморандумы, подписанные за последние годы, характеризуют взаимоотношения между странами как партнерские, а в планах на будущее отсутствует стратегическая конкуренция, о чем говорят долгосрочные проекты, например реализация концепции «Девяти мостов» (девять сфер сотрудничества).

¹ Консульский Департамент МИД России/ Двусторонние отношения/ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о взаимной отмене визовых требований. URL: https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Соглашение%20с%20Республикой%20Корея%20о%20взаимной%20отмене%20визовых%20требований%2013.11.2013.aspx (дата обращения: 23.04.19).

² Президент России/ События/ Документы, подписанные в рамках визита Президента Республики Кореи Мун Чжэ Ина в Российскую Федерацию и участия в работе Восточного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5229> (дата обращения: 23.04.19); Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока/ Пресс-служба/ Новости и события/ Юрий Трутнев: Республика Корея – важный торгово-экономический партнер России. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/28554/> (дата обращения: 31.03.21).

³ Президент России/ События/ Российско-корейские переговоры. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57835> (дата обращения: 23.04.19); Министерство иностранных дел Российской Федерации/ Республика Корея/ О рабочем визите Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Республику Корея. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/4649448 (дата обращения: 31.03.21).

Однако одним из главных факторов сближения стран являются не только формальные соглашения на высшем уровне, но и формирование взаимных позитивных образов в массовом сознании. Во многом дальнейшее развитие международных отношений зависит от того, как граждане разных стран воспринимают друг друга. По результатам межстрановых исследований Республика Корея представляется россиянам как важный стратегический партнер. При этом большинство россиян (57%) и корейцев (67%) оптимистично настроены в отношении дальнейшего развития сотрудничества между странами. Тем не менее образы Южной Кореи и России в представлениях жителей двух стран размыты: отсутствуют четкие ассоциации и представления друг о друге [Баскакова, Чой 2018].

Тема «образа другого» междисциплинарна и хорошо изучена исследователями, работающими в самых разных отраслях наук – социологии, политологии и культурологии [Sharahili 2015; Kulik, Perera, Cregan 2016; Lu, Cai, Zheng, Hu, Song 2018; Kuntjara, Hoon 2020; Bellovary, Armenta, Reyna 2020; Oladosu 2021].

В политологии «образ другого» фигурирует в работах, посвященных вопросам национальной идентичности: реконструкция самосознания японцев через противопоставление Японии и России [Bukh 2010], формирование национального самосознания гонконгцев на основе дихотомии Гонконг–Китай [Kit 2014], роль этнической самоидентификации в поведении по отношению к «другому» [Charnysh, Lucas, Singh 2015; Lindstam, Mader, Schoen 2021] и т. д.

«Образ другого» фигурирует и в работах российских исследователей. Чаще всего анализируются западные страны [Конохова 2015; Селезнева, Смутькина 2018; Дмитриева 2019; Мирошниченко 2018; Fedorov 2018; Филимонов 2019]. В работах делается вывод о том, что образ «другого» в том числе помогает сконструировать собственную идентичность.

Реже центральной темой трудов российских авторов становятся образы стран Азии. Если исследования и проводятся, то в основном они посвящены образу Китая [Илюхина 2015; Мадиев 2019; Смутькина 2020]. Много работ написано об образе России как «другого» государства в представлениях китайцев [Якушенкова 2018; Тен 2012]. При этом важно понимать, что Россия на протяжении долгих лет активно развивала международное сотрудничество в азиатском направлении, и ее контакты не ограничивались взаимодействием с КНР. Одним из стратегически важных партнеров в регионе является Республика Корея.

Большинство исследований, касающихся развития отношений между Россией и Южной Кореей, посвящены именно экономическим отношениям и сотрудничеству, стратегическому партнерству в отношении внешней политики [Korolev 2016; Rinna 2018; Lee, Cho 2018]. Существуют немногочисленные работы, посвященные восприятию Южной Кореи в глазах россиян [Choi, Tkachenko, Sil 2011].

Современных работ, где бы одновременно изучался образ Южной Кореи в представлениях россиян и России в представлениях корейцев, встречается

крайне мало. В частности, практически нет и исследований, где изучалось бы мнение корейской и российской молодежи друг о друге. В то же время дальнейшее развитие отношений между двумя странами зависит от ценностей и представлений представителей молодого поколения этих стран. В данной статье реконструируются и интерпретируются представления современной корейской молодежи о России и российской – о Южной Корее.

Описание исследования

Эмпирическая база исследования была собрана в рамках проекта Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ «Прошлое, настоящее и будущее России в оценках корейской молодежи» (2017–2018 гг.). Изучение представлений корейских студентов было продолжено в процессе реализации отдельных проектов: «Образ других стран в представлениях российских студентов» (2018–2019 гг.) и «Политические представления корейской молодежи», который завершился летом 2020 года. В ходе исследований было проведено 100 глубинных интервью с российскими и корейскими студентами (по 50 в каждой группе).

Мы ставили перед собой цель опросить именно тех студентов, кто в дальнейшем заинтересован в выстраивании своей карьеры в области развития корейско-российских отношений.

В качестве респондентов были выбраны корейские студенты МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН и НИУ ВШЭ, приехавшие учиться в Россию по обмену.

В качестве российских респондентов были выбраны студенты первого курса образовательной программы «Востоковедение» НИУ ВШЭ.

Средняя продолжительность интервью составила 40–50 минут. С корейскими студентами интервью проводилось на корейском языке. В качестве интервьюеров выступали студенты НИУ ВШЭ, обучающиеся на корейском направлении образовательной программы «Востоковедение».

В дальнейшем транскрипты интервью были закодированы с помощью качественного контент-анализа. В процессе кодирования были выделены следующие компоненты, составляющие образ страны: природно-географические факторы, историко-культурные ассоциации, образ граждан страны, политическая и экономическая система. Отдельно мы также рассмотрели представления о международной политике и будущем российско-корейских международных отношений.

Для южнокорейских студентов главными ассоциациями с Россией стали **природно-географические факторы, историко-культурные ассоциации и образ граждан страны.**

Для российских студентов главными характеристиками Республики Корея стали **экономическая система, образ граждан страны и историко-культурные особенности.**

Компоненты образов России и Южной Кореи /
Image components of Russia and South Korea

Компоненты образа / Image components	Образ России у южнокорейских студентов: количество упоминаний / South Korean students' perceptions on Russia: number of references	Образ Южной Кореи у российских студентов / Russian students' perceptions on South Korea: number of references
Природно-географические факторы / Natural and geographical factors	41	23
Историко-культурные ассоциации / Historical and cultural associations	36	28
Образ граждан / Image of citizens	30	35
Политическая система / Political system	10	15
Экономическая система / Economic system	5	42

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования.

Далее представлен анализ содержания каждого компонента образа страны в представлениях российских и южнокорейских студентов.

Образ России у корейской молодежи

Природно-географические факторы (41 упоминание)

Согласно результатам исследования ключевые черты образа России в представлении корейских студентов в первую очередь связаны с ее природно-географическими характеристиками. Первое, о чем вспоминают корейцы, когда слышат слово «Россия», – это холодный климат и огромная территория. Например, «Россия – это самая холодная страна... И люди в России всегда носят теплую одежду» (респондент 1, ж, 22 года), или «У меня Россия ассоциируется в первую очередь с холодом, мне всегда так представлялось...» (респондент 12, м, 27 лет). Также большинство корейских студентов вспоминало о том, что Россия обладает самой большой территорией в мире: «Что я знал о России, так это то, что у нее самая большая территория в мире» (респондент 9, м, 27 лет), или «В первую очередь, Россия – это самая большая страна по занимаемой территории» (респондент 11, м, 23 года).

Историко-культурные ассоциации (36 упоминаний)

Чуть реже, чем о природно-географических особенностях, респонденты говорили о культуре России. Тем не менее историко-культурные ассоциации – одни из наиболее значимых по мнению самих опрошенных. Вероятно, это связано с тем, что корейцы видят в культурном факторе движущую силу развития как государства, так и системы международных отношений. Это

связано с таким явлением, как «халлю» (한류, корейская волна) – распространение корейской культуры на все страны мира, которое выражается в росте популярности корейской музыки, фильмов, сериалов и т.д.

Говоря о культурных аспектах, чаще всего корейские студенты вспоминают литературу. Многие произведения русской литературы изучаются в корейских школах: *«Россия – это литературная страна. Я знаю Толстого, Пушкина, Достоевского. Я читала роман Достоевского, когда училась в средней школе. Моим родителям тоже он нравился. Моя семья читала»* (респондент 1, ж, 22 года), или *«Россия – это родина таких великих писателей, как Толстой, Достоевский и Пушкин»* (респондент 11, м, 23 года).

Респонденты говорили, что произведения русской классической литературы трудно понять, не имея исторических знаний о периоде, когда они писались, и о времени, когда происходили описанные в них события. При этом следует отметить, что об истории России корейская молодежь практически ничего не знает. Некоторые респонденты упоминали только про Анастасию Романову, дочь Николая II: *«А еще Анастасия – последняя принцесса»* (респондент 9, м, 27 лет), что, скорее всего, связано не столько с историей России, сколько с американским мультипликационным фильмом «Анастасия».

Некоторые из респондентов вспоминали русскую классическую музыку, в частности П.И. Чайковского. У части респондентов Россия ассоциируется с русским балетом: *«А если говорить о культуре, то Россия известна своим балетом»* (респондент 11, м, 23 года). При этом знания об этих сферах также довольно поверхностны.

Немаловажное место в ответах респондентов занимают и упоминания о так называемой «бытовой культуре», которые наполнены стереотипами. Так, респонденты всерьез говорили, что в ней по улице ходят медведи: *«Бурые медведи – такое прозвище у России в нашей стране. В Корее Россию называют «страной бурых медведей»* (респондент 9, м, 27 лет). При этом некоторые корейцы добавляют, что упоминание «медведей» стало символичным и не является показателем негативного отношения к России. Говоря о медведях, корейцы *«скорее отождествляют медведя с Путиным или с Лениным, с типичным советским человеком»* (респондент 13, ж, 23 года).

Образ россиян (30 упоминаний)

Еще одна ассоциация с Россией – это ее граждане. Для корейцев ключевым словом в отношении россиян стало слово «опасность». Например: *«Я слышала от друзей, что русские опасны»* (респондент 2, ж, 20 лет). Или: *«Я слышал, что у вас очень развит расизм, что у вас там много скинхедов»* (респондент 3, м, 24 года). А также: *«Знаешь, многие из корейцев считают, что Россия – это достаточно опасная страна... некоторое время назад здесь было много опасных расистов»* (респондент 18, м, 25 лет). Ряд респондентов упоминали мафию – явление 90-х годов XX века: *«Многие люди спрашивали меня, зачем я еду в Россию, там ведь опасно, разве там нет мафии и оружия?»* (респондент 13, ж, 23 года). Или *«И дома очень волновались за меня. Когда я сказал, что*

собираюсь в Россию, они мне сказали быть очень осторожным с русской мафией» (респондент 9, м, 27 лет). Подчеркивая мысль об опасности, респонденты упоминали внешнюю «хмурость» россиян и подчеркивали, что *«русские не очень много улыбаются» (респондент 9, м, 27 лет).*

В то же время встречаются и позитивные характеристики. Например, некоторые говорили про отзывчивость россиян, другие отмечали их готовность прийти на помощь иностранцу. Естественно, эти оценки уже во многом зависели от индивидуального опыта пребывания каждого отдельного респондента в России. Некоторые студенты признавались, что после того как они побывали в России, их представления о ней действительно несколько изменились. Например, *«оказалось, что в России погода теплее, чем я думал» (респондент 2, м, 24 года),* или *«когда я еще была в Корее, то думала, что в России страшно, холодно и грубые люди» (респондент 10, ж, 26 лет),* а также *«сначала, до того, как я приехала, я думала, что Россия – это суровая страна» (респондент 13, ж, 23 года)* или *«я думал, что в Москве повсюду медведи и все русские любят пить водку» (респондент 17, ж, 22 года).*

Представления о политической системе России (10 упоминаний)

Отдельное внимание хотелось бы уделить представлениям корейских респондентов о политической системе России. Ответить на вопросы о внутренней политике могли очень немногие из респондентов. В основном, отвечая на вопрос о современной внутренней политике, корейцы начинают размышлять про СССР, в частности вспоминая его участие в Корейской войне 1950–1953 гг. Представления же о современном периоде сводятся к образу Владимира Путина. Респонденты выражали удивление тем, как долго российский Президент находится у власти: *«Корейцы не понимают, почему Путин такой популярный, почему люди поддерживают его. Для нас в это очень трудно поверить» (респондент 4, ж, 21 год).* Или: *«В Корее, когда 80–90% людей говорили, что они за Путина, я думала, что они врут» (респондент 10, ж, 26 лет).* Возможно, именно длительный срок нахождения Владимира Путина у власти стал причиной возникновения в сознании корейских студентов параллели между Президентом РФ и Пак Чон Хи, Президентом Кореи в 1962–1972 гг. Так, некоторые отмечали, что *«Путин во многом схож с президентом Пак Чон Хи для нас» (респондент 7, ж, 25 лет).* Респонденты подчеркивали волевые качества Владимира Путина: *«Кроме того, его [Путина] считают очень сильным и влиятельным президентом» (респондент 7, ж; респондент 9, м, 27 лет).*

Экономическая система России (5 упоминаний)

Примечательно, что корейские студенты, говоря о России, практически ничего не упоминают о ее экономической политике. Некоторые даже были уверены, что Россия до сих пор развивается по коммунистической модели экономики: *«В России же сейчас коммунизм, правильно? <...> Я просто слышала, что в 90-х там был коммунизм» (респондент 4, ж, 21 год).*

Парадоксально, что, несмотря на неосведомленность в данной сфере, практически все респонденты выражали свою уверенность в возможности дальнейшего сотрудничества России и Республики Кореи в экономической сфере: *«Я думаю, что самый потенциальный партнер, тот, кто может принести пользу, Южной Кореи, это Россия и некоторые страны СНГ»* (респондент 6, м). Или: *«А если говорить об экономическом сотрудничестве, то это, конечно, Россия и Китай»* (респондент 11, м, 23 года).

Образ Южной Кореи у российской молодежи

Экономическая сфера (42 упоминания)

Ключевая ассоциация с Южной Кореей у российских студентов – это ее экономическая система. По мнению российских студентов, Республика Корея известна во всем мире, в том числе и в России, за счет своего быстрого экономического роста. Некоторые респонденты отмечали, что еще до поступления на корееведение они слышали о том, как в конце 70-х гг. Южная Корея начала форсированное развитие своей экономики: *«большой экономический рост, связанный с Южной Кореей, такое явление быстрого экономического роста Кореи»* (респондент 11, м, 19 лет).

Многие российские респонденты говорили о том, что на данном этапе Республика Корея является экономически развитой державой. Например, некоторые студенты описывали ее как *«высокотехнологичную и быстроразвивающуюся» страну* (респондент 16, ж, 18 лет). Или Корея – это *«экономически развитая страна, которая совершила огромный скачок»* (респондент 10, ж, 18 лет). Некоторые отмечали дальнейшие перспективы развития страны: *«...она достигнет очень больших высот и будет очень быстро развиваться и в экономике, и в торговле»* (респондент 26, ж, 19 лет). Таким образом, российские студенты, в отличие от корейских респондентов, показали большую заинтересованность в вопросах экономики.

Говоря об экономике страны, респонденты выделяли положительные факторы ее развития. Многие отмечали развитые технологии: *«Взять, например, метро, именно технические процессы. В метро поезда ездят без машинистов, на автомате»* (респондент 25, ж, 21 год). Или: *«Метро очень хорошее... транспорт удобный»* (респондент 13, ж, 20 лет). Другие говорили про развитую сферу услуг: *«Там все продумано для человека до мелочей»* (респондент 17, ж, 19 лет), *«с точки зрения обычного человека там все очень комфортно, все сделано для людей»* (респондент 6, ж, 18 лет), *«в Кореи видно, что многие вещи сделаны для удобства людей, и я думаю, что они дальше будут развивать свою сферу»* (респондент 12, ж, 20 лет).

Данные упоминания о развитых технологиях и сфере услуг составляют общее представление российских студентов о Кореи как о стране, комфортной для проживания и пребывания.

Образ южных корейцев (35 упоминаний)

Многие респонденты отвечали, что отличительной чертой Южной Кореи являются люди, культура которых сильно отличается от российской.

В большинстве случаев российских студентов удивляла открытость корейцев, их добродушие и расположенность по отношению к иностранцам: «*Корея ассоциируется у меня с открытыми людьми, которые всегда готовы помочь*» (респондент 26, ж, 19 лет). Часто молодые люди упоминали теплый прием иностранцев и своеобразное вдохновение, которым корейцы заряжают людей вокруг: «*Мне они кажутся очень открытыми и искренними, они мне показались очень заинтересованными в том, что они делают и это меня вдохновляет*» (респондент 18, ж, 18 лет). Также о корейцах отзывались и российские студенты, находившиеся в Корее на долгосрочной стажировке: «*Ты смотришь на них и вдохновляешься. Корейцы мне много помогли, научили жизни в Корее*» (респондент 24, ж, 22 года).

Говоря о своих впечатлениях от страны, в большинстве интервью респонденты использовали словосочетание «*корейский менталитет*». При этом именно «менталитет» стал своеобразным камнем преткновения для студентов, потому что именно он являлся как позитивным впечатлением от пребывания в стране, так и негативным. Вот что говорили участники исследования: «*Первое, что мне запомнилось, и самое важное, наверное, это дружелюбная и мирная атмосфера. Добродушные корейцы. И эта атмосфера, она запоминается*» (респондент 24, ж, 22 года).

Вместе с тем встречались также и те, кто довольно резко отзывался о корейском менталитете: «*То, что мне сразу не понравилось, что интересно, это тоже менталитет. Ты вроде бы с ними знаком год, но в один момент ты можешь стать для них никем*» (респондент 33, ж, 22 года). Такая особенность менталитета корейцев тесно связана с почитанием традиционных ценностей, в том числе соблюдением правил социальной стратификации. В случае неодобрения общественностью или людьми, которые старше по возрасту или социальному положению, корейцы не рискнут ослушаться старших. Таким образом, как и корейские респонденты, российские участники исследования поделились на два лагеря в вопросе о впечатлениях о корейцах, в зависимости от индивидуального опыта.

Те, кто высказывался о своем опыте взаимодействия негативно, тоже имели различные на то причины. Некоторых участников исследования смущали «традиционные взгляды» и традиционный уклад жизни: «*Мне не понравился застоявшийся традиционализм, который все еще присутствует в межличностных отношениях*». (респондент 6, ж, 18 лет). Например, «*поклоны при встрече и обращении к учителям. Также, когда принимаешь, подаешь все двумя руками*» (респондент 24, ж, 22 года). Особенно сильно традиционализм в отношениях проявляется при общении с пожилыми людьми, говорят респонденты: «*Я не в восторге от поведения пожилых людей в Корее, мне кажется, они очень консервативные и в принципе не любят иностранцев*» (респондент 11, м, 19 лет).

Другая часть участников исследования, напротив, разочарованно утверждала, что влияние глобализации оставило свой отпечаток на поведении и взглядах корейцев: «*Я не чувствовала, что они так трепетно относятся к*

своим традициям. Скорее, наоборот, у них больше ориентация на Запад» (респондент 1, ж, 20 лет). Побывав в Корее, они увидели, что тренд глобализации уничтожает ее уникальность: «В университете мы очень часто слышали, что корейцы очень традиционные, но на самом деле мы, когда гуляем или ходим в музеи, видно, насколько Корея европеизированная страна, и что все традиции Кореи потихоньку уменьшаются» (респондент 20, ж, 18 лет).

Историко-культурные ассоциации (28 упоминаний)

Упоминания российских респондентов о культуре Кореи были достаточно неоднозначны. Условно их можно разделить на несколько основных категорий. Первый блок ответов связан с «традициями», которые присутствуют в современной жизни корейцев до сих пор: *«Чтение (почитание) традиций – все в культуре остается, как прежде, и много чего базируется на традициях» (респондент 1, ж, 20 лет).*

Другой блок ответов был связан с «религиями». Участники исследования отмечали, что буддизм и конфуцианство оказали большое влияние на культурное развитие Кореи, что заметно и в наши дни: *«Культура Кореи, в моем представлении, это буддизм, Чосон и традиционный уклад» (респондент 21, ж, 19 лет).*

Еще один блок – это ответы о музыкальной культуре, литературе и живописи Южной Кореи. Однако в этой сфере знания молодых людей касались в основном современности и почти не затрагивали историю. Кроме того, привести примеры респонденты (корееведы) также зачастую затруднялись. Так, например, лишь малое количество респондентов смогло назвать известные им имена корейских писателей. Среди них были названы Ким Соволь и Пак Квансо. Остальные респонденты отвечали, что не интересуются подобными вещами. Чаще всего первым делом российские респонденты называли «К-поп и дорамы», то есть корейскую современную поп-музыку, а также корейские сериалы и фильмы, которые являются характерным явлением волны Халлю (Корейской волны).

Для молодых людей увлечение массовой корейской культурой в том числе стало и причиной начала изучения языка и культуры страны в целом: *«Ну, я К-поп начала слушать, потом и всякие шоу/дорамы смотреть и понеслось...» (респондент 26, ж, 19 лет).* Кроме того, по мнению респондентов, современная массовая корейская культура является самой яркой ассоциацией для большинства российских жителей: *«Я думаю, большей части людей приходит на ум такая вещь, как массовая культура корейская. То есть, например, их большая любовь к музыке их» (респондент 28, ж, 21 год).*

Четвертый блок ассоциаций (упоминаемость которых практически соотносится с упоминаемостью явлений корейской волны) связан с «культурой еды». Национальная корейская еда – основная вещь, воспоминания о которой вызывают приятные эмоции у молодых людей: *«Во-первых, у меня Корея ассоциируется с едой. Очень вкусной едой» (респондент 30, ж, 19 лет).* Студенты-востоковеды, обладая достаточным количеством знаний о культуре

Кореи, зачастую перечисляли в качестве ассоциаций со страной конкретные блюда, например: «*Кимчи – первое, что приходит на ум*» (респондент 1, ж, 20 лет). Все респонденты говорили о том, что корейская еда очень острая: «*...на самом деле не ожидала, что здесь настолько острая еда*» (респондент 5, ж, 18 лет). Некоторые также замечали, что корейская еда «*становится все более популярной в России*» (респондент 31, м, 21 год). На самом деле, все больше восточных кафе и ресторанов, в том числе и корейских, открывается в России. Люди начинают интересоваться корейской кухней, а со знакомства с восточными блюдами начинается приближение к культуре Кореи. Интересно, что корейские респонденты, также имеющие достаточно опыта жизни в России, размышляя о ней, не вспоминают русскую кухню.

В ходе нашего исследования опрошенные российские студенты также упоминали об отдельных исторических событиях Южной Кореи. Основным историческим событием, на котором молодые люди акцентировали внимание, как и в случае корейских респондентов, была «Корейская война» 1950–1953 гг.: «*Наверное, все-таки Корейская война и именно противопоставление между Северной и Южной Кореей*» (респондент 5, ж, 18 лет). В понимании российских студентов это ключевой период в развитии и становлении государства: «*А еще разделение, две страны, 38 параллель*» (респондент 10, ж, 18 лет). Более того, вспоминая события Корейской войны 1950–1953 годов, некоторые студенты упоминали и связь истории России и Южной Кореи: «*У нас же была общая история, было много моментов, когда Россия помогала Корее*» (респондент 14, ж, 18 лет). То, что и российские, и корейские респонденты вспоминали Корейскую войну 1950–1953 гг., вероятно, связано с тем, что данное событие можно назвать одним из самых ярких контактов России и Кореи в истории международных отношений двух стран.

И наконец, последний блок ответов связан с корейской архитектурой, точнее, с тем, как она переплетается с традиционными представлениями и значимыми культурными элементами Кореи: «*Мне очень понравилось, как они совмещают небоскребы и прочее с их культурой, историей*» (респондент 31, м, 22 года). Многие респонденты, говоря о своих впечатлениях и образах, связанных с Южной Кореей, упоминали «архитектуру» городов. Так, например, некоторые студенты отмечали, что архитектура Сеула гармонично объединяет современность и историческое наследие. «*Технологически классный город, очень современный, но при этом все сочетается с корейскими традициями*» (респондент 15, м, 23 года), а некоторые отмечали живописные природные ландшафты других городов: «*Я сразу вспоминаю дворцы, буддийские храмы. Мы с моими друзьями поехали в город Сокчо, там очень живописный красивый национальный парк. Там как раз и буддийский храм*» (респондент 21, ж, 19 лет).

Природно-географические факторы (23 упоминания)

Некоторые респонденты, размышляя о Корее, вспоминали про географическое расположение данного государства. Например: «*Гибискус, к-поп и*

полуостров в очертаниях» (респондент 3, ж, 18 лет). Или: «Сразу представляется карта в голове, полуостров корейский» (респондент 13, ж, 20 лет). Эти ответы – остаточные знания из школьной программы, в чем признавались и сами респонденты: «Из школьной программы он [россиянин] знает, где она находится, но среднестатистический человек мало знает о Корее» (респондент 11, м, 19 лет).

Среди природно-географических ассоциаций, помимо общего расположения на карте, можно выделить упоминание о корейских горах. Например: *«Наверное, различные виды гор и когда туман на гору приходит – вот этот вид красивый» (респондент 4, ж, 19 лет).* Во многом эта ассоциация связана с устойчивым в представлении россиян образом всего Дальнего Востока – *«региона, покрытого сопками».*

Еще одна часть ответов российских студентов была связана с погодными и климатическими условиями. Многие из этих ответов имели негативный характер: *«Климат просто ужасный. На самом деле, климат – это то, о чем говорят корейцы двадцать четыре часа в сутки, и летом это то, на что они жалуются» (респондент 10, ж, 18 лет).* Или: *«Конечно, жара эта, духота. Я не знала, как это ощущается, это просто кошмар» (респондент 8, ж, 17 лет).*

Представления о политической системе Южной Кореи (15 упоминаний)

Знания о политической системе Южной Кореи у российских респондентов, как и у корейских о российской, довольно скудные. Менее половины участников исследования смогли ответить на вопрос, кем является лидер государства, и охарактеризовать политическую систему страны: *«Знаю, что там есть президент и парламент, а о нем ничего не знаю, кроме того, что в 2017 году его избрали, вроде» (респондент 29, ж, 19 лет).* Многие также отмечают, что не знают и имени действующего президента страны: *«Президент, но я не знаю имени и вряд ли могу его как-то охарактеризовать» (респондент 32, м, 20 лет).* Из недавних политических событий, связанных с Южной Кореей, молодые люди чаще всего отмечали сближение КНДР и РК: *«Недавно же были Олимпийские игры. Мне понравилось, что Южная и Северная Корея объединились под одним флагом, выступали вместе» (респондент 3, ж, 20 лет).* Кроме того, респонденты отдельно отмечают стремление государства развивать сотрудничество с другими странами и желание нивелировать какие-либо конфликты на политической арене: *«Пытаются найти компромисс со своей северной соседкой и пытаются развивать отношения со всем миром» (респондент 10, м, 19 лет).*

Таким образом, российские респонденты мало осведомлены о внутренней политической ситуации в Южной Корее, участие государства на мировой политической арене привлекает их внимание несколько больше.

Международная политика и будущее российско-корейских международных отношений

В целом в образах стран, реконструированных на основе ответов респондентов, преобладают положительные черты. Это отразилось и на представлениях студентов о будущем российско-корейских отношений.

Представления корейских студентов

Корейские студенты говорили о сильном влиянии, которое оказывает Российская Федерация на международной арене: *«Россия имеет весьма большое влияние на происходящее в мире несмотря на то, что сама по себе страна появилась не так давно»* (респондент 11, м, 23 года).

Однако преобладающим фактором включения России в число «имеющих влияние» стран является память о роли СССР в международных отношениях и отдельных явлениях жизни в Советском Союзе. Например: *«Также я знал про Советский Союз и что он сыграл большую роль во Второй мировой войне»* (респондент 9, м, 27 лет). Или: *«Я слышал про российскую поддержку Афганистана во время войны... А еще я знаю про секретную полицию – КГБ»* (респондент 9, м, 27 лет).

Следует отметить, что в вопросе дальнейшего сотрудничества ответы респондентов расходятся. Тем не менее большинство студентов уверены в возможности развития сотрудничества в экономической сфере. Например: *«Мы могли бы построить железную дорогу между Россией и Кореей. Это было бы очень выгодно и для России, и для Кореи»* (респондент 3, м, 24 года), или [о России]: *«Это богатая страна, здесь нефть, газ, богатый растительный и животный мир. В Корее нет нефти и газа, поэтому мы должны дружить с Россией»* (респондент 12, м, 27 лет). Некоторые допускают возможность проведения совместной международной политики в отношении других государств: *«Мне кажется, наши страны сблизятся, потому что намерения нашего президента [Мун Чжэина] схожи с задачами Путина... Например, как Путин стремится сократить влияние Америки на международной арене, так и Мун Чжэин хочет ограничить влияние Америки в нашей стране»* (респондент 17, ж, 22 года).

Ряд студентов выражают неуверенность в отношении возможности развития международного сотрудничества. Например: *«Если Северная Корея не будет нам мешать, то мы сможем стать друзьями»* (респондент 1, ж, 22 года). Или: *«Как сложатся отношения Кореи и России... сейчас сложно говорить о каких-либо перспективах»* (респондент 7, ж). Или: *«Нет, потому что Россия ближе к Северной Корее. Сейчас тоже наши взаимоотношения с Россией и не хорошие, и не плохие, поэтому и через 10 лет не факт, что они улучшатся»* (респондент 2, ж, 20 лет). Возможно, данные представления также основаны на исторической памяти о том, что Россия поддерживала Северную Корею во время Корейской войны. Тем самым ответы респондентов подтверждают тот факт, что в сознании корейских студентов Россия до сих пор связана с Северной Кореей, а значит, и развитие международного сотрудничества зависит от взаимоотношений между Республикой Корея и КНДР.

При этом показательным является тот факт, что большинство респондентов на вопрос о том, кто является союзником Кореи на международной арене, называют Китай и Россию, а в отношении США и других стран многие настроены скептически.

Представления российских студентов

Большинство российских респондентов выражало надежду на активное сотрудничество стран в будущем: *«Мне кажется, что обе страны заинтересованы во взаимном сотрудничестве»* (респондент 18, ж, 18 лет). Или: *«отношения между Россией и Кореей, возможно, будут развиваться, так как Россия у нас сейчас повернулась на Восток»* (респондент 31, м, 22 года). Вполне логично, что люди, которые изучают страну и планируют работать с ней в будущем, хотели бы, чтобы взаимоотношения между Россией и Южной Кореей становились все крепче.

Тем не менее некоторые респонденты выражали сомнения в отношении будущего сотрудничества двух стран. Например, некоторые утверждали, что контакты *«останутся неизменными на государственном уровне»* (респондент 10, ж, 18 лет) или *«связи еще недостаточно крепкие между Россией и Южной Кореей»* (респондент 32, ж, 19 лет). Неуверенность в будущем сотрудничестве можно объяснить тем, что в настоящий момент наши страны заняты решением других важных международных проблем, поэтому россиянам достаточно трудно предположить, перерастут ли текущие контакты между странами в крепкую дружбу.

Меньше всего ответов было связано с отрицанием возможности дальнейшего сотрудничества. В основном они были связаны с утверждением о том, что *«Южная Корея – проамериканская... у России более-менее нормальные отношения с Северной Кореей»* (респондент 9, ж, 18 лет). Другие выражали сомнения в реальной заинтересованности двух стран идти на контакт друг с другом: *«Они (отношения) довольно медленно развиваются. Корейцы особо с нами не считаются, а мы особо с ними не считаемся»* (респондент 16, ж, 18 лет). Таким образом, представления о будущем взаимодействии двух стран у студентов из Кореи и России схожие, и подавляющее большинство всё-таки надеются на развитие международного сотрудничества и укрепление российско-корейских связей.

Общественное мнение – это неотъемлемый компонент исследования международных отношений, в частности взаимное восприятие представителей разных стран друг друга во многом помогает спрогнозировать, как будут развиваться отношения между разными странами. Особый интерес здесь представляют восприятие молодежи, которая специализируется на изучении конкретных стран. Ведь именно эта группа в дальнейшем станет специалистами по международным отношениям, межкультурным коммуникациям и проч.

Необходимо подчеркнуть следующее: несмотря на то что в рамках исследования опрашивались достаточно специфичные респонденты – корейские студенты, которые учат русский и ориентированы на Россию, и российские студенты, которые учат корейский и ориентированы на Южную Корею, их знания нельзя назвать глубокими. Во взаимных образах друг о друге множество стереотипов, которые характерны для обыденного восприятия.

Образ России в представлениях корейских студентов строится на устойчивых ассоциациях с холодом, медведями и опасной «русской мафией». При этом знания об истории, культуре страны, экономической и политической сферах очень посредственны. В основном они связаны с образом СССР, а о современном этапе развития России студенты знают очень мало. Знания о современной политической системе ограничиваются образом Владимира Путина.

Южная Корея российскими студентами воспринимается как страна с современными технологиями и развитой экономической системой, но в то же время как место с тяжелым для жизни климатом, жарким и душным летом, где у людей существует своеобразный «культ еды». Российские студенты также достаточно поверхностно знают о современном экономическом и политическом развитии Южной Кореи. Самыми частыми ответами на вопрос об ассоциациях со страной являются корейские сериалы и современная корейская поп-музыка.

Подобное стереотипное мышление и недостаток знаний о современных социально-экономических реалиях у будущих специалистов по российско-корейским отношениям является серьезным барьером, понижающим эффективность дальнейшего сотрудничества. Преодоление стереотипов и складывание адекватных представлений друг о друге возможно только в условиях взаимного обмена знаниями. Образовательные программы, реализующиеся в высших учебных заведениях России и Южной Кореи, должны включать в себя блоки по современным экономическим взаимоотношениям между странами, взаимной культурной коммуникации, изучению социально-политических особенностей развития стран.

В то же время студенты достаточно позитивно оценивают будущее российско-корейских отношений. Образ Кореи в представлениях российских студентов и образ России в представлениях корейских студентов не строится на таких словах, как «враг», «соперник» или даже «конкурент». Позиционирование идет в терминах сотрудничества, что, на наш взгляд, является достаточно позитивным сигналом для дальнейшего укрепления отношений между странами.

Поступила в редакцию / Received: 02.02.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список

- Баскакова Ю.М., Чой Ву Ик.* Россия и Корея: образы стран по данным сравнительного исследования. Сеул: Ихван, 2018.
- Дмитриева Е.Л.* Образ России в Казахстане и Казахстана в России через призму социологических опросов // Россия и мусульманский мир. 2019. № 1 (311). С. 29–33.

- Илюхина В.В. Метаморфозы образа «Другой-Чужой»: методологическая проблема безопасности // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2015. № 1 (300). С. 81–89.
- Конохова А.С. Образ Запада в СССР и его влияние на мировоззрение советской молодежи в эпоху НС Хрущева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 1. С. 99–106.
- Мадиев Е. Инициатива «один пояс-один путь» и внешнеполитический образ Китая // Центральная Азия и Кавказ. 2019. № 2 (22). С. 26–37.
- Мирошниченко И. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодежи: результаты эмпирического исследования // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 31–44.
- Селезнева А.В., Смутькина Н.В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 352–371.
- Смутькина Н.В. Символические образы международных отношений в сознании российских граждан: политико-психологический анализ // Антиномии. 2020. № 1 (20). С. 89–116.
- Тен Н.В. Образ России в современном Китае. М.: МГУ, 2012.
- Филимонов Д.А. К вопросу о роли русской исторической памяти в формировании российской национальной идентичности // PolitBook. 2019. № 2. С. 123–139.
- Якушенкова О.С. Русский как Чужой в культурном пространстве КНР // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 4 (12). С. 98–109.
- Bellovary A., Armenta A.D., Reyna C. Stereotypes of immigrants and immigration in the United States. Stereotypes: The Incidence and Impacts of Bias. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC, 2020. P. 146–164.
- Bukh A. Japan's national identity and foreign policy: Russia as Japan's "other". Routledge, 2010.
- Charnysh V., Lucas C., Singh P. The ties that bind: National identity salience and pro-social behavior toward the ethnic other // Comparative Political Studies. 2015. № 48 (3). P. 267–300.
- Choi J.G., Tkachenko T., Sil S. On the destination image of Korea by Russian tourists // Tourism Management. 2011. № 32 (1). P. 193–194.
- Fedorov, A. Image of France and French people in the Soviet and Russian screens // European Researcher. Series A. 2018. № 9 (2). P. 78–106.
- Kit C.C. China as "other". Resistance to and ambivalence toward national identity in Hong Kong // China Perspectives. 2014. № 1. P. 25–34.
- Korolev A. Russia's reorientation to Asia: Causes and strategic implications // Pacific Affairs. 2016. № 89 (1). P. 53–73.
- Kulik C.T., Perera S., Cregan C. Engage me: The mature-age worker and stereotype threat // Academy of Management Journal. 2016. № 59 (6). P. 2132–2156.
- Kuntjara E., Hoon C.Y. Reassessing Chinese Indonesian stereotypes: two decades after Reformasi // South East Asia Research. 2020. № 28 (2). P. 199–216.
- Lee S.W., Cho H. A Subtle Difference between Russia and China's Stances toward the Korean Peninsula and Its Strategic Implications for South Korea // Journal of International and Area Studies. 2018. № 25 (1). P. 113–130.
- Lindstam E., Mader M., Schoen H. Conceptions of national identity and ambivalence towards immigration // British Journal of Political Science. 2021. № 51 (1). P. 93–114.
- Lu A., Cai S., Zheng S., Hu H., Song P. Stereotype and National Attachment in Hong Kong Chinese Context: A Moderated Mediation Model of Perceived Inter-group Relationship and Age // Social Indicators Research. 2018. № 135 (1). P. 357–371.
- Oladosu A.A. (Ed.). Islam in contemporary Africa: on violence, terrorism and development. Cambridge Scholars Publishing, 2021.
- Rinna A.V. Russia's strategic partnerships with China and South Korea: The impact of THAAD // Asia policy. 2018. № 13 (3). P. 79–100.
- Sharahili Y.H. Stereotypes of the Arabs and Chinese: A Study on Intercultural Communication // Cross-Cultural Communication. 2015. № 11 (4). P. 64–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.3968/%25x>

References

- Baskakova, Y.M., Choi, Wu Ik (2018). *Russia and South Korea: Country images according to comparative study data*. Seoul: Ikhwan. (In Russian).
- Bellovary, A., Armenta, A.D., & Reyna, C. (2020). Stereotypes of immigrants and immigration in the United States. *Stereotypes: The Incidence and Impacts of Bias*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC, 146–164.
- Bukh, A. (2010). *Japan's national identity and foreign policy: Russia as Japan's "other"*. Routledge.
- Charnysh, V., Lucas, C., & Singh, P. (2015). The ties that bind: National identity salience and pro-social behavior toward the ethnic other. *Comparative Political Studies*, 48(3), 267–300.
- Choi, J.G., Tkachenko, T., & Sil, S. (2011). On the destination image of Korea by Russian tourists. *Tourism Management*, 32(1), 193–194.
- Dmitrieva, E.L. (2019). The image of Russia in Kazakhstan and image of Kazakhstan in Russia through the prism of sociological surveys. *Russia and the Muslim world*, 311(1), 29–33. (In Russian).
- Fedorov, A. (2018). *Image of France and French people in the Soviet and Russian screens*. *European Researcher*. Series A, 9(2), 78–106.
- Filimonov, D. (2019). The question of the role of Russian historical memory in the formation of Russian national identity. *PolitBook*, 2, 123–139. (In Russian).
- Ilyukhina, V.V. (2015). Metamorphoses of an image “The Other – The Foe” – Methodological problem of safety. *Observer*, 300(1), 81–89. (In Russian).
- Kit, C.C. (2014). China as “other”. Resistance to and ambivalence toward national identity in Hong Kong. *China Perspectives*, 1, 25–34.
- Konokhova, A.S. (2015). Image of the West in the USSR and its influence on soviet youth's worldview during Khrushchev's era. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 1, 99–106. (In Russian).
- Korolev, A. (2016). Russia's reorientation to Asia: Causes and strategic implications. *Pacific Affairs*, 89(1), 53–73.
- Kulik, C.T., Perera, S., & Cregan, C. (2016). Engage me: The mature-age worker and stereotype threat. *Academy of Management Journal*, 59(6), 2132–2156.
- Kuntjara, E., & Hoon, C.Y. (2020). Reassessing Chinese Indonesian stereotypes: two decades after Reformasi. *South East Asia Research*, 28(2), 199–216.
- Lee, S.W., & Cho, H. (2018). A Subtle Difference between Russia and China's Stances toward the Korean Peninsula and Its Strategic Implications for South Korea. *Journal of International and Area Studies*, 25(1), 113–130.
- Lindstam, E., Mader, M., & Schoen, H. (2021). Conceptions of national identity and ambivalence towards immigration. *British Journal of Political Science*, 51(1), 93–114.
- Lu, A., Cai, S., Zheng, S., Hu, H., & Song, P. (2018). Stereotype and National Attachment in Hong Kong Chinese Context: A Moderated Mediation Model of Perceived Inter-group Relationship and Age. *Social Indicators Research*, 135(1), 357–371.
- Madiyev, Ye. (2019). The Belt and Road initiative and China's foreign policy image. *Central Asia and the Caucasus*, 20(2), 26–37. (In Russian).
- Miroshnichenko, I.V. (2018). Spatial image of Europe in Russian youth notions: On the results of empirical study. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, 31–44. (In Russian).
- Oladosu, A.A. (Ed.). (2021). *Islam in contemporary Africa: On violence, terrorism and development*. Cambridge Scholars Publishing.
- Rinna, A.V. (2018). Russia's strategic partnerships with China and South Korea: The impact of THAAD. *Asia policy*, 13(3), 79–100.
- Selezneva, A.V., & Smulkina, N.V. (2018). Images of the Slavic countries in the consciousness of Russian citizens (a case study of Ukraine and Belarus). *Rusin*, 54(4), 352–371. (In Russian).
- Sharahili, Y.H. (2015). Stereotypes of the Arabs and Chinese: A Study on Intercultural Communication. *Cross-Cultural Communication*, 11(4), 64–79.

- Smulkina, N.V. (2020). Symbolic images of international relations in consciousness of Russian citizens: Political-psychological analysis. *Antinomie*, 20(1), 89–116. (In Russian).
- Ten, N.V. (2019). *The image of Russia in modern China*. M: MGU. (In Russian).
- Yakushenkova, O.S. (2018). The Russian as the Other/Alien in the cultural landscape of China. *Journal of Forensic Sciences*, 12(4), 98–109. (In Russian).

Сведения об авторах:

Сорокина Анна Андреевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладных политических исследований, доцент факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: aasorokina@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6412-2045).

Катрич Анастасия Михайловна – аналитик Института прикладных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: akatrich@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-2744-3365).

Шилина Анна Николаевна – аналитик Института прикладных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: ashilina@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6667-0686).

About the authors:

Anna A. Sorokina – Candidate of Sciences (PhD) in Political Culture and Ideology, Leading Research Fellow in Institute for Applied Political Studies, Associate Professor (Faculty of Social Sciences/School of Politics and Governance), National Research University Higher School of Economics (Russian Federation) (e-mail: aasorokina@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6412-2045).

Anastasiia M. Katrich – Analyst in Institute for Applied Political Studies, National Research University Higher School of Economics (Russian Federation) (e-mail: akatrich@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-2744-3365).

Anna N. Shilina – Analyst in Institute for Applied Political Studies, National Research University Higher School of Economics (Russian Federation) (e-mail: ashilina@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6667-0686).

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕИ SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF KOREA

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-305-315

Научная статья / Research article

Историческая политика правительства Но Мухёна в Южной Корее: в поисках примирения с прошлым

Н.Н. Ким

Институт востоковедения РАН, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Аннотация. В период правительства Но Мухёна (2003–2008) историческая политика являлась одним из главных направлений внутренней политики Южной Кореи. Идеологическим обоснованием пересмотра событий корейской истории XX в. была идея построения нового корейского общества, основанного на принципах демократии и верховенстве гражданских прав и свобод. Посредством новой исторической политики правительство Но Мухёна пыталось доказать, что создание такого общества невозможно без установления истины о прошлом, в котором государство неоднократно пренебрегало гражданскими правами и совершало преступления. Повышенное внимание к вопросам восстановления исторической справедливости характерно и для действующего правительства Мун Чжэина – политического преемника Но Мухёна. В статье на основе анализа официальных документов правительства Но Мухёна, а также законодательства выявлены основные разногласия между политическими партиями Республики Корея вокруг учреждения Комиссии по установлению истины и примирению, обозначены ключевые результаты ее деятельности.

Ключевые слова: историческая политика, Но Мухён, правительство участия, Республика Корея, Комиссия по установлению истины и примирению

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 2019–2020 гг.

Для цитирования: *Ким Н.Н.* Историческая политика правительства Но Мухёна в Южной Корее: в поисках примирения с прошлым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 305–315. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-305-315

© Ким Н.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Historical Policy of the Roh Moo-hyun's Government in South Korea: Seeking Reconciliation with the Past

N.N. Kim

Institute of Oriental Studies RAS,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. Historical policy was one of the main directions of the domestic policy of the Roh Moo-hyun's government (2003–2008). The ideological justification of revising the 20th century history of Korea was the idea of building a new Korean society based on the principles of democracy and the rule of civil rights and freedoms. Through the implementation of a new historical policy the Roh Moo-hyun's government tried to prove that the creation of such a society was impossible without revealing the truth about the historical past, in which the state repeatedly neglected civil rights and committed crimes. Increased attention to issues of restoration of the historical justice is typical for the current government of Moon Jae-in, the political successor of Roh Moo-hyun. Based on the analysis of the governmental documents, legislation this paper reveals the main disagreements between political parties of the Republic of Korea around the establishment of the Truth and Reconciliation Commission, identifies the key results of its activities.

Keywords: historical policy, Roh Moo-hyun, participatory government, Republic of Korea, Truth and Reconciliation Commission

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of a grant from the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics 2019–2020.

For citation: Kim, N.N. (2021). Historical policy of the Roh Moo-hyun's government in South Korea: Seeking reconciliation with the past. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 305–315. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-305-315

Введение

Проблемы исторической памяти становятся особенно актуальны в обществах, находящихся на переходной стадии своего политического развития. Государства, пережившие авторитаризм, этнические конфликты, гражданскую войну, рано или поздно оказываются перед необходимостью разрешить тяжкий груз памяти о прошлом. Южная Корея в данном смысле не является исключением. На протяжении длительного времени в стране действовал военно-авторитарный режим, либерализация которого потребовала от демократического правительства разрешения травм «трудного прошлого». Выражением стремления южнокорейского правительства выяснить и предать гласности преступления государства в прошлом, реабилитировать жертв и достичь примирения между разными социально-политическими группами в обществе стало учреждение в период правительства Но Мухёна (2003–2008) Комиссии по установлению истины и примирению.

В данной статье на основе анализа отчета о политике «правительства участия» Но Мухёна «Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого:

в направлении к примирению и гармоничному будущему» (февраль 2008 г.), «Основного закона по упорядочению исторического прошлого для установления истины и примирения» выявлены политические разногласия между консерваторами (партия *Ханнарадан*) и прогрессистами (партия *Уридан*) вокруг учреждения Комиссии по установлению истины и примирению, обозначены результаты ее деятельности, выявлены предпосылки для современной политики памяти в РК.

Вопросы эффективности деятельности Комиссии по установлению истины и примирению в Южной Корее затрагивались в работах Ким Ханчжун [Kim 2012], Ким Дончуна [Kim 2010]. Ким Ханчжун указывал на то, что главной предпосылкой создания подобной комиссии являлась либерализация политического режима и деятельность правительств Ким Ёнсама (1993–1998) и Ким Дэчжун (1998–2003). Критические отзывы о проводимой правительством Но Мухёна исторической политики высказывались К.В. Асмоловым, оценивающим ее в контексте политического противостояния между прогрессистами и консерваторами как исключительно популистскую и конъюнктурную [Асмолов 2019].

Политические разногласия по вопросу принятия закона об установлении истины и примирению

Выступая по случаю празднования Дня освобождения и основания Республики Корея 15 августа 2004 г., Но Мухён заявил о необходимости всеобъемлющего упорядочения истории прошлого. Так, впервые президентом была сформулирована задача по пересмотру исторического прошлого, главным образом истории Кореи XX века. Впоследствии это предложение было рассмотрено на заседании партии *Уридан*, созданной по инициативе Но Мухёна, и уже в конце года представлено для обсуждения в национальном парламенте [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:57–58]. В октябре 2004 г. на заседании только что избранного парламента 17-го созыва партия *Уридан* предложила несколько законопроектов: о ликвидации Закона о национальной безопасности, редакции Конституции, а также законов о частных школах и прессе и, наконец, законопроект об учреждении Комиссии по установлению истины и примирению. Таким образом, в число первых законодательных инициатив президента Но Мухёна вошел проект закона об упорядочении истории прошлого (*квэгоса чонни*) с целью установления истины и достижения примирения.

Интерес к историческим проблемам со стороны Но Мухёна был вызван его личным восприятием политического наследия авторитарных режимов, действующих в Южной Корее на протяжении нескольких десятилетий. Но Мухён считал, что «новое будущее» Республики Корея невозможно без освобождения общества от оппортунистской психологии, регионализма, духа пораженчества, унаследованного от исторического прошлого страны [Но 2009:277]. В этом смысле главную свою миссию Но Мухёна видел скорее в разрешении проблем политического наследия южнокорейского госу-

дарства, а не в стимулировании экономического роста – том, чего требовала от него политическая оппозиция.

С самого начала постановка вопроса о выяснении истины о преступлениях корейского государства в отношении гражданского населения вызвала негативную реакцию со стороны консерваторов. Но в целом, как показал социологический опрос, инициатива правительства выяснить истину о различных правонарушениях государства в прошлом была одобрена общественностью. По данным опроса, проведенного Институтом общественного мнения Кореи среди 700 респондентов в августе 2004 г., 62,1 % опрошенных признали необходимым правдиво освещать прошлое своей страны [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:71]. Помимо прочего надо учесть и общий политический контекст 2004 г.: победа партии *Уридан* на выборах в национальный парламент в апреле 2004 г. свидетельствовала о народной поддержке президента Но Мухёна и одновременно с этим создала фундамент для реализации его законодательных инициатив [Kihl 2005:107]. Более того, весной этого же года южнокорейские граждане выразили свою поддержку Но Мухёну, когда в Конституционном Суде рассматривался вопрос о его импичменте. На гражданские митинги, получившие название «собрание свечей», регулярно собирались десятки тысяч сторонников Но Мухёна [Kang 2016: 81]. В итоге в мае 2004 г. он был восстановлен в должности президента.

Это был не первый случай, когда правительство Южной Кореи поднимало вопрос о выяснении истины в отношении различных инцидентов прошлого. После демократического транзита власти 1987 г. правительство Ро Дэу (1988–1993) приняло закон о восстановлении чести и достоинства участников восстания в Кванджу, официально признав его как борьбу за демократизацию, а не мятеж. Правительство Ким Ёнсама (1993–1998) пошло дальше в данном вопросе, учредив День памяти жертв восстания в Кванджу, создав мемориальный комплекс, а также начав расследование Кочханского инцидента февраля 1951 г., когда южнокорейскими военными были расстреляны более 700 граждан по подозрению в сотрудничестве с просеверокорейскими партизанами. Правительство Ким Дэчжуна (1998–2003) учредило Комиссию по установлению правды о восстании на о. Чечжудо (инцидент 3 апреля 1948 г.) [Kim 2012]. Но ни одно южнокорейское правительство ранее не предлагало провести всеобъемлющее расследование многочисленных инцидентов прошлого, совершенных по инициативе или содействию государственных властей. В этом было главное отличие исторической политики «правительства участия» от предшествующей практики.

Более того, все эти попытки южнокорейского правительства после перехода от авторитарного режима к демократическому выяснить истину об истории недавнего прошлого отражали общемировую практику создания комитетов по установлению истины и примирению (ЮАР, Чили, Марокко, Парагвай, Сербия) или же принятию законов с целью объективного расследования отдельных инцидентов прошлого (Бразилия, Аргентина, Филиппины,

Ирландия) [Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека 2007]. Учреждение подобных комиссий в разных регионах мира решало самые разнообразные задачи, многие из которых выходили за рамки вопросов исторической памяти. Деятельность комиссий содействовала прекращению различных форм дискриминации в отношении бывших жертв и их семей, создавала условия для примирения между враждующими в прошлом социальными (политическими) группами [Vora and Vora 2004; Ferrara 2015].

В целом можно выделить следующие цели политики «правительства участия» Но Мухёна по упорядочению прошлого: во-первых, это объективное расследование случаев нарушения прав человека, произошедших по инициативе или при содействии южнокорейского правительства после учреждения суверенного государства в 1948 г. Таким образом, демократическое правительство Но Мухёна рассчитывало на то, что удастся показать, какими на самом деле были авторитарные режимы президентов Ли Сынмана, Пак Чонхи и Чон Духвана, каковы масштабы жертв среди гражданского населения в годы Корейской войны, и вместе с этим раскрыть многочисленные фальсификации дел в период с 1948–1993 гг. (до правительства Ким Ёнсама).

Во-вторых, цель установления истины, согласно правительственному отчету «Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого: в направлении к примирению и гармоничному будущему», заключалась не в том, чтобы выявить, кто настоящий виновник, а в том, чтобы установить причины инцидента прошлого, обозначить проблемы, в силу которых он возник, и выработать меры по исправлению ситуации с тем, чтобы не повторить подобного в будущем [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:54]. При этом необходимо не выборочно разбираться с инцидентами прошлого, а комплексно.

В-третьих, восстановить честь и достоинство жертв, всех невинно осужденных, убитых, пострадавших; выплатить материальную компенсацию, выработать меры поддержки семей погибших.

В-четвертых, государство в лице действующего правительства обязано признать свою вину и ответственность за преступления прошлого. Возложение на собственное правительство подобного рода обязательств перед гражданами существенным образом отличало президента Но Мухёна от всех предшествовавших. Впоследствии его политический преемник – президент Мун Чжэин (2017 – настоящее время) продолжил данную линию и предложил внести поправки в Конституцию РК, которые бы усиливали обязательства государства в лице правительства перед обществом [Пэ 2018].

Как уже отмечалось, консерваторы из партии *Ханнарадан* изначально негативно отнеслись к инициативе президента по упорядочиванию исторического прошлого. Они объясняли это тем, что в первую очередь необходимо заняться вопросами экономического развития, стимулирования роста корейской экономики, а не выяснением истины о прошлом. В правительстве

Но Мухёна на это возражали: «...мы признаем, что экономическая проблема требует срочного разрешения, но это не означает, что нужно отказаться от решения вопроса упорядочивания прошлого; можно совместить их рассмотрение» [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:74].

Нельзя сказать, что оппозиция консерваторов в вопросе всеобъемлющего упорядочивания истории РК была жесткой, ибо к тому времени уже сложилась определенная практика создания специальных комиссий для расследования инцидентов прошлого, о чем было упомянуто выше. Более того, не без согласия со стороны консерваторов уже в период действия правительства Но Мухёна был принят специальный закон о выяснении истины об антинародной деятельности в период японской оккупации 1910–1945 (в августе 2003 г.). Обсуждение данного закона, а потом его редакция в декабре 2004 г. сопровождалась бурным обсуждением не только в парламенте, но и в обществе ввиду очень резонансной проблемы конфискации имущества у потомков корейских коллаборационистов. Но, с точки зрения первоочередных задач внутренней политики, для консерваторов в приоритете всегда были проблемы экономического роста, а не исторического прошлого. Поэтому, когда президент Но Мухён начал с предложений упорядочения исторического прошлого, это было воспринято как проявление популизма, а также как стремление ослабить позиции правых, консерваторов, ввиду их тесной политической связи с авторитарными правительствами в прошлом.

В отличие от правящей партии *Уридан*, которая исходила из того, что Комиссия по установлению истины и примирению будет функционировать при правительстве, состоять из назначенных президентом или парламентом лиц (госслужащих, ученых), партия *Ханнарадан* предложила иной порядок ее формирования и статус. Комиссия должна состоять исключительно из ученых и иметь академический статус, с тем чтобы не политизировать историческое прошлое, сделав его предметом государственной политики [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:56]. Поэтому консерваторы предложили схожий законопроект под названием «Основной закон для изучения и обзора новейшей истории», в котором рассмотрением инцидентов прошлого должны были заниматься ученые с целью более объективной репрезентации истории Кореи XX в. в исторических работах.

Согласно отчету «правительства участия», «проблемы прошлого, с которыми вплотную пришлось столкнуться нашему обществу, в большинстве своем обусловлены незаконным поведением государства, за которое оно не может не нести ответственность. Если проблемы прошлого рассматривают только ученые, то обязать государство извиниться, возместить ущерб, организовывать коммеморации сложно...» [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:74]. Правительство Но Мухёна указывало, например, на то, как решается проблема вианбу («женщин для утешения»). Одна сторона требует разрешить вопрос на государственном уровне, а другая (противники) – говорит, что это проблема, которой должны заниматься ученые. Очевидно, по мнению правительства Но Мухёна, что при таком раскладе добиться

извинений со стороны японского правительства, организации мер поддержки жертв военного сексуального рабства не удастся. Ученые могут использовать документы, которые будут аккумулированы Комиссией по установлению истины и примирению, провести научное исследование, опубликовать академическую работу, но более того они ничего не могут сделать, – полагали в правительстве. Поэтому выяснение истины об инцидентах прошлого должно решаться на государственном уровне.

Следующим пунктом разногласий между партиями стал вопрос о том, что именно будет предметом рассмотрения Комиссии по установлению истины и примирению. Партия *Уридан* предложила не включать в задачи Комиссии следующие несколько вопросов: 1) антияпонское движение до и в период японской оккупации; 2) деятельность соотечественников за рубежом, направленная на поддержание государственного суверенитета Республики Корея; 3) случаи насилия, убийства, террора, нарушения прав человека, совершенные враждебными РК силами (имеется в виду южнокорейскими коммунистами, северокорейскими военными, просеверокорейскими группами и проч.) в период с 15 августа 1945 до окончания авторитарного режима [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:57].

В *Уридан* полагали, что в задачи Министерства по делам ветеранов входят вопросы поиска борцов за независимость Кореи, реабилитация жертв антияпонского движения, выплата материальной компенсации, поэтому не стоит нагружать Комиссию дополнительной работой, уже осуществляемой соответствующим ведомством. Но, пожалуй, главной причиной нежелания *Уридан* включать первый и два других вопроса в предмет рассмотрения Комиссии было то, что они не были непосредственно связаны с нарушениями прав человека, к совершению которых в той или иной степени было причастно южнокорейское правительство. Главное внимание Комиссии, по замыслу прогрессистов, должно быть сосредоточено именно на преступлениях южнокорейского правительства. Но они понимали, что если не пойдут на уступки правым, консерваторам, то им не удастся принять закон. Как следствие, они согласились расширить предмет рассмотрения Комиссии, и это в итоге позволило принять его в мае 2005 г. («Основной закон по упорядочиванию исторического прошлого для установления истины и примирения») после длительных дискуссий, а в декабре того же года – учредить соответствующую Комиссию.

Результаты деятельности Комиссии по установлению истины и примирению

«Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения» вступил в силу 1 декабря 2005 г. Цель закона – «рассмотреть инциденты, произошедшие во время исполнения военной службы, а также убийства, насилие, нарушение человеческих прав, случившиеся вследствие противоправной, антинародной деятельности, в ходе антияпонского движения за независимость; осветить истину о рассмотренных

инцидентах, которая была искажена или сокрыта ранее, и внести тем самым вклад в общенациональное объединение посредством примирения с прошлым и укрепления легитимности власти» [Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения 2005]. В соответствии с законом была учреждена Комиссия по установлению истины и примирения, в состав которой входили три комитета: Комитет по установлению истины о движении за независимость, Комитет по установлению истины о массовых жертвах, Комитет по установлению истины о нарушениях прав человека. Комиссия была сформирована из 15 человек: 8 – избраны парламентом, 7 – назначены президентом (четверо из которых – по рекомендации председателя Верховного Суда).

Комиссия рассматривала дела по личному обращению граждан. При этом члены Комиссии имели право самостоятельно инициировать расследование. В течение года (с декабря 2005 по ноябрь 2006 г.) граждане должны были подать заявление с просьбой рассмотреть тот или иной инцидент в прошлом. Заявление могли подать жертвы, родственники погибших, располагавшие какими-либо сведениями о произошедшем инциденте. Комиссия принимала заявления по следующим категориям инцидентов: 1) антияпонское движение за независимость до и в период японской оккупации; 2) деятельность соотечественников за рубежом с целью поддержания и усиления государственной мощи РК в период с 1945 по 1993 гг.; 3) инциденты, повлекшие массовые жертвы населения в период с 15.08.1945 до 1993 г.; 4) инциденты, произошедшие в период с 15.08.1945 по 1993 г. в результате противозаконной деятельности государственных властей или нарушения ими конституционного порядка и повлекшие за собой смерть, ранение, пропажу, нарушение прав гражданина. К этой же категории относилось рассмотрение ранее сфабрикованных правительством дел; 5) инциденты, произошедшие в результате деятельности сил, враждебных РК или отрицающих ее легитимность, – террор, насилие, убийства, гибель во время военной службы в период с 15.08.1945 по 1993 г.; 6) иные инциденты, имеющие важное историческое значение, истина о которых должны быть установлена с целью выполнения цели Комиссии [Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения 2005].

Важно иметь в виду, что Комиссия не была уполномочена подавать иск в судебные органы о пересмотре дел, по которым уже были вынесены решения. Даже если в итоге рассмотрения Комиссии дело было признано ею сфабрикованным правительством, а судебное решение несправедливым, оно не подлежало пересмотру в суде. Комиссия рассматривала заявления граждан, но ее заключение имело юридическую силу только в вопросе выплаты компенсации жертвам. В этом смысле главными задачами Комиссии было установить истину об инцидентах прошлого и восстановить честь жертв. Общее количество зарегистрированных заявлений составило 10860, из них наибольшее количество обращений было по инцидентам с массовой гибелью граждан (случаи массовой резни в годы Корейской войны 1950–1953 гг.) –

7775. Дальше по количеству были заявления о жертвах террора, насилия, убийства, совершенные вражескими РК силами, – 1634 обращений, и заявления о нарушении прав человека, совершенные государственной властью – 458 [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:137]. Комиссия функционировала в течение 4 лет, по итогам ее работы был опубликован отчет, содержащий сведения о рассмотренных ею инцидентах и заключения по каждому из них. 31 декабря 2010 г. Комиссия была распущена.

Несмотря на достаточно большое количество обращений в Комиссию, ею было рассмотрено и вынесены заключения об установлении истины по очень ограниченному количеству дел. Так, например, после первого этапа рассмотрения заявлений о жертвах массовой резни часть не признали действительными, оставив только 7 538. Но итоговые заключения Комиссия вынесла только по 295 случаям, остальные так и остались нерассмотренными в силу юридических ограничений [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:138]. Проблема заключалась в том, что по закону Комиссия не могла рассматривать дела, по которым уже были вынесены судебные заключения или же истек срок обжалования. Только в исключительных случаях, когда свидетели могли предоставить новые доказательства по рассмотренным ранее в суде делам, Комиссия приступала к собственному расследованию. Как следствие, результаты ее работы были значительно скромнее ожиданий многих граждан, чьи близкие пострадали от действий государства в прошлом.

Тем не менее для многих корейских семей признание их родственника жертвой, публичное принесение извинений правительством в совершении того или иного преступления предшествующими властями действовало как бальзам, освобождая от чувства вины и залечивая семейную травму [Kim Dong-choon 2010:8].

Заключение

Политика поиска примирения с прошлым посредством установления истины, реабилитации жертв и выплаты им материальной компенсации, безусловно, внесла свой вклад в дело общенационального объединения. Важно также и то, что подобная инициатива исходила от самого правительства, тем самым оно признало неправомочность действий предшествующих администраций, злоупотребляющих властью. Иными словами, вместе с пересмотром исторического прошлого происходило постепенное переосмысление места и роли государства в обществе – «реабилитация» государства в сознании тех, кто некогда пострадал от него. И несмотря на то, что результаты работы Комиссии по установлению истины и примирению были довольно скромными, учитывая то количество дел, по которым она вынесла заключения, ее деятельность стала фундаментом для последующего создания в Южной Корее на постоянной (временной) основе различных правительственных комиссий, фондов, занимающихся расследованиями инцидентов прошлого – сбором материалов, реабилитацией жертв,

выплатой материальной компенсации. Таким образом, вопросы выяснения истины о прошлом стали нормой исторической политики.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список

- Асмолов К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М., 2019.
- Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Генеральная Ассамблея ООН. 7 июня 2007. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/5/7> (дата обращения: 05.01.2021).
- Но Мухён. Сонгон-ква чвачжоль [Успех и крах]. Сеул, 2009.
- Пэ Сочжин. Хан нун-е по-нын «Мун Чжэин хонпоп кэчжонан» [Коротко о проекте Мун Чжэина поправок в Конституцию], 2018.03.26. URL: <http://www.ttimes.co.kr/view.html?no=2018032615447742132> (дата обращения: 06.01.2021).
- Чамьё чонбу чончхэк погосо. Пхогвальчжок квагоса чонни – хвахэ-ва сансэн-ый мирэ-рыль хянхэ. [Отчет о политике «правительства участия». «Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого: в направлении к примирению и гармоничному будущему»]. Сеул, 2008. URL: <http://archives.knowhow.or.kr/policy/report/view/17310?page=1> (дата обращения: 02.01.2008) (На корейском).
- Чинсиль – хвахэ-рыль вихан квагоса чонни кибон поп [Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения]. URL: <https://www.law.go.kr> (дата обращения: 03.01.2021) (На корейском).
- Ferrara Anita. Assessing the Long-Term Impact of Truth Commissions: The Chilean Truth and Reconciliation Commission in Historical Perspective. Abingdon, Routledge, 2015.
- Kang Jiyeon. Igniting the internet. Youth and activism in postauthoritarian South Korea. Honolulu, 2016.
- Kihl Young Whan. Advancing democracy by promoting “participatory government” through a vibrant market economy // Two years of Roh Moo-hyun administration. Achievements and challenges. Seoul, 2005.
- Kim Dong-choon. The truth and reconciliation commission of Korea: uncovering the hidden Korean War // The Asia-Pacific Journal, 2010. 8 (9). 8. URL: <https://apjpf.org/-Kim-Dong-choon/3314/article.html> (accessed: 04.01.2021).
- Kim Hun Joon. Local, National, and International Determinants of Truth Commission: the South Korean Experience // Human Rights Quarterly. Vol. 34. No. 3 (August, 2012). P. 726–750.
- Vora J. A., Vora E. South Africa’s Truth and Reconciliation Commission: Perceptions of Xhosa, Afrikaner, and English South Africans // Journal of Black Studies. Vol. 34. No. 3 (Jan., 2004). P. 301–322.

References

- Asmolov, K. V. (2019). *Korean political culture: traditions and transformation*. Moscow.
- Bae, S. (2021). *Han nun-ae bo-neun “Moon Jae-in heonpop kaejeonan”* [A short review of the Moon Jae-in’s project of the revision of Constitution] 2018.03.26. Retrieved January 6 from URL: <http://www.ttimes.co.kr/view.html?no=2018032615447742132> (In Korean).
- Chamyeo jeongbu jeongchack bogoseo. Pogwaljeok gwageosa jeongni hwahaewa sangsaengui miraereul hyanghae [Report on policies of the participatory government. The comprehensive systematization of the historical past: towards reconciliation and a harmonious future]. Seoul, 2008. Retrieved January 2, 2021, from <http://archives.knowhow.or.kr/policy/report/view/17310?page=1>. (In Korean).
- Ferrara, A. (2015). *Assessing the Long-Term Impact of Truth Commissions: The Chilean Truth and Reconciliation Commission in Historical Perspective*. Abingdon, Routledge.

- Jinsil hwahaereul wihan gwageosa jeongni gibonbeop [The basic law on the systematization of the historical past for the truth and reconciliation]. Retrieved January 3, 2021, from <https://www.law.go.kr> (In Korean).
- Kang, J. (2016). *Igniting the internet. Youth and activism in postauthoritarian South Korea*. Honolulu.
- Kihl, Y.W. (2005). Advancing democracy by promoting “participatory government” through a vibrant market economy. *Two years of Roh Moo-hyun administration. Achievements and challenges* (pp. 104–109). Seoul.
- Kim, D. (2010). The truth and reconciliation commission of Korea: uncovering the hidden Korean War. *The Asia-Pacific Journal*, 8(9), 8. Retrieved January 4, 2020, from <https://apjpf.org/-Kim-Dong-choon/3314/article.html>.
- Kim, H.J. (2012). Local, National, and International Determinants of Truth Commission: the South Korean Experience. *Human Rights Quarterly*, 34(3), 726–750.
- Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. UN General Assembly. June 7, 2007. Retrieved January 5, 2021, from <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/5/7>.
- Roh, M. (2009). *Songeong-gwa chwajeol* [Success and Frustration]. Seoul. (In Korean).
- Vora, J.A., & Vora, E. (2004). South Africa’s Truth and Reconciliation Commission: Perceptions of Xhosa, Afrikaner, and English South Africans. *Journal of Black Studies*, 34(3), 301–322.

Сведения об авторе:

Kim Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация (e-mail: nkim@hse.ru) (ORCID: 0000-001-7728-7968).

About the author:

Natalya N. Kim – PhD in History, Associate Professor at the School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation (e-mail: nkim@hse.ru) (ORCID: 0000-001-7728-7968).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-316-330

Research article / Научная статья

North Korean Posters as a Mean of Propaganda

A.K. Vorobeva, S.S. Ragozina

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. Propaganda is an attempt to spread social and political values to influence people's thinking, as well as to control and shape their behavior. It is an inseparable tool of the North Korean state. In a totalitarian state where digital information is restricted, the standards of living are low, and access to education is limited, propaganda is a part of almost all everyday routines. Its key function is to support the existing regime and teach citizens to obey it. Drawing on semiotic methodologies, this article examines North Korean propaganda through the prism of visual art and identifies distinctive features of posters as one of the major elements of the complex system of North Korean propaganda. The relevance of this work lies in the permanent interest in the phenomenon of North Korean propaganda in the international arena. The purpose of this work is to study the distinctive features and characteristics of propaganda posters as an integral part of North Korean propaganda. The objectives of this work are a detailed consideration of the propaganda system, its distinctive features, structuring of campaign posters, slogans, and messages with their accompanying translation, embedded within this type of propaganda.

Keywords: propaganda, North Korea, posters, DPRK, Juche, agitation

For citation: Vorobeva, A.K., & Ragozina, S.S. North Korean posters as a mean of propaganda. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 316–330. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-316-330

Северокорейские плакаты как инструмент пропаганды

А.К. Воробьева, С.С. Рагозина

Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Аннотация. Пропаганда – это неотъемлемая часть существования северокорейского общества. В условиях почти полного отсутствия цифровых информационных носителей, достаточно низкого уровня жизни и образования населения, продвижение проправительственных лозунгов становится частью каждодневной рутины. Ее главная функция – это сохранение полного беспрекословного подчинения правительству и восхваление выдвигаемых им идей. Опираясь на семиотическую методологию, в данной статье подробно рассматривается процесс проявления визуальной агитации на примере пропагандистских плакатов, определяются их отличительные особенности как одного из ключевых элементов сложной системы

© Vorobeva A.K., Ragozina S.S., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

северокорейской пропаганды. Актуальность данной работы заключается в повышенном интересе к феномену пропаганды Северной Кореи на международной арене. Целью данной работы является изучение особенностей пропаганды КНДР на примере агитационных плакатов. Задачами данной работы являются структурирование агитационной системы и классификация агитационных плакатов с их сопутствующим переводом, рассмотрение лозунгов и посылов, заложенных в данный вид пропаганды.

Ключевые слова: пропаганда, постеры, Северная Корея, КНДР, Чучхе, агитация

Для цитирования: *Vorobeva A.K., Ragozina S.S. North Korean Posters as a Mean of Propaganda // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 316–330. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-316-330*

Introduction

North Korea is a country with a socialist system that appeared on the world map in 1948. The legitimacy of the North Korean state is based almost exclusively on the personal legitimacy of the Kim dynasty and maintained by the indoctrination of people through the enactment of leadership cults in daily life. Therefore, propaganda plays one of the most important roles in spreading the ideology and in educating the general public about the politics of the Workers' Party of Korea (WPK).

North Korean propaganda divides its characters into “good” and “bad”. Their images are essentialized and have no shades. The main protagonists of the propaganda are soldiers as embodying the “military first” policy, workers representing the people and women symbolizing the motherland and breadwinner. Special attention is paid to women: “The women of our country are inherent in the selfless loyalty to the party; they are given an important role in the revolution and the construction of a new society”¹.

Traditionally, propaganda is understood as an attempt to spread social and political values to influence people's thinking, as well as to control and shape their behavior. Propaganda generates meanings, opinions, and views. Scholars distinguish three major principles of propaganda:

1. The idea that to be promoted should relate to what is already strongly felt by the target group (e.g., the desire to build a powerful state, reunite the divided nation into a single country), and use different methods as an appeal to broadly spread a particular attitude on different levels, which further helps to fix the idea and a positive perception around it.

2. An optimistic response to an idea or an opinion is supported by manipulation (e.g., frequent repetitions in the media);

3. Propaganda should be disguised as information, allowing people to believe in it without feeling manipulated.

Drawing on this summary, we can see how propaganda posters become a powerful propaganda tool [Zhang 2016]. Posters present eye-catching images and visual designs,

¹ Kim Jong il. (2016). Address to the participants of the VI Congress Democratic Women's Union of Korea on 17th of November 105 Juche. Retrieved August 04, 2020, from http://dprk-dv.ru/wp-content/uploads/2018/09/Kim_Chen_Ir-ZhENSchINY_MOGUChAYa_SILA_V_PRODVIzhENII.pdf.

bright colors, and diverse text fonts and sizes to draw in the attention of their audiences. In political contexts, posters reach out to the general public, spreading awareness to a topic or bringing attention to new policies at numerous locations.

In the North Korean dialect, the word “propaganda” is often equated to the word “poster,” which emphasizes the importance of graphic arts as a tool of propaganda. The WPK’s emblem represents an adaptation of the canonical communist hammer and sickle, with a traditional Korean calligraphy brush. Such a choice of symbols emphasizes the importance of arts and creativity in promoting socialism in the masses. However, North Korean propaganda images are more formalized and homogenous in style than in other socialist countries [Park 2020].

The DPRK’s totalitarian government naïve and unwieldy propaganda language that could doubtfully impress an outsider, yet this language demonstrates the extent of the DPRK’s social control over its citizens. Vivid and colorful posters are usually featuring a “screaming” plot and cover a timely problem. Propaganda art is a part of North Korean culture and a strong ideological weapon. Overall, it opens up an unusual perspective on North Korea’s isolated society.

Posters feature current political slogans, as well as social and historical declarations, and thus they represent the image of the country as desired by the state. They document the stubborn conviction and strong determination of the Kim dynasty to follow the ideological path chosen in the 1950s and preserve the three basic national concepts of Juche ideology. In this framework, posters can be seen as extreme representations of what makes the ideal reality of North Korean socialist society [Park 2020].

North Korea’s ruling elite inculcated a new moral code and ethics, creating conditions for a sense of national cohesion and portraying North Korea as a perfect country, different from the tyranny of the United States and other Western countries. Propaganda manipulates people’s minds and offers them plausible explanations of what they do not understand [Sommer 2017]. Evidently, the Kim regime masterfully uses the above three principles of propaganda to consolidate and preserve its hegemonic power. Despite financial problems, food shortages, and repressions, the people of North Korea are loyal to the regime and do not fight for the change. They cannot imagine anything about the world to the fullest extent, for all that surrounds them is the constant praise of their leaders [Lankov 2007].

Further, we will take a closer look at the propaganda posters and analyze their slogans and compositions. We offer the following typology of topics covered in propaganda posters: posters for peasants, patriotism and military affairs, reunion, the Juche idea, and the great leaders. The following sections examine each type.

Posters for peasants

Most of the agitation poster characters are agricultural workers. The country survived a severe famine between 1995 and 1999, and now the government aims to continuously improve the productivity of the national economy. That is why a popular character of posters is an agriculture worker. For example, an agricultural worker on Fig. 1 urges to “unite for weeding” Being placed in the middle of the poster, he lively points to the raw fields.

Fig. 1. Unite for weeding!

Source: North Korea's agitation posters [Art]. – Uri minzokkir. Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stypе=0&ctypе=0&lang=rus&skey=плакаты>

A distinctive feature of agriculture workers is their uniform: hats that protect them from the sun and garments that differ from those of factory workers'. In Fig. 2, a woman wears a badge that is her recognition for demonstrating her outstanding qualities as an employee. Similar to the character of “Bloody sea”, a famous opera and film of North Korea, the poster is supposed to inspire the audience to work harder. The slogan on the poster can be roughly translated as follows: “Hurry up and grow corn sprouts by the time the fields are sown!” This vivid call is the key element of this propaganda picture. Similarly, Fig. 3 shows a young female peasant with an armful of golden ears, along with other North Koreans, ready to meet the plan set by the government and happy to work for the benefit of her country.

Fig. 2. Hurry up and grow corn sprouts by the time the fields are sown!

Source: North Korea's agitation posters [Art]. – Uri minzokkir. Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stypе=0&ctypе=0&lang=rus&skey=плакаты>

Fig. 3. Let's take over agricultural production targets

Source: North Korea's agitation posters [Art]. – Uri minzokkir. Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stye=0&ctye=0&lang=rus&skey=плакаты>

Posters on patriotism and military affairs

Fig. 4 shows a soldier holding a gun firmly. In the background, we see other soldiers shooting a target, running, and doing other military training. The slogan reads: “Let all people love weapons and carefully study military science!”.

Fig. 4. Let all people love weapons and carefully study military science

Source: Exhibition “Made in North Korea” [Art]. Moscow, Ultra Modern Art Museum (UMAM)

Such posters put military affairs at the center of the state ideology, emphasizing the primacy of the army and giving it the priority in state affairs and resource allocation. Konstantin Asmolov argues that “the place of the army in North Korean society remains constant. Soldiers become builders, as they take a part in the construction of civilian objects; appointees from the military environment manage

the construction of civilian objects and the economy as a whole...” [Asmolov 2017]. To improve the economic situation in the country, it is very important to involve all the people of the country in the military business, so such campaign posters contain a bright story and shouting slogans that should inspire people from childhood.

Fig. 5 shows a soldier with a face full of hatred, just as firmly holding a weapon in his hands. The slogan says “Do not forget the bloody lesson!”. The background emphasizes the words about the bloody lesson – it is made in red-orange colors, which symbolizes the fire and blood the country sank during the Korean War.

Fig. 5. Do not forget the bloody lesson!

Source: Exhibition “Made in North Korea” [Art]. Moscow, Ultra-Modern Art Museum (UMAM)

This idea is smoothly transferred to another poster (Fig. 6), where the campaign slogan reads: “For Homeland – Death to the American invaders!”.

The DPRK’s authorities cultivate among their people the hatred of the US, presenting American participation in the Korean War as a violent intervention via recruiting deceitfully a part of their amicable nation. Dying for the sake of the homeland’s unity is what any North Korean citizen should be prepared to do.

Fig. 6. For Homeland – Death to the American invaders!

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <https://kcnawatch.org/?s=poster>

The education of such mentality begins in school and is reinforced everywhere with propaganda posters [Asmolov 2018]. As the motherland on the poster presented an elderly woman in traditional Korean clothes as if leading her children, the soldiers of her country, to fight a ruthless enemy. Such a trick was very common in the socialist countries of the past [Chaus 2010]. Association with mother pays great attention to the perception of the idea disassembled above.

The slogan in Fig. 7 reads “North Korea’s answer!”. It shows the DPRK’s nuclear missiles pointed at the already destroyed Washington Capitol. North Korea’s flag is belligerently flying at the background of the picture, maximizing the superiority of one country over another. The importance of the flag shows that people should always put their country at the top of everything [Chaus 2010].

Fig. 8 shows negligible American soldiers completely defeated and begging for salvation under the threat of North Korean weapons. The inscription says “at one stroke”.

As we already know, one of the principles of propaganda is the division of “good” and “bad”. Then propaganda tools represent the “bad” as the enemies of the entire nation, focus people on the fight against capitalist America to distract them from other problems inside the country. The above principle is very clear.

Fig. 7. North Korea’s answer!

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <https://kcnawatch.org/?s=poster>

Fig. 8. At one stroke

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stype=0&ctype=0&lang=rus&skey=плакаты>

North Korea confidently declares to the world that America is the main enemy of all countries. The absolute majority of propaganda is aimed to educate people to destroy the common enemy [Lee, Bairner 2009]. Fig. 9 depicts an American

soldier holding a paper in his hands with the following words: peace and keeping force which are part of term United Nations Peacekeeping Force, as well as a dollar sign next to which is written the word meaning help or support. In the background, we see one single thing in the shadow of this paper: words war plan, which is part of the notion “United States color-coded war plans”.

Fig. 9. World, do not be fooled!

Source: North Korea's agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency.

Retrieved January 10, 2021, from

<http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stype=0&ctype=0&lang=rus&skey=плакаты>

This means that DPRK does not believe in the good intentions of the US but sees it as an imperialist power striving to gain control over all countries. The large inscriptions on the top and bottom right corners address the international community: “World, do not be fooled!”. Such a framing underscores North Korea’s noble position and its duty to open the eyes of the international community to American deceptions and traps. Hence, for North Korean people, the US becomes the main “national enemy” who not only tricked the “lost sister” into the wrong capitalist system but also enslaved other countries. This theme brings us to posters that focus on the reunification of Korea.

The reunification dream

The main problem of North Korean propaganda after the end of the Korean War was the reunification. The DPRK’s authorities are showing their people the following picture: the destruction on the South, the U.S. forcibly took over the “lost sister” [Lee, Bairner 2009]. They are forcing the Republic of Korea to follow the capitalist path. Therefore, all this has to be stopped, the U.S. invaders

have to be driven out of the southern part of the peninsula and then united into a single country under a single flag and ideology. The slogan in Fig. 10 is one of the direct reflections of these ideas: “North and South! Let’s unite under the banner of reunion!”. The poster depicts different representatives of Korean society supposedly from both sides. All characters hold firmly the banner in the form of the Korean peninsula undivided by the 38th parallel. The protagonists of the poster evoke associations related to people’s pride, unity, strength, and wisdom. Their mouths are open as if they are saying this slogan aloud, the woman even holds a loudspeaker in her hands, but is it a loudspeaker of people’s ideas or a loudspeaker of the government?

Fig. 10. North and South! Let us unite under one banner of reunion!

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency.

Retrieved January 10, 2021, from

<http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stype=0&ctype=0&lang=rus&skey=плакаты>

Initiatives for reunification also come from the southern part of the peninsula, but the ideas that had been put in this concept are very different from those on the northern side [Asmolov, Lebedev 2021]. The main characters on the poster shown in Fig. 11 are the representatives of a single Korean nation. A woman in the foreground is dressed in Korean national clothes, the hanbok, a symbol of national identity. The heroes of the foreground look at the illuminated image of the united Korean peninsula with happiness. People in the background raise their hands to the sky in joy associated with the reunification. The slogan on this bright poster promises that “North and South together with our brothers abroad under one banner together will create a great, prosperous and powerful country”.

Fig. 11. North and South, and all our brothers abroad: under a common banner together we will create a great, prosperous and powerful country!

Source: North Korea's agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <https://kcnawatch.org/?s=poster>

The Juche ideas

Juche is the official ideology of North Korea, which the government describes as “Kim Il-sung’s original and revolutionary contribution to national and international thought.” It postulates that “the man is the master of his destiny,” and thus the Koreans must become “masters of revolution” and, by becoming self-sufficient and strong, their country will achieve the true socialism [Asmolov 2018].

All propaganda posters carry the basic principles of Juche. Some of them are aimed directly at promoting the basic ideology of the country. For example, the poster depicted in Fig. 12 reads “Let the sun of the Juche idea shine to you forever!”, Kim Il Sung and Kim Jong Il are presented on the poster in the same poses as they are presented in the main square of Pyongyang in the form of statues. The rulers are high above their people, dominating them and protecting them from various misfortunes and temptations from capitalist countries. Although “man is the master of his destiny”, every man needs a mentor. That is why North Korea has such a developed cult of the leader – people believe in mentoring and in the single correctness of the Juche teachings. It is noteworthy that only Kim Il-sung is considered the sun of the North Korean nation.

The slogan on Fig. 13 says “Let us become strong in our thoughts and ideas!”. This poster is a vivid example of blind adherence to the state ideology. The drawn soldiers are furiously fighting for the ideas, goals, and thoughts of their country. The whole poster is filled with a red color that attracts attention and is associated with socialist ideas, therefore, with Juche. Red color attracts attention, and thus the message of this slogan will be more noticeable among other attributes of the city.

The slogan on Fig. 14 written in green translates as “just do it”, and below that is “This is a philosophy of self-reliance!”. Relying on your own strength, owning your own destiny is the basis of Juche. The worker depicted in Fig. 14 is an ideal

person for his country: he works for the benefit of the nation and believes in the national ideas. Such phrases are a good lever for hidden propaganda, they seem to push people to action, but these actions are aimed only at the benefit of the state.

Fig. 12. Let the sun of the Juche idea shine to you forever!

Source: Exhibition “Made in North Korea” [Art]. Moscow, Ultra-Modern Art Museum (UMAM)

Fig. 13. Let us become strong in our thoughts and ideas!

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <https://kcnawatch.org/?s=poster>

Fig. 14. “Just do it” – this is a philosophy of self-reliance!

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <https://kcnawatch.org/?s=poster>

Praise the ideas and worship the leaders

The worship of the Great Leaders and praise of their sensible ideas is one of the most common subjects of propaganda posters. Posters of this genre are always performed on a background, usually, in red, which is extremely eye-catching. The protagonists of the poster stand in breathtaking positions that attract attention, usually pointing somewhere, or holding something symbolic in their hands [Chaus 2010].

On Fig. 15, the inscription reads: “Long live the great anti-Japanese leader Kim Il Sung!”. The Figure of the leader himself is much higher than the soldiers of his army, this once again emphasizes his dominant position as an assistant in following the right path of the Juche idea.

Fig. 16 shows the phrase “All for the tasks of this New Year’s Eve speech!”. Such posters are reprinted every year to encourage people to work in the agrarian parts of the country.

Also included in this category are posters that call people to elections or to go on another work shift for a certain number of days, and their examples are shown in Fig. 17 and Fig. 18. The heroes of such posters are put in the center to draw the attention of passing by pedestrians from any angle.

Fig. 15. Long live the great anti-Japanese leader Kim Il Sung!

Source: North Korea’s agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <https://kcnawatch.org/?s=poster>

Propaganda slogans are usually placed either directly on top of the picture of the poster, or in a separate place below the picture. In both cases, the inscription is eye-catching because of the rich plot of the picture.

Based on the results of a structured analysis of the selected propaganda posters, the following conclusions can be drawn: the main attention is paid to the promotion of the ideas of military affairs and patriotism. An important aspect is also the promotion of Juche, the country’s main ideology, and the praise of the Great Leaders. There are also propaganda posters to encourage the implementation of economic plans, calling people to harvest, and so on.

This article steps towards filling a gap in knowledge about the politics of arts in North Korea, linking it to the art of politics by discussing propaganda technics

employed by the government. It provides commentary, translation, explanation, and structured material that will facilitate future research and analysis of the longevity of the North Korean regime. North Korean propaganda posters make it easier to see how the government is rearranging history, conserving the minds of the nation, and legitimizes policy shifts to assure its survival.

Fig. 16. All for the tasks of this New Year's Eve speech!

Source: Korea's agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency.

Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stype=0&ctype=0&lang=rus&skey=плакаты>

Fig. 17.

Source: Korea's agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency.

Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stype=0&ctype=0&lang=rus&skey=плакаты>

Fig. 18.

Source: Korea's agitation posters [Art]. – Korean Central News Agency. Retrieved January 10, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?stype=0&ctype=0&lang=rus&skey=плакаты>

An important aspect of propaganda is the associations that arise when viewing them. The point of using propaganda posters with specific associations lies in the establishment of the ideas, providing the masses with all the advantages of the current leadership. Besides, posters are not only works of art but also a reflection of elements of the country's cultural heritage with a high level of conservatism.

In all social countries, one of the most important means of propaganda of the ideology was a political propaganda poster. Engels highly appreciated the role of the posters in spreading the revolutionary movement, emphasizing that posters are the main means of influencing the proletariat [Chaus 2010]. This makes propaganda posters a unique target for research. Engaging with images is much easier than with speech or text, and hence we can see the roots of the problem. Moreover, in the case of the DPRK, we pop in the development of a closed state, where propaganda is the fundamental function of art.

Propaganda is a tool of paramount importance to the survival and longevity of the Kim regime in North Korea [Asmolov, Lebedev 2021]. It shapes the ideas of an entire population through vivid slogans and propaganda posters, appealing to them with a unique blend of communist culture and Korean mentality. The propaganda posters are a mouthpiece of DPRK's government power, rather than a mouthpiece of the people's will.

The current stringent social control measures, combined with a closed flow of an information environment, will continue to restrict North Korean citizens' access to information from the outside world, leaving only the right to choose to introduce propaganda in their daily lives.

The regime's control is in the hands of the authorities, and it will continue to take advantage of the elite and the military, giving them privileges and a higher standard of living, while the rest will be left with only loud slogans. [Chaus 2010] The three leaders of the Kim dynasty differ in their politics, methods of working with their subordinates, and ideas, but their propaganda remains unchanged. Their propaganda tactics continue to exaggerate their achievements, vilify other nations, regimes, countries, inspire only good ideas, and subjugate the people of the country to their power so that they do not lose their right to rule the nation. If Kim Jong-un maintains the propaganda control of society, which currently continues to influence political decisions to retain power, his future son is likely to become the fourth leader of the regime in North Korea, thus preserving and continuing to implement Juche's ideas.

Received / Поступила в редакцию: 15.01.2021
Accepted / Принята к публикации: 12.02.2021

References

- Asmolov, K. (2017). *Korean Political Culture: Tradition and Transformation* (2nd ed.). Moscow: Dmitry Pozharsky University. (In Russian).
- Asmolov, K. (2018). *Not just missiles: a historian's journey to North Korea*. Moscow: Dmitry Pozharsky University. (In Russian).

- Asmolov, K., & Lebedev, V. (2021). North Korea's Ideology and Propaganda: Signs of Change. *Russia in Global Affairs*, 1(19), 70–97.
- Chaus, N.V. (2010). Soviet posters of 1917–1920. The main means of promoting socialist ideology. *Socio-economic phenomena and processes*, 6, 220–223. (In Russian).
- Gabroussenko, T. (2011). From Developmentalist to Conservationist Criticism: The New Narrative of South Korea in North Korean Propaganda. *Journal of Korean Studies*, 16(1), 27–61.
- Lankov, A. (2007). *North of the DMZ: Essays on Daily Life in North Korea*. Seattle: McFarland & Compan.
- Lee, J.W., & Bairner, A. (2009). The Difficult Dialogue: Communism, Nationalism, and Political Propaganda in North Korean Sport. *Journal of Sport and Social Issues*, 4(33), 390–410.
- Park, C. (2020). Propaganda Posters and “Visual Agitation (jikkwan sondong)” in DPRK: Studying the Process of Internalizing Agitation Propaganda. *Korean Bulletin of Art History*, 54, 205–221. (In Korean).
- Sommer, M. (2017). Pyongyang, Propaganda and Postage Stamps. *North Korean Review*, 13(2), 74–83.
- Zhang, N. (2016). *Propaganda Visualizations of the Chinese Communist Party in Posters & Magazine Covers during 1989–2009*. Helsinki: Aalto University.

About the authors:

Anastasia K. Vorobeva – Student of Higher School of International Relations and Oriental Studies at the Kazan Federal University (e-mail: vavv25@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-3305-2598).

Sabina S. Ragozina – Senior Lecturer, Department of Altaic and Chinese studies, Higher School of International Relations and Oriental Studies, Kazan Federal University (e-mail: sabi.ragozina@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-1177-9200).

Сведения об авторах:

Воробьева Анастасия Константиновна – студент Высшей школы международных отношений и востоковедения Института международных отношений Казанского федерального университета (e-mail: vavv25@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-3305-2598).

Рагозина Сабина Сергеевна – старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского федерального университета (e-mail: sabi.ragozina@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-1177-9200).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
